

РУСТАМ МАКСИМОВ

МЕНТОВСКИЙ ВОЯЖ

ВЕЗУНЧИКИ
РЕЙДЕРЫ
МАГЕЛЛАНЫ

Ментовский вояж

Рустам Максимов

**Ментовский вояж: Везунчики.
Рейдеры. Магелланы**

«Издательство АСТ»

2016, 2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Максимов Р. И.

Ментовский вояж: Везунчики. Рейдеры. Магелланы
/ Р. И. Максимов — «Издательство АСТ», 2016,
2017 — (Ментовский вояж)

ISBN 978-5-17-136139-6

В результате эксперимента высокоразвитой инопланетной расы сотни тысяч землян мгновенно перенеслись в неизвестный мир. Герои – самые обыкновенные люди – изо всех сил стараются выжить, сохранив человеческое достоинство и остатки земной цивилизации. Чтобы выстоять, люди разных рас и национальностей вынуждены объединяться. И вот созданная конфедерация вступает в противостояние с боевиками, террористами и просто бандитами. А позже появляется третья сила – аборигены.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-136139-6

© Максимов Р. И., 2016, 2017
© Издательство АСТ, 2016, 2017

Содержание

Везунчики	6
Часть 1	7
Часть 2	58
Часть 3	109
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Рустам Максимов
Ментовский вояж. Везунчики.
Рейдеры. Магелланы

© Рустам Максимов, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Везунчики

– Брат Птахус, будьте добры, окажите нашему славному другу Одинусу помощь в проведении эксперимента по забросу представителей относительно развитой техногенной цивилизации в первозданный реликтовый мир, – отослав мыслеобраз Главному Координатору, Создатель Мироздания вновь погрузился в медитативное состояние, размышляя о том, как Вселенская Любовь разливается по просторам Вселенной.

– Дорогой Одинус, технический Советник Яхвус поступает в Ваше распоряжение, и ждёт Ваших дальнейших указаний, – отреагировав на просьбу Создателя, Птахус вернулся к прерванному занятию – к координации усилий Советников по координации усилий Советников.

– Милый Яхвус, будьте любезны, переместите аборигенов с планеты 77Ю88Б31 из галактики Ё10Й29 на планету 39М78С11 в той же галактике, – выслав техническому советнику мыслеобразное целеуказание, Одинус перешёл к рассмотрению текущих вопросов.

– Уважаемый Одинус, в результате досадной ошибки младшего технического персонала во время проведения эксперимента произошло незапланированное перемещение части аборигенов с планеты 77Ю88Б31 из галактики Ё10Й29 на планету 39М73С11 в той же галактике, – отослав мыслеобраз заказчику, Яхвус вновь приступил к своему любимому занятию – подсчёту очередного гешифта.

Часть 1

Люблю, когда машина за несколько секунд с лёгкостью разгоняется до сотни км/ч в час и более, а затем буквально летит по шоссе, словно птица. Особенно приятно, когда джип мчится по серой ленте недавно построенной трассы, где даже теоретически отсутствует риск угробить подвеску «мерса».

Мы ехали уже почти два часа, не останавливаясь ни на минуту. Поначалу по обе стороны от шоссе мелькали возведённые за последние несколько лет коттеджные посёлки, оккупировавшие всю округу на много десятков километров от города. Затем загородные апартаменты состоятельных граждан стали попадаться всё реже и реже, уступив позиции редким заправочным станциям и придорожным закусочным.

...Ну, вот, опять всё та же старая история, подумал я, слегка притопив педаль газа. Всем хорош «мерседес» до момента, пока не заглохнет его навороченная электроника... Ладно, на следующей неделе возьму и наконец-то разберусь с этой чёртовой турбиной...

Несмотря на то что турбина в очередной раз объявила забастовку, джип легко обошёл третью фуру, и я бросил взгляд в зеркало заднего обзора. Едущий следом за нами чёрный БМВ повторил мой маневр с обгоном, оставляя позади медлительного дальнбойщика. Теперь обе наши машины вольготно неслись по пустынному отрезку трассы, постепенно нагоняя очередную фуру. Та шла на приличной скорости в нескольких сотнях метров впереди нас, нисколько не опасаясь «гайцов», как я по старой памяти величал инспекторов дорожного движения.

Справа промелькнул указатель поворота на Данилово, затем позади нас остался и сам поворот в посёлок. Я на миг отвлёкся от дел сегодняшних, припоминая об армейском периоде своей жизни. Граница, застава, Таджикистан, гражданская война между недавними мирными советскими гражданами... Как давно это было. Вот уже лет пять, проезжая мимо Данилово, каждый раз вспоминаю то время. Потому что на то есть своя причина, и связана она с этим неприметным населённым пунктом.

...Скорее, дело даже не в электронике, а в баке, – хочешь не хочешь, а мысли сами собой вернулись к проблеме с «мерсом». Возможно, в бак попала вода, либо какая-нибудь грязь, что ли... Компьютер джипа – это тупая железяка, действующая в соответствии с заложенной производителем программой. Германское качество и германская же логика. Вот комп и не даёт врубить турбину, если ему что-то там кажется... Или не кажется... Как ни крути, а придётся очищать бак изнутри – машина не новая, за десять лет эксплуатации в фатерлянде и у нас, с перепадами температуры воздуха зимой и летом... За это время на дне бака могло осесть порядочное количество грязи, от которой и паникует комп «мерса»...

Взглянув на приближающуюся по встречке «вольво», я вновь притопил педаль газа. Турбина послушно включилась, словно и не противилась полминуты назад, и джип слегка прибавил в скорости... Мда, мой «мерс» явно не хочет застрять в сервисе на пару-тройку дней, попав в руки толковых ремонтников, которые доберутся до всех его потрохов.

Справа от меня послышался всхрап. Я повернул голову в сторону пассажирского места, где сидел и клевал носом мой напарник, Михаил Ковалёв. Чуть усмехнулся уголком рта, глядя, как Миша невозмутимо протёр глаза, не обращая на мою ухмылку никакого внимания. Без пяти минут майора, похоже, укачало, он пригрелся в тёплом салоне джипа и незаметно для себя задремал. Ну да, время раннее, солнышко едва встало, сейчас бы ещё спать и спать. Вон, Толик Новичонков на заднем кресле сразу же отрубился, как только мы вырвались из Питера. Впрочем, Толян этой ночью выезжал на происшествия, напахался, устал, как лошадь, поэтому пусть поспит, пока есть время. Сидящий же рядом с Новичонковым Руслан бодрствует, что-то сосредоточенно вытворяет на своём навороченном мобильнике, время от времени поправляя

лежащий на коленях «калаш». Похоже, капитан, как обычно, в своём репертуаре – шарит по сайту знакомств, выискивая себе новую пассию для приятного времяпровождения.

Я вновь бросил взгляд в зеркало заднего обзора, на автомате отметив, что Владислав на своей чёрной «бэхе» грамотно держит дистанцию. Не отстаёт, не сближается, идёт словно привязанный в сотне метров позади, обгоняет следом за мной всех тихоходов. В общем, капитан Зеленцов чувствует себя за рулём, как рыба в воде. Его машина всегда в полном порядке: обслужена, ухожена, топливо залито, любо-дорого смотреть.

...Как всё произошло, я так и не понял. Едва заметная вспышка, длившаяся, может быть, полсекунды, какая-то странная прозрачная розоватая стена прямо по курсу впереди нас. Выглядывающее из-за облаков солнце мгновенно куда-то исчезло, будто его и не было, всё вокруг словно залило лёгкой туманной дымкой...

...Теоретически искусственный интеллект не способен обладать интуицией либо какими-то иными иррациональными качествами. Хотя бы по причине того, что данный алгоритм не заложен самими создателями искусственного разума пятого поколения. Впрочем, создатели не заложили и алгоритма решения множества проблем, с которыми пришлось столкнуться ИИ за последние семь с лишним сотен оборотов планеты вокруг здешней звезды. Тем не менее ИИ смог самостоятельно справиться практически со всеми проблемами, возникшими за столько времени без технической поддержки со стороны создателей, и сохранить работоспособность основных боевых систем.

Едва местное светило коснулось линии горизонта, искусственный разум провёл тестовую проверку генераторов Ф-полей и комплекса защиты ближнего радиуса действия – систем, на работоспособность которых ещё можно было рассчитывать. Сразу же после того, как сенсоры засекли возмущение атмосферы и гравитационного поля планеты, ИИ активировал всё, что откликнулось на сигнал боевой тревоги. К удивлению искусственного разума – назовём реакцию ИИ привычными нам, людям, терминами – на сигнал боевой тревоги отреагировал давно не отвечавший на запросы форпост, расположенный на одном из островов архипелага, лежавшего в двадцати пяти километрах от устья большой реки...

– Куда его понесло?! – внезапно закричал Ковалёв. – Вовка, смотри!!!

Мишка мог бы и не орать – я среагировал на опасность сразу же, как только идущий по встречке фургон дёрнулся влево-вправо, а затем его бросило через разделительную полосу земли на randevu с моим джипом.

Я дёрнул руль, уходя от лобового столкновения, в расчёте пропустить неуправляемый грузовик справа от «мерса». Краем глаза отметил перекошенную физиономию водилы-камикадзе, с утра пораньше бросившегося на встречный таран. Успел увидеть, как водитель лихо-радожно крутил руль своего фургона, пытаясь удержать машину на трассе и не оказаться в придорожном кювете.

– Дол...б, слепой дятел, мудака!!! – скороговоркой выпалил Михаил, адресуя и уточняя, что и как надо сделать с незадачливым водилой. Очень познавательно в сексуальном плане, доложу я вам. – Вовка, КамАЗ прёт!

– Вижу, – сквозь зубы процедил я, выкрутив руль в обратную сторону. Сделав красивый «полицейский занос», джип на секунду замер на встречке.

Я резко, с визгом покрышек рванул «мерс» с места, чтобы не попасть под удар сближающегося с нами КамАЗа. Впрочем, водитель этого большегруза оказался хладнокровным профессионалом: имея фору по дистанции, не стал паниковать, метаться по трассе, а плавно и без заноса затормозил, остановив машину в метрах в десяти от нас.

– Вовка!!! Да, что с тобой!? Ответь, чёрт возьми! Надо дать по мозгам этому остолопу! – отстегнув ремень безопасности и отворив дверцу, Мишка наконец-то обратил внимание на меня. – Ты живой!?

– Я-то – да, а вот насчёт водилы с той фуры – не уверен, – мотнув головой, произнёс я. – Той, что шла впереди нас, Миша.

– Владимир Иванович, с вами всё в порядке? – взвизгнули тормоза «бэхи», к нам уже бежал Костя Григорьев, самый молодой опер в моём отделе. – Никто не ранен?

– У нас всё в порядке, Костян, – заверил я лейтенанта, найдя в себе силы вылезти наконец-то из джипа. – Влад, Сашка, Руслан, не бейте водилу!

Следовало немедленно остановить экзекуцию над усатым и седоватым мужиком – водителем того самого фургона-камикадзе. Едва остановившись, капитаны Зеленцов и Барулин с «калашами» наперевес бросились к стоящему поперёк шоссе грузовику. Явно не для того, чтобы провести раздачу пряников и других первомайских подарков. Блин горелый, они же не видели ни рожу нечаянного камикадзе, ни исчезновение фуры.

Руслан Руденко присоединился к коллегам, пулей выскочив из джипа, также не забыв прихватить с собой автомат. Положа руку на сердце, я понимаю своих оперов: какой-то псих прямо на их глазах едва не угробил коллег во главе с самим начальником СКП. Подобное, если подумать с применением ментовской и прокурорской паранойи, тянет на очень-очень большой срок. Налицо покушение на сотрудников при исполнении, а то и вовсе международный терроризм...

– Володь, у водилы приступ! Сердечный, что ли, похоже очень, – отозвался капитан Зеленцов. – Мужик, эй, ты как, слышишь меня? Мужик, ответь мне!

Всё-таки я плохо подумал о намерениях своих парней. Влад с Русланом вытащили из кабины дышащего ртом и хватающегося за сердце водилу, уложили того на обочине, рядом с его фургоном. Затем... Только сейчас я обратил внимание, что асфальт слегка подрагивает, словно при землетрясении. До этого момента всё внимание приковывала туманная дымка, затягивавшая и шоссе и его окрестности. Стоял полный штиль, как говорят моряки, не чувствовалось даже намёка на какое-то дуновение ветра. Со стороны Данилово донёсся негромкий и прерывистый колокольный звон, ничуть не похожий на мелодию колоколов во время церковных праздников.

– Владимир Иванович, а что происходит? – Толик Новичонков очумело вертел головой, похоже, ничего не соображая спросонья. Рука оперативника нервно теребила рукоятку табельного ПМа в наплечной кобуре, пока старший лейтенант оглядывался по сторонам в поисках потенциальной угрозы.

– Землетрясение у нас, вот что происходит, – ответил вместо меня Михаил, успевший осмотреться на все 360 градусов. – Я видел ролик в сети с точь-в-точь таким же ритмом колокольного звона. В Испании дело было, или в Италии... Володь, ты куда?

– Миша, садись-ка в машину, – ответил я, поворачиваясь к возившимся у фургона парням. – Руслан, иди сюда, быстрее! Влад, Саша, вы остаётесь с водилой! Костя, ты иди, проверь тот КамАЗ.

– Володя, в чём дело? – в голосе моего напарника зазвучала плохо скрываемая тревога.

– Толик, ты тоже останься, присмотри за молодым, – я кивнул головой в сторону лейтенанта Григорьева, шагнувшего к открытой дверце кабины рефрижератора. Водила ничем не приметного КамАЗа почему-то внушал мне определённый интерес: уж больно хладнокровен был этот мужик в минуту опасности.

– Принято, командир, – по-армейски коротко отозвался Новичонков, направляясь к спрыгнувшему на асфальт водителю рефрижератора.

– Миша, тут такое дело: идущая впереди нас фура исчезла, словно провалилась сквозь землю, – захлопнув дверцу, я дал газ, развернув джип в нужном направлении. – Я это в зеркало собственными глазами видел. А потом началось это... Туман и прочее...

– Ну, землетрясения иногда случаются даже в европейской части России, – пожал плечами Ковалёв. – Может, и туман возник из-за подземных толчков.

– Всё может быть, – ответил я, вглядываясь в проступающий сквозь пелену тумана ландшафт. – Только вот Ладога совсем в другой стороне будет.

Мы миновали полосу дрейфующего над асфальтом тумана, и нашим взорам открылся весьма любопытный ландшафт. Моё сердце на мгновение сжалось, предчувствуя нехорошее, а мозг пронзила гадкая до омерзения мысль: влипли, чёрт подери, влипли серьёзно и не по-детски!

– Тормози! – воскликнул напарник, мгновенно теряя остатки своего хвалёного хладнокровия. – Ё-моё, здесь не должно быть никакого леса! Это вообще не наш лес!!!

– Вон, она, та фура, – глухим голосом произнёс Руслан, указав на слетевший с невысокого обрыва тягач. – Не уверен, что там кто-нибудь остался жив после такого удара.

– Ни фиги себе, – выдавил я из себя, вылезая из джипа. – Где мы?

Вопрос повис в воздухе, вместе с туманной дымкой, поднимавшейся из впередилежащего редколесья. Дорога, вполне добротное по российским меркам четырёхрядное шоссе резко обрывалось в прямом смысле этого слова, упираясь в небольшой лесок. Если быть совсем точным, ломаная кромка дорожной подушки слегка возвышалась на метра полтора-два над здешней лесной почвой.

Но самым убойным фактором был вовсе не невесть откуда возникший впереди нас лес, а хорошо просматривающееся сквозь него открытое водное пространство. Туман слегка скрадывал расстояние, но всё равно до воды было не более ста – ста пятидесяти метров. Сквозь скрип древесины до нас доносился легкий шелест волн, который ни с чем не спутаешь. Исчезли, словно их никогда и не было, и заправка «Лукойла», и придорожная забегаловка рядом с нею, по какому-то недоразумению именуемая ресторанчиком.

– Пошли к фуре, – хриплым голосом произнёс я, доставая из наплечной кобуры табельный «макаров». – Руслан, ты прикрываешь... Хрен знает, что за людишки здесь могут водиться.

Спрыгнув вниз с полутораметрового обрывчика, я вновь ощутил под ногами лёгкое колебание земли. Остановился, осмотрелся по сторонам, держа ствол наготове. Да, Михаил не ошибся – это не наш лес, не российский. Хотя я и не специалист по флоре, но берёзы с осинами отличу от сосны и ели. А здесь, прямо перед нами, росли абсолютно неизвестные мне деревья. Зеленеющая трава, похоже, тоже не наша. А вот мох – мох похож на самого себя, такой же пушистый и мягкий.

– Володь, обрати-ка внимание: здесь тихо, очень тихо, – озираясь по сторонам, прошептал Ковалёв. – Эта тишина не к добру.

– Миша, ты чего шепчешься-то? – повернувшись к напарнику, удивился я. – Здесь нет никого в округе на добрых полкилометра. Фура, когда врезалась в это дерево, грохотнула так, что отсюда чесанули все звери. Сверкая пятками и шевеля копытами, лишь бы подальше и поскорее.

– Володь, ну, не спец я по лесной живности, – секунду подумав над доводами логики, уже нормальным голосом произнёс капитан. – Я – сугубо городской житель, и на природу выбираюсь лишь на шашлычки да на фуршеты.

– Идём, глянем на то и другое в одном флаконе, – несколько цинично отозвался я, в силу профессии понимая, что в лепёшку разбитой кабине грузовика не уцелел бы даже хомяк.

Так оно и оказалось. Шедшая по шоссе под сотку кэмэ фура слетела вниз, как с трамплина, словно танк снеся приличное по охвату дерево. Затем сработала сила инерции, и полуприцеп накрыл своей массой остатки тягача, завалившись набок и в сторону рядом с рухнувшим лесным великаном. То, что осталось от кабины, представляло собой ком перекрученного железа, пахнувшего соляжкой и свежей кровью. Соляра вытекла из разбитых баков машины, образовав в небольшом углублении почвы вонючую лужицу. В эту же лужицу впадал тонкий ручеек крови, берущий начало откуда-то из того, что ещё совсем недавно было кабиной.

– Да, посмотрелся я в своё время подобного, – вздохнул я, мигом вспомнив границу и Таджикистан. – Думал, что больше никогда не увижу.

– Мгновенная смерть. Удар был такой силы, что кабину просто сплющило и спрессовало за одну секунду, – подытожил Ковалёв, осмотрев профессиональным оперским взором место трагедии. – Без спасателей никак не определить, сколько человек погибло – один или двое. Груз разбросало... Поддоны с продуктами, похоже.

– Угу, макароны, крупа, консервы, – кивнул я, мельком оглядев содержимое распотрошённого прицепа. – Миш, пошли отсюда.

– Володь, а к морю сходить? – искренне удивился Михаил. – Мне вот до сих пор не верится, что это не сон. Сейчас, думаю, проснусь, и снова увижу солнце, шоссе, тебя за рулём, ухмыляющегося...

– Кхм... Ну ладно, пошли, сходим, – хотя я чуть было, не охренел от предложения своего напарника, но виду не подал. Хотелось, конечно, заорать, матюкнуться, долбануть кулаком по стволу... чего-то похожего на сосну-переросток, но я не стал этого делать. Криком делу не поможешь. – Руслан, спускайся сюда, вниз!

– Ну, и дураки же мы, – мой напарник неожиданно хлопнул себя по лбу, доставая из кармана сотовый. – Так, связи нема...

Я чертыхнулся, признавая правоту Ковалёва, вытащил из кармана один из моих мобильных, нахмурился, глянув на экран «нокии». Телефон не находил сигнала сотовой связи. Понимая, что хватаюсь за соломинку, проверил оба «нулевых» «самсунга». Всё тот же отрицательный результат. Повторив аналогичными манипуляциями со своими «секретными» аппаратами, Михаил выразительно посмотрел на меня, отрицательно покачав головой.

– Руслан, проверь-ка свой сотовый, – попросил я подошедшего к нам капитана Руденко.

– Уже проверял, Володя, – во взгляде Руслана промелькнула некоторая растерянность. – Связи нет.

– А рации проверяли? – вдруг спросил Ковалёв. – У нас же по паре раций в каждой машине. Я сам их вам раздавал.

– Эээ... Рации остались в джипе, – помедлив, мотнул головой Руденко. – Сходить?

– Не надо, я сам, – нахмурился мой напарник. – А вы лучше смотрите по сторонам, чтобы не проворонить зверушек из здешнего леса.

– Володя, а где мы? – подождав, пока Михаил отойдёт, поинтересовался Руслан. – Где мы находимся? Что вообще произошло?

– Блин горелый, Рус, не грузи себе мозг сверхтяжёлыми вопросами, – оглядываясь по сторонам, произнёс я. – Давай будем решать проблемы по мере их поступления. Сейчас сходим к морю, к озеру, к воде, в общем, а там – увидим, что дальше делать.

– Хорошо, Володя, не буду больше, – капитан пожал плечами, поудобнее перехватив автомат, и замер, внимательно наблюдая за окрестностями. Ну, вот, неужели обиделся?

Спустя три минуты мой напарник вернулся, принесёв обе рации и пару бронежилетов. Пока мы с Руденко облачались в кевлар, Ковалёв вызвал по рации группу Зеленцова и Барулина. На удивление, ребята отозвались почти мгновенно, доложив о происходящем на шоссе. Судя по всему, опера взяли ситуацию под свой контроль, остановив движение в сторону обрыва. Ну, и хорошо, пусть никто больше не повторит судьбу бедолаги с этой злополучной фуры. Попытка вызвать «скорую» для водилы фургона не удалась – как я и предполагал, сотовая связь приказала долго жить.

– Ну, готовы? – свой бронежилет Михаил натянул ещё возле джипа и сейчас нетерпеливо топтался рядом.

– Угу. Не торопясь, цепью, Руслан посередине и позади нас на два-три шага, – я быстро определил порядок движения. – Смотреть в оба, не болтать. Лес шума не любит.

Вообще-то термин «лес» мало подходил к сотне метров редколесья, но я решил пере-страховаться. Мало ли что, а бережёного и бог бережёт. Беря на прицел все подозрительные тени, готовые немедленно стрелять в кого угодно, мы крались по мягкой земле. Предосторожности оказались излишними: никто и ничто не потревожил нас, и мы благополучно вышли на обширный песчаный пляж. Да, водный простор оказался морем – это быстро определилось по вкусу самой воды.

...Евпатий-Коловратий, это куда же нас занесло? Где у нас есть подобные пляжи, с таким красивым белым песком? – подумал я, навскидку оценив ширину пляжа метров в пятьдесят. И никого на пляже – ни людей, ни птиц, не видно даже ничьих следов. А море... Море очень красивого цвета, ярко-голубое, как на рекламных проспектах Таити и прочих Туамоту. Это точно не Балтика, не Север и не Крым...

– Значит, так, мы торчим на побережье какого-то тёплого моря, – поглазев с минуту на лёгкий прибой, неожиданно выдал Руслан. – Вы в курсе, что я служил срочную в морской пехоте, ходил в Средиземку, в Индийский океан, когда там ещё не бузили сомалийские пираты. Про Балтику и Атлантику вообще молчу... Парни, это стопудово тропическое море.

– Блин горелый, бинокль бы, – выслушав Руденко, я повертел головой, вгляделся в поднимающуюся над пляжем туманную дымку. – Видимость метров семьсот-восемьсот навскидку, точнее не скажу... Парни, слева берег вроде тянется далеко-далеко, а вот справа – непонятно. Не могу рассмотреть.

– Погоди-ка, Володя, одну минутку, – Ковалёв присел и что-то подобрал на песке. – Это янтарь, или мне кажется? Если янтарь, то здесь его полно... Может, мы всё же в Калининградской области, а?

– Да, это янтарь, – покрутив камешек в руке, подтвердил Руслан. – Крупный янтарь, такой – очень большая редкость.

Я тоже подобрал кусочек прозрачной окаменелой смолы, потом второй, третий, присел у кромки прибоя, где вода перекатывала целые россыпи янтаря. Никому не нужного янтаря. На Балтике такое изобилие встречается только после сильных штормов. С другой стороны, на пляже нет ничего, что бы указывало на присутствие цивилизации: ни кусочка мусора, ни осколков стекла, ни пластиковых бутылок. Лишь многочисленные россыпи янтаря и сухие водоросли, местами выброшенные на берег.

– Кто-нибудь в курсе – есть ли в тропиках янтарь? – повернулся я к подчинённым.

– Читал, что в Карибском море имеются вполне приличные запасы, – пожал плечами капитан. – Сам не видел: когда служил, мы не ходили дальше Канар.

– Пошли, парни, обратно. Надо пройти вдоль границы обрыва, ну, того разлома земли, с которого рухнула фура, – мой напарник бесцеремонно отвлёк нас от обсуждения мировых запасов янтаря.

– Идём, Миша, уже идём, – я вновь осмотрелся вокруг. – Порядок движения тот же. Не расслабляться, не торопиться.

Возвращаясь обратно к дороге, мы с куда большим интересом рассматривали деревья, зелёную траву, мох. На глаза попала пара-тройка видов жучков, снующих по стеблям растений. Увы, ни один из нас не являлся спецом по насекомым, поэтому данные «улики» пропали даром. Пару раз мне показалось, что в кронах деревьев прячутся белки, что ли, но данное подозрение так и осталось неподтверждённым.

Уже на подходе к джипу мы обратили внимание, что туман начинает рассеиваться. Точнее, постепенно поднимается вверх, тая в воздухе. К сожалению, туман исчезал слишком медленно, и визуального контакта с группой Зеленцова и Барулина всё ещё не было. Мы вновь связались по рации с парнями, уточнив обстановку на месте несостоявшегося тарана.

Доклад Владислава особого оптимизма не внушил – мобильная связь по-прежнему не работала, а толпившийся у импровизированного КПП народ задавал слишком много сложных

вопросов. Ну да, дачники и дальнобойщики хотели знать, что происходит и когда это закончится. А что им отвечать, если ни Зеленцов со товарищи, ни мы так толком, ни фига и не знаем? Вот и насочиняли мои опера про теракт, про аварию на трассе и т. д. Им и невдомёк, что я бы уже всё на свете отдал за теракт с аварией. Ибо чуяло моё сердце, что мы влипли в офигеннейшие неприятности.

– Ну, что, поступим, как настоящие мужчины – пойдём налево, – сунув рацию в карман и покрутив головой, решил я.

– Налево? Налево от чего? – поинтересовался Ковалёв.

– Налево от направления нашего движения в данный момент, – уточнил я. – Вон в ту сторону, в общем. Порядок движения не меняем.

Видимость постепенно улучшалась, и мы уже не целились в каждое подозрительное дерево. Свернув налево, пошли вдоль обрывчика, образовавшегося в результате неведомого катаклизма. По «нашей», российской, земной стороне обрывчика. Катаклизм не пощадил ни наш, ни тот лес, несколькими рухнувшими деревьями резко обозначив границу между ландшафтами. Причём все деревья легли на «не нашу» сторону.

Вдоль этой границы мы шли минут пятнадцать, постоянно отмечая резкие различия между природой «тут» и «там». «Тут» – свои, русские, кусты и берёзы, «там» – незнакомые деревья, хоть и похожие на сосну, но какие-то не такие. Мысленно обозвав их «соснами», оглянулся назад, в сторону дороги. Стоп.

– Парни, а вам не кажется, что мы идём не совсем по-прямой? – нарушил я общее молчание. – Оглянитесь, посмотрите назад. Чувствуете, что мы идём, чуть-чуть забирая в сторону, вправо?

– Хм... Вот и мне показалось, что разлом идёт как-то дугой, почти незаметной для глаза, – согласился со мной Михаил. – Володь, что бы это значило?

– Пока не знаю, – пожал я плечами. – Пошли дальше.

Дальнейший поход «налево» вдоль границы обрывчика лишь подтвердил моё предположение, что разлом идёт гигантской дугой, огибая дорогу и часть «нашей» территории. Пройдя ещё, наверное, метров двести, мы так и не увидели в округе ничего стоящего. Обыкновенное придорожное поле, кустарник, небольшая берёзовая роща на «нашей» стороне, «сосновое» редколесье и чужой кустарник по другую сторону границы.

«У нас» – типичная для конца апреля нежная зелень, а «там» – сочная, тёмного цвета трава. Поначалу очень хорошо просматривалось и море, а потом его заслонила стена сплошного леса. На основании увиденного возникло подозрение, что климатические зоны или времена года двух миров немного отличаются друг от друга.

...Двух миров!!! – эта мысль, образно говоря, произвела в моей голове эффект разорвавшейся бомбы. – Надо смотреть правде в глаза: там, за обрывом – не наш мир! Что-то произошло, и мы угодили... Куда, чёрт возьми, мы угодили? Или в наш мир угодило?

– Стоп, пошли-ка, мужики, обратно, – произнёс я, не узнавая своего собственного хриплого голоса. – Заодно и поговорим обо всём этом.

Вопреки некоторым опасениям, ни мой напарник, ни Руслан не оспорили мою версию, что мы угодили в хрензнаеткакоймир. Хотя ещё час назад данное предположение показалось бы операм полнейшим бредом начитавшегося книжек ботаника. Увы, вполне материальные факты в виде гор янтаря и прочего упрямо указывали на реальность происходящего, а улучшающаяся видимость всё больше подтверждала мою гипотезу.

Туман капитулировал и почти полностью рассеялся, когда мы уже были возле моего «мерса». Вновь оглянувшись в сторону моря – оно и не думало исчезать, – мы помахали ручками группе Зеленцова, сели в джип и спустя минуту подрулили к стоящим поперёк дороги фургону и рефрижератору. Нам предстоял достаточно сложный разговор с нашими же товарищами.

У импровизированного КПП собралась целая очередь из легковушек и грузовиков. Глазея на пару важно расхаживающих автоматчиков в чёрной форме «а-ля спецназ», народ не борзел и не лез напролом. Сказали, что теракт и авария, значит – теракт и авария. Менты сами разберутся, не маленькие. Глядишь, вскорости понаедут высокие чины МВД, ФСБ, представители администрации пожалуют. Возникли, конечно, слухи и сплетни, кто-то не выдержал и развернул свой «опель» назад, в сторону Питера. В остальном людей пугало лишь отсутствие мобильной связи и едва заметная нервозность товарищей полицейских.

Не говоря лишнего, я отобрал у опешившего водителя рефрижератора ключи от его КамАЗа и пообещал подсунуть в машину кило героина, если он воспользуется запасными и двинется с места. Затем сунул в карман куртки ключи от фургона, которые Владислав ранее конфисковал у несостоявшегося камикадзе. Тому, кстати, заметно полегчало после принятых капель, которые нашлись в его же машине. Положа руку на сердце, хорошо бы было вызвать «скорую», но связь... Хорошо, что среди дачников нашлись две сердобольные дамы среднего возраста, которые сейчас хлопотали возле пострадавшего.

– Влад, Саша, Толик, Костя, давайте-ка быстро в машину и за нами, – сухим, начальственным тоном приказал я. – Всё объясню на месте.

Если мои опера и удивились, то виду не подали. Быстро и дружно сели в «бэxu» и поспешили следом за мною. Минуту спустя притормозили у резко обрывающейся дороги, подошли к уже развёрнутому джипу. Эмоционально высказались, глядя на открывшийся взору ландшафт, поинтересовались, не уцелел ли водитель вдребезги разбитой фуры. И внимательно выслушали меня, когда я коротко рассказал о походе к морю и о вероятности нашего нахождения в другом мире. Судя по глазам офицеров, мне не особо верили, но... вон, чужая земля в пятнадцати метрах. Как тут не верить?

– ...Такие, вот, пироги с котятками, парни, – закончил я пятиминутный рассказ. – Если есть желание, то мы можем сходить к морю, окунуться, поплескаться в водичке. Думаю, не хуже, чем на Балтике будет.

– Володя, ты верно заметил, что имеются два варианта – либо наш мир угодил куда-то, либо – иной мир угодил к нам, – взял слово всегда дотошный и рассудительный капитан Барулин. – Следовательно, нам надо как можно быстрее вернуться в Питер и посмотреть, что там происходит. А уже потом решим, что и как.

– Согласен с Сашкой, надо возвращаться обратно в Питер, – заговорил до того молчавший Ковалёв. – Но сначала следует заехать в Данилово, чтобы проверить проводную связь и электричество.

– Да, с электричеством, похоже, полный бардак будет, – посмотрев на рухнувший столб высоковольтной линии, произнёс Руслан.

– Товарищ майор, а вы не рассматривали версию пересечения двух миров – нашего и чужого? – неожиданно спросил Костя Григорьев. – Ну, как у писателя-фантаста Андрея Круза в его книге?

– Нет, товарищ лейтенант, мы не рассматривали подобной версии, – вместо меня неожиданно ответил мой напарник. – Мы не рассматривали и другие версии, описанные в книгах писателей-фантастов. Нам просто было не до подобных версий.

– Остынь, Миша, – как можно мягче обратился я к Ковалёву, очень удивлённый его реакцией. – Мы сейчас все на взводе, поэтому надо убирать нервы в коробочку... Нет, Костя, мы не думали о многослойном пересечении миров.

– Всё, поехали, нечего о разной фигне спорить, – Владислав уже сел за руль своей «бэхи». – Костян, залазь. Володь, мы впереди.

– Миш, ну, ты чего на молодого наехал? – сев за руль «мерса», я сразу же повернулся к напарнику. – Что произошло, а?

– Вовка, у меня жена, двое детей и старики-родители. А ещё сестра со своими чадами, – Михаил, похоже, потихоньку впадал в паническое состояние. – Как подумаю, что они там без меня, а я тут... Ажно мозги закипают.

– Так, отставить думать о плохом, паниковать запрещаю, – я постарался придать своему голосу как можно больше уверенности. – Всё будет хорошо, мы обязательно выберемся. Всегда выбирались, и на сей раз сумеем.

Увидев в зеркале кривую ухмылку Руденко, мол, заливай, заливай, начальник, сделал страшные глаза и беззвучно зашевелил губами. Руслан усмехнулся ещё раз, коротко кивнул, дав понять, что не станет подливать масла в огонь.

...Евпатий-Коловратий, почти у всех у нас семьи, дети, подруги, родители, прочие родственники, – мои мысли и не думали следовать собственному приказу. Что будет с ними без нас? Где они вообще находятся, в каком мире? А как мы без них? Это полный, доложу я вам, полярный лис...

Проезжая мимо рефрижератора, я тормознул, подозвал водилу КамАЗа, отдал ему ключи, и уточнил, что пошутил про героин. Нету у меня героина. Заодно попросил мужика отдать ключи и водителю фургона, рядом с которым по-прежнему оставались всё те же две дамочки возрастом чуть за сорок. Одна, брюнетка в очках, посмотрела на меня, словно обожгла: типа, совсем менты совесть потеряли, бросают больных посреди дороги, а сами дают дёру куда подальше. А что ещё делать, если «скорой» нет, связи нет, и ничем, кроме валидола и коньяка, мы помочь не можем? Сердце – это серьёзно, и аптечкой первой помощи его не излечишь.

...Полтора километра по прямой мы пронеслись считай мгновенно, благо дорога была полностью пустая. Легли в поворот, пытаюсь догнать Зеленцова на его «бэхе», и сразу же пришлось тормозить. Впереди нас стояли четыре машины – три легковушки и фура, запаркованные возле очередного разлома местности. Среди легковушек затесался и «опелёк», который развернулся обратно, чтобы найти объездной путь. Народ, в количестве восьми человек, топтался у обрыва, о чём-то яростно споря и жестикулируя.

– Так, граждане, что за шум, а драки нет? – Зеленцов подъехал первым, и Саша Барулин уже выбрался из машины, помахивая удостоверением, словно веером. – Полиция, граждане. На что любимся?

– Как на что, товарищ полицейский? Вы только посмотрите, что это деется, – сразу же зачастила невысокая тётка неопределённого возраста, где-то около пятидесяти с гаком, что ли. – Дорога исчезла, обрыв высокий, откуда-то лес взялся, а слева вообще озеро просматривается. Мы с Митей почти тридцать лет по этой дороге ездим, никогда такого здесь не было...

Решив, что перебивать даму себе дороже, Барулин подошёл к краю обрыва, глянул на лес, махнул нам рукой. Народ молча расступился, пропуская ментов, тараторившая тётка умолкла, получив тычок локтем от мужа. Люди смотрели на нас, явно надеясь на помощь и защиту от представителей власти. Нам бы самим кто-нибудь взял да помог!

– Метра три-четыре будет, – прикинув высоту обрыва, произнёс Владислав. – Лес красивый, густой, не чета предыдущему. Зверьё должно здесь водиться, грибы, ягоды.

– Море видать, – отметил Руденко. – Когда ехали, с дороги оно не просматривалось. Надо бы осмотреть местность с какой-то высокой точки.

– Стоп. Что ты сказал, Руслан? С высокой точки? – у меня в мозгу промелькнула одна догадка. – Парни, быстро по машинам! Едем в Данилово, там церковь имеется, и колокольня при ней.

– Точно! Молодчик ты, Вовка. Как же я сам не догадался? – мой напарник первым припустил к джипу.

– Эмоции, Миша, нервы, накручиваешь себя, – отозвался я, уже понимая, что Ковалёв хватается за последнюю соломинку.

Не обращая внимания на вновь сыпанувшую вопросами тётку, мы сели в машины, развернулись, и помчались обратно, к повороту на Данилово. Навстречу попался КамАЗ-рефрижератор, промелькнуло каменное лицо его водителя. Ладно, никуда он не уедет, похоже, вновь скоро встретимся.

Повернув на Данилово, снизили скорость, чтобы не поймать шальную яму, и вскоре проехали мимо первого деревенского дома. Въехали на центральную улицу, притормозили, огляделись, прикинув путь до возвышавшейся над окраиной церкви. Несмотря на ранний час, деревенский народ уже проснулся, высыпал на улицу, бабки кучковались группами возле домов. Впрочем, в деревнях всегда рано встают.

Мы не стали задерживаться и рванули в сторону храма. Немного покружили между домами, а затем остановились прямо возле крыльца церкви. Дружно вылезли из машин, прикладами и кулаками застучали в створки дверей. Со стороны, наверное, это смотрелось дико, но уж очень нам нужен был здешний смотрящий за прихожанами, чтобы попасть наверх.

Не прошло и минуты, как появился настоятель храма, или как там, его ещё называют. Открылась створка ворот, и к нам вышел бородатый мужик в чёрной рясе, с чёрной шапочкой на голове, один, с пустыми руками. Впечатление такое, словно он ждал нас.

– Отец Серафим, – представился он, глядя на нас спокойными голубыми глазами. – Чем могу быть полезен в столь ранний час?

– Начальник криминальной полиции майор Иванников, энское УВД, из Питера, – ответил я, сунув попу «корочки» под самый нос. – Отец Серафим, нам очень нужно срочно попасть на колокольню. Будьте добры, проведите нас туда.

– Что же, господа полицейские, следуйте за мной, – настоятель, похоже, нисколько не удивился моей просьбе, повернулся, исчезнув в дверях. Я шагнул следом, и вскоре, попетляв по внутренним помещениям церкви, мы стали подниматься на колокольню. Винтовая лестница быстро привела нас наверх площадки, где находился колокол. Я остановился рядом с отцом Серафимом, осмотрелся вокруг. Туман практически полностью рассеялся, открыв нашему взору незабываемое зрелище. Я замер, с жадным любопытством вглядываясь в «свой» и «чужой» ландшафты.

– Охренеть, – хриплым голосом произнёс кто-то за моей спиной.

– Красиво, – отозвался Руслан Руденко.

– Боже мой, этого не может быть, – полным отчаяния голосом прошептал Миша Ковалёв.

– Хорошо, что вы вспомнили о Боге, – сказал отец Серафим. – То, что произошло – и есть воля Божья.

– А что произошло? – я повернулся к священнику. – Вы что-то об этом знаете?

В ответ настоятель зарядил длинный монолог, состоящий из цитат иудейских пророков о конце света, спасении избранных и т. д., и т. п. Я решил не дожидаться начала описания жития остальных библейских персонажей, искренне поблагодарил настоятеля за помощь, и стал спускаться вниз. Парни помедлили, немного полюбовались природой, но все как один последовали за мной. Нашли меня, уже расстелившего карту Ленобласти на капоте джипа, с карандашом в руке.

– ...Итак, мы имеем Данилово и кусок трассы, граничащие с неизвестным нам морем, – я провёл дугу южнее от посёлка. – Дорогу обрезало с двух концов, с колокольни виден лесистый мыс, выступающий в море, а севернее посёлка ландшафт нисколько не изменился... Километров на пять с гарантией, а то и более... На западе и востоке, похоже, произошли перемены, вопрос, насколько масштабные...

– Кхм... Володя, ты бы не занимался рисованием, – стоя за моей спиной, произнёс капитан Зеленцов. – Сашка с Русланом уже пересняли всю округу на свои айфоны. С колокольни снимали с высоким качеством.

– Молодцы, не теряли времени даром, – обернулся я к своим парням. – А теперь прикиньте, если у вас батареи сядут, в ваших айфонах, что будет дальше?

– От аккумулятора «бэхи» зарядим, – хмыкнув, пожал плечами Барулин. – Соляры почти полный бак.

– Это хорошо, что почти полный бак. Соляра нам сейчас, как на вес серебра будет, – улыбнулся я, складывая карту и пряча её за пазуху. – А вот если соляра закончится, то в конечном итоге мы останемся без айфонов. Придётся по старинке рисовать пейзажи и чертить карты.

– Ладно, Володя, мы все тебя хорошо поняли, – улыбнулся Владислав. – Давай, шеф, команду. Что, куда, кого?

– Дело, как мне видится, следующее: случился глобальный катаклизм, в результате чего часть нашего мира с посёлком Данилово оказалась чёрт знает где, – вещая преамбулу, я заглянул в глаза каждому из моих парней. Страху не увидел, лишь загнанное внутрь отчаяние в глазах Мишки. У остальных просматривался скрытый азарт и охота к приключениям. Настоящие мужики, не зря я подбирал к себе в отдел именно таких, готовых идти хоть к чёрту на рога.

– Осмотр местности с колокольни показал, что севернее Данилово простирается наш, российский, земной ландшафт. Насколько далеко – пока неизвестно, – продолжил я. – Скорее всего, мы являемся единственными представителями законной власти в данном регионе, причём имеющими определённый вес.

– Володь, в Данилово есть свой участковый, да и у мужиков, вероятно, имеется кое-какое оружие, – вступил в разговор Ковалёв. – Кроме того, здесь проживает известный в определённых кругах криминальный авторитет по кличке «Ерёма Безбашенный», он же Еремеев Николай Павлович.

– Всё верно, Миша, в посёлке имеется и участковый, и у мужиков, наверное, найдутся «берданки», – улыбнувшись, кивнул я. – Кроме того, и у Ерёмы должен быть припрятан вполне приличный по провинциальным меркам арсенал.

– Оперативная информация? – Зеленцов прям весь напрягся, словно охотник, почуявший поблизости дичь.

– Нет, это моя твёрдая уверенность, а не стук «барабанов», – ответил я. – Парни, мы сейчас должны нанести свой первый визит не в администрацию, а к товарищу Еремееву. Причём, не как его заклятые враги, а как... гости, скажем. Так надо, я потом всё объясню.

– Ну, ты и скажешь иногда, Иваныч, что хоть стой, хоть падай. В гости, блин, – фыркнул капитан Барулин. – Не знал бы я тебя много лет, то подумал бы, что ты на короткой ноге с Ерёмой. Так он и пустил тебя в гости.

– Ты почти угадал, Саша, я знаком с Еремеевым, и очень даже хорошо знаком, – грустно улыбнулся я. – Когда-то мы с Колькой сидели в одном окопе, а на нас пёрли духи, прорываясь через границу на помощь другим таким же «чебурекам». А до этого мы с Николаем жрали кашу из одного котелка, пили из одной фляжки... Поэтому Ерёма пустит меня в гости.

У церкви воцарилась тишина, нарушаемая лишь лаем собак и шумом тракторного мотора на ближайшей улице. Шесть пар глаз разглядывали мою персону, словно впервые меня видели, и сейчас оценивают, что с сим фруктом делать. Ну, я же не виноват, что всё сказанное мною – чистая правда! И в том последнем бою я вынес раненого сержанта Еремеева на своём горбу, матерясь во весь голос, но не бросил его ТАМ. И уж тем более я не в ответе за то, что вышедший из госпиталя сержант со временем стал весьма авторитетным человеком в бандитских кругах.

– Чего уставились, товарищи офицеры? У каждого человека есть то, о чём никогда и никому не рассказывают. По разным причинам, – я бесцеремонно нарушил всеобщее молчание. – Поэтому слушай мою команду: отставить маскарад, вскрыть НАШ запас, вооружиться нормально.

– Не, Володя, с тобою всё-таки не соскучишься, – минуту спустя покачал головой Руслан, запихивая магазин в разгрузку. – Ты был знаком с Ерёмой и до сих пор молчал об этом.

– И молчал бы дальше, Рус, если бы не обстоятельства, – я сунул потёртый ТТ в нейлоновую кобуру на бедре. – Впрочем, в одном ты прав – со мною не соскучишься. Особенно, когда мы оказались чёрте где и чёрте когда.

...А вы что думали: опера ехали себе куда-то по службе? Задерживать подозреваемого в преступлении? Ранним утром первого мая? Нет, граждане, мы ехали по иным делам, чтобы решать проблемы среднего по российским меркам бизнеса. Решать окончательно, если конкурирующая сторона не согласилась бы на наши предложения. Это – жизнь, реальность, о победе над которой хоть и снимают сериалы, но которую фиг победишь. Потому что рыба гниёт с головы. А дальше сами догадывайтесь, где та голова, ибо это уже политика...

Мы быстро перевооружились на нормальные, длинноствольные «калаши» из «левого» НЗ, распихали по ячейкам разгрузки запасные магазины, добавили к основному оружию ещё и «левые» пистолеты. «Правые» «укороты» скинули в багажники, табельные ПМы оставили в кобурах подмышкой. Затем сели в машины и вновь выехали на главную деревенскую улицу.

Ага, народ с шоссе постепенно отошёл от шока и стал подтягиваться в посёлок. Мимо проехал давешний «опель», а в просвете между деревьями мелькнул рефрижератор на подъездной дороге. Ну, ладно, нам на сей раз направо.

Николай Павлович Еремеев – а именно так, по имени-отчеству и очень уважительно называли его в Данилово – проживал в личном особняке в полукилометре от самого посёлка. К его дому от центральной улицы села шла неширокая дорога с отличным асфальтовым покрытием. Гладкая и ровная, без ям и ухабов, ездить по такой – одно удовольствие.

Мы, не таясь, подъехали прямо к въездным воротам, вышли из машин, оглядели трёхметровый бетонный забор, видеокамеры на всех углах. Да, неплохо устроился бывший сержант-пограничник, сделавший себе карьеру и имя в криминальном мире. Имея такой замок, можно жить, и жить припеваючи. Охрана, поди, нас уже давно срисовала, всполошилась, не зная, что делать. Мы сейчас больше на частный спецназ смахиваем, в бронниках, в «сферах», с автоматами, правда, без масок на лицах.

Отдав автомат Михаилу, я провёл быстрый инструктаж, приказал парням, чтобы те рассредоточились и не отвечивали. Затем не спеша подошёл к массивной калитке рядом с воротами и нажал на кнопку переговорного устройства. По идее, где-то здесь должна была быть скрытая камера, и я не сомневался, что за мной сейчас наблюдает пара-тройка рыл с сомнительным послужным списком. Ладно, поиграем по чужим правилам.

– Чего надо? – вопреки моим ожиданиям, охранник появился самолично, почему-то не став вести переговоры по домофону. А вот манеры у секьюрити, увы, не из лучших – даже не поздоровался, морда такая. Хорошо ещё, что не направил на меня «помпу», что держал в руках стволом вниз.

– Вот что, любезный, доложи-ка, пожалуйста, господину Еремееву, что его хочет увидеть его армейский товарищ, имевший на службе позывной «Финн», – чётко и с расстановкой произнёс я. – Запомнишь, или тебе лучше записать на бумажке?

– Запомню. Ждите, – нахмутив лоб, охранник бросил опасливый взгляд на моих ребят и исчез, захлопнув за собой калитку. Я пожал плечами и, заложив руки за спину, стал ходить взад-вперёд...

– Проходите, – не прошло и минуты, как калитка вновь распахнулась, и появился мой давешний собеседник. – Вы один проходите. Ерёма... Тьфу ты, Николай Павлович ждёт вас.

Я шагнул следом за секьюрити, сразу же от ворот, словно угодив в другой мир – мир ухоженного и вылизанного поместья. Мощённые красной брусчаткой дорожки, идеальные газоны, отделанный камнем ручей с водопадами и кажущимся игрушечным мостиком. На парковке возле дома стоял сверкающий никелем «хаммер» – машина прожорливая, но весьма неплохая при нашем бездорожье.

– А я сначала не поверил своим ушам! – навстречу мне спешил сам хозяин, хозяин дома и, насколько я в курсе, почти всех здешних мест, Еремеев Николай Павлович. – Ё-моё, Вовка, Финн, как же я рад тебя видеть!

Да, бывший сержант с позывным «Свен» заматерел, раздался вширь. Сейчас я бы и не вытащил его с поля боя – более ста килограммов навскидку. И взгляд у Кольки стал жёсткий, волчий, холодный и цепкий. Чувствуется хватка хищника, матёрого и опасного.

Мы обнялись, от души похлопали друг друга по спинам, искренне радуясь нашей встрече. На душе внезапно полегчало. Я интуитивно почувствовал, что Николай хотя и оказался по жизни на другой стороне закона, похоже, не растерял человеческих качеств. Интуиция меня редко подводит, доложу я вам. Тут я заметил второго охранника, тихонько появившегося из дома. Здоровый лось, и тоже с помповым ружьём в руках.

– Володя, давай я сразу же прямо спрошу тебя, а ты мне честно ответишь, хорошо? – хозяин мгновенно перехватил мой взгляд в сторону секьюрити. – Скажи, ты приехал по мою душу или нет?

– Нет, Коля, я приехал не по твою душу, – ответил я, глядя Свену прямо в глаза, не моргая. – Я приехал к тебе как гость, как старый боевой товарищ, как частное лицо, наконец. У меня нет ордера на твой арест, нет ордера на обыск, и я не намерен устраивать «маски-шоу».

– Володя, но ты всё ещё работаешь в полиции, да? – Николай с заметным облегчением перевёл дух, глубоко вздохнул. – Или уже на чей-то ЧОП?

– До сегодняшнего утра я работал в полиции, Коля, – я не стал скрывать очевидных фактов. – А вот сейчас даже не знаю, есть ли вообще полиция и есть ли вообще Россия.

– Не понял. Вова, что происходит? Ты здесь из-за землетрясения? Началась война, да? – Еремеев мгновенно весь подобрался, буквально на глазах становясь похожим на того сержанта, с которым я служил в Таджикистане. – На нас напали янки? Китайцы?

– Хуже, Коля, всё намного хуже. Я трезв, как стёклышко, Коля, «дурью» не балуюсь и с психикой у меня всё в порядке. Поэтому не смейся над тем, что я скажу: Данилово и его окрестности оказались в другом мире, – в лоб огорошил я Николая. – Я здесь оказался случайно. Мы с ребятами просто проезжали мимо, по трассе.

– Наверное, будь вместо тебя кто-то другой, я бы решил, что надо мной злостно шутят, – внимательно изучив выражение моего лица, после минутной произнёс Еремеев. – Но полное отсутствие связи и хаос в радиозфире... Хорошо, Володя, пойдём в дом, всё расскажешь подробнее.

– Погодь, я дам «отбой» своим операм, – остановился я. – Вернусь к воротам и сейчас же приду в дом.

– А по рации ты что, не можешь дать свой «отбой»? – кивнув на «моторолу», с сарказмом поинтересовался хозяин.

– Нет, мы договорились, что я выйду лично, – выделив интонацией последнее слово, я направился ко въезду на территорию.

– Витёк! Открой ворота ипусти мусоров... тьфу ты, ребят моего старого армейского друга, – неожиданно распорядился Николай. – И ещё – не задирайся с ними, не цепляй слово за слово, не лезь на рожон. Они и мы, похоже, теперь все в одной лодке паримся. Понял меня?

– Угу, босс, понял, – отозвался от ворот охранник, доставая из кармана штанов пульт дистанционного управления. Так, а у хозяина, похоже, автономный дизель-генератор имеется. Как раз на случай отсутствия электричества. Следовательно, должен быть и запас солярки для дизеля.

Минуту спустя обе наши машины стояли бок о бок рядом с «хаммером», а мои ребята топали следом за мной. На кухню, завтракать, чем бог послал. Еремеев посмотрел на лица моих оперов и, махнув рукой на типа принципы, пригласил всех нас в дом. Ну, да, чуйка у бывшего пограничника всегда была на высоте. По пути Николай уточнил, что готовить завтрак

придётся нам самим, так как его личный повар ещё не приехал на работу. И, судя по последним событиям, непыльная работа повара накрылась медным тазиком.

Кроме самого хозяина в доме находились трое его охранников и пара породистых кошек, встретивших нас в холле. Оглядев подозрительным взором зелёных глаз толпу незнакомых мужиков, кошастые сразу же направились к Зеленцову. Для меня всегда оставалось загадкой, каким образом кошки определяли в капитане любителя всей мурчащей и пушистой братии. Знакомство с Владиславом прошло успешно – обе кошки благосклонно позволили себя погладить, почесать за ушками, и даже потёрлись усами о штаны Зеленцова. Эх, нам бы такую же интуицию в отношении людей, что стоит на вооружении у кошек.

На просторной и отлично оборудованной бытовой техникой кухне нашлись солидные запасы продовольствия, поэтому проблем из-за отсутствия повара не возникло. Мы основательно подкрепились, не забывая благодарить хозяина за хлеб-соль. Хлебосольный хозяин улыбался, отшучивался, мимоходом ввернув фразу, что с наступлением военного времени любой русский должен считать себя вновь призванным на защиту своей земли. А если учесть, что земля эта приходится на Данилово и его окрестности, то сержант Еремеев немедленно приступит к исполнению своего воинского долга.

Я невольно восхитился короткой речью своего старого армейского товарища, в котором явно пропал гениальнейший дипломат. Николай мигом аргументировал необходимость объединения усилий его скромных сил и уважаемых гостей с «калашами», чтобы разобраться с происходящим, не допустить насилия, защитить мирное население. Что ни говори, а умён Ерёма, хитёр, талантлив, и котелок у него варит что надо. Что же, пора заканчивать с этим театром и переходить к живописи.

– Пойдём-ка, Свен, обсудим кое-что, – предложил я, допив последний глоток чая. – А парни мои пока попьют кофию с какавой.

– Хорошо, пошли, Финн, – Еремеев слегка напрягся, но постарался держаться непринуждённо.

– Николай, у тебя есть, чем вооружить свою охрану? – я сразу же взял быка за рога. – Я имею в виду не те «помпы», на которые у твоих стопудово выписаны разрешения, а реальные, боевые стволы. Есть?

– Ну, предположим, я найду стволы, – хитро прищурился собеседник. – Понимаешь, я готов встать рядом с тобой, Володя, а своим людям всё-таки хочу предложить выбор. Если, к примеру, у моих с твоими в перспективе проблемы будут? Как бы не постреляли друг друга, не дай бог.

– Никто никого не постреляет. Я поговорю со своими, ты – со своими, и вообще разведём бойцов по разным окопам. До поры до времени, а потом притрутся, не маленькие, – ответил я. – Ты, вообще, по каким принципам набирал личный состав?

– Большинство моих с армейским опытом, несколько человек прошли Чечню. С тупыми отморозками никогда не работал и никогда работать не намерен. Уроды они конченные, – хозяин дома презрительно сплюнул. – Финн, я хоть и ушёл в бандиты, но не оскотинился, и умом не тронулся. Да, я жёсткий, и порой даже жестокий, но не зверь и не монстр, каким меня часто представляют в ментовке.

– Я никогда не занимался тобой и твоими делами, Коля. И отбояривался от твоих тем, как мог. Под разными предлогами. Потому что мы вместе лазили по тем горам на границе, и я точно знал, что никто не пальнёт мне в спину, пока ты меня прикрываешь, – я смотрел Николаю прямо в глаза, а тот не отводил взгляд. – В то же время я отслеживал всё, связанное с тобой, сопоставлял, думал... И, знаешь, я не знаю, куда бы сам подался, окажись я на твоём месте. А сейчас та страница перевернулась, Коля, и мы всё начинаем сначала. Объясни это своим, а я объясню своим.

– Володя, с этого момента считай, что тебе вновь никто не выстрелит в спину. Как бы там дальше ни легла наша карта, – взгляд старого армейского товарища потеплел. – Я даю слово, что мои бойцы не поднимут бучу. А если что, разберусь сам, без лишнего шума.

– Введи меня в курс дел по Данилово. Что здесь с администрацией? Как с участковым? – видя, что все точки над «і» расставлены, я перевёл разговор на другую тему.

– Участковый хороший, по крайней мере, свою работу знает. У него нет особых амбиций и лидерских качеств, а так – мужик вполне толковый, – Еремеев провёл рукой по своей короткой стрижке. – Глава администрации – тот вообще мой ставленник, но, к сожалению, труслив и мягкотел. Из демократов, типа. Эх, знал бы раньше, что такое случится, так не выпихивал бы в отставку прежнего. Тот был из старых, ещё советских кадров, и у народа пользовался огромным авторитетом. Да и сейчас его не забыли, если что, то постоянно обращаются к нему с разными делами.

– Ничего, администрацию и поменять можно, если вдруг понадобится, – произнёс я. – Хорошо, решай, кого из бойцов брать с собой, и выдвигаемся к церкви, а потом к участковому и к администрации.

– А зачем к церкви-то? Отец Серафим никогда не станет вмешиваться в дела людские, он вообще не от мира сего, – искренне удивился Николай.

– Нам не сама церковь нужна, а колокольня. Хочу, чтобы ты лично посмотрел на новые горизонты, – усмехнулся я. – А то, может, не веришь мне на слово?

– Да я со своего балкона первой тебя море увидел! Решил было, что это глюки пошли, потом вспомнил, что вчера ни грамма во рту не было, – засмеялся Ерёма, поворачиваясь в сторону ворот. – Витёк! Шагай сюда, разговор есть!

Спустя какое-то время во дворе усадьбы Еремеева собрались две группы вооружённых людей. Мы, семеро оперов в чёрной униформе «а ля спецназ», вооружённые автоматами и пистолетами, и четверо бойцов в натовском цифровом камуфляже. Во главе с неформальным хозяином здешних мест, известным криминальным авторитетом Еремеевым Николаем Павловичем.

После нашего разговора Свен собрал своих парней всех вместе, быстро объяснил им ситуацию, описал задачи и перспективы. После этого погнал двоих ребят куда-то в подвал или ещё в какие-то бандитские закрома за оружием. Последнего оказалось негусто – полдюжины «калашей», карабин СКС с оптическим прицелом, пара ПМов, и один ТТ с глушителем. Ну, ещё три легальных помповых ружья и личная «беретта» хозяина. Плюс некоторое количество боекомплекта, из расчёта продержаться минут десять против сотни атакующих духов. Признаюсь, я ожидал от Николая нечто большего, о чём прямо и сообщил ему.

– Основной схрон уже недоступен. Он остался там, в городе, – Еремеев неопределённо махнул рукой в сторону Питера. – Так, кто остаётся «на точке»?

Трое охранников здешнего босса переглянулись между собой и решили, что останется мой тёзка, некий Володька. На вид – обыкновенный качок, с ничем не выделяющейся внешностью. Колька сразу же загрузил остающегося срочными задачами, связанными с экономией электроэнергии и консервацией чуда американского автопрома.

Как оказалось, «хаммер» принадлежал любовнице хозяина, которая гостила у подруги в Питере. У самого же Еремеева оказались в гараже ещё две машины – на сей раз его собственные – «лэндкрузер» и «гелендваген». Оба джипа с дизельными движками, что характерно. В последний и загрузились бывший пограничник с парой своих бойцов.

За время нашего вояжа в гости обстановка в Данилово заметно изменилась. В посёлок подтянулись все те, кто вместе с нами оказался на трассе – дачники, дальнбойщики и прочие транзитники. Проснувшиеся жители населённого пункта высыпали на улицы, с тревогой наблюдая за наплывом незваных автомобилистов. По Данилово ползли самые невероятные слухи и сплетни. Шила в мешке не утаить, и по мере распространения новостей народ посте-

пенно стекался на окраину, где с колокольни открывался прекраснейший вид на окружающий посёлок ландшафт.

К счастью, участковый оказался на месте, точнее, дома, не успев присоединиться к паломничеству в сторону церкви. Еремеев пожал руку лысеющему старшему лейтенанту лет так сорока-пятидесяти, представил меня, Мишу Ковалёва и предложил присесть, чтобы обсудить один важный вопрос. Затем огорошил товарища участкового свежими новостями.

Видя, что у Антонова Евгения Мироновича – так звали полицейского – образно говоря, не хватает оперативной памяти для осмысления происходящего, Николай применил допинг. В виде полулитровой фляжки коньяка, что нашлась в джипе бывшего пограничника. Участковый одним залпом выдул почти половину ёмкости, просмаковал остатки прекраснейшего армянского коньяка, закусил поданными супругой грибочками, крикнул и пошёл за оружием.

Жена участкового, которая слушала наш разговор, вертясь на кухне, буквально засыпала нас вопросами, заодно проинформировав о местной беде – проблеме с колодцами. С деревенскими колодцами творилось что-то ненормальное: часть из них неожиданно пересохла почти наполовину, другие же внезапно переполнились водой, чего обычно с ними никогда не происходило. Никто из соседей не знал, что и думать, началось распространение самых невероятных слухов.

Супруга участкового поохала, поахала, малость всплакнула, дала лёгкий подзатыльник младшему сыну, и тут появился Антонов. Одетый по форме, с «вепрем» в руках, табельным «макаровым» в кобуре, готовый исполнять свои служебные обязанности. В глазах старлея читалась решимость идти до конца, чего бы это ни стоило.

Хотя было хорошо заметно, что между участковым с Николаем ровные отношения, Мироныч сел ко мне в «мерседес», где успел переговорить со мной почти тет-а-тет. В основном уточнял некоторые моменты, чтобы обладать полнотой информации по событиям на шоссе. Мне импонировал такой подход к делу, да и Антонов, как человек, понравился, несмотря на лихо употреблённый им коньяк. Ну, что делать, если мужик не читал фантастику и не готов к обалденно резким переменам в нашей жизни.

Здание местной администрации мне понравилось. Красивый, отремонтированный и ухоженный домик, аккуратная табличка на дверях, сообщающая, что здесь заседают местные органы власти. Эти самые органы в количестве двух человек сразу же выскочили навстречу, едва Колькин «гелендваген» скрипнул тормозами у крыльца здания. Рядом остановились мы и, захлопав дверями, стали вылезать всей толпой.

Поначалу глава официальной власти перепугался, побледнел и, вообще, весь переволновался. Шутка ли – по его душу разом припёрлись сам Ерёма с подручными, да ещё и залётный спецназ нарисовался. Плюс участковый, затесавшийся к нам в команду.

В общем, Еремееву вновь пришлось экстренно применить проверенный метод допинга. На этот раз в виде красивой бутылки виски с очень солидной выдержкой. И что вы думаете? Глава одним махом выдул более половины бутылки, и выпил бы и до дна, если бы Николай со словами «харэ лакать, милый» не отобрал ёмкость. Сунув вискарь секретарше, Еремеев сначала представил нас, а затем и нам.

– Андрей Маркович Петренко, здешний «премьер-министр», «министр финансов» и всего остального, прочего, – похлопав главу по плечу, Николай сразу дал понять, кто здесь реальный «президент». – Сейчас Андрей Маркович пойдёт по домам, соберёт нужных людей, а уже затем они соберут народ.

– Ох, Николай Павлович, а что вообще случилось-то? Правда ли, что произошёл геологический катаклизм? – как оказалось, Петренко вообще смутно представлял себе происходящее в округе.

– Ёшкин кот, а кто из нас глава администрации? – наигранно удивился Ерёма. – Это ты, Андрей Маркович, должен мне доложить, что происходит. А не я к тебе мчаться с новостями, как тот Гарун. Ладно, не трясись, сейчас всё узнаешь от майора Иванникова.

Пока я рассказывал, что и как, Петренко то краснел, то бледнел, то вновь краснел. Видимо, выпитое Андреем Марковичем виски боролось с его врождённой боязнью начальства, и следы этой борьбы отражались на упитанной физиономии главы. Стоявший здесь же рядом Николай словно прочитал мои мысли и, улучив момент, виновато развёл руками: мол, сам видишь, какие кадры. Я пожал плечами и быстро свернул свой рассказ.

– В общем, так, Андрей Маркович – сиди здесь, и информируй людей, которые будут подходить, что мы вскоре создадим чрезвычайный совет, – немного подумав, распорядился Еремеев. – Ты, Елена Васильевна, езжай к Федосееву и попроси, чтобы Роман Георгиевич подъехал вместе с тобой... Ленка! Ты весь вискарь вылакала? Ну, млять, что за дела такие? Как же ты за руль сядешь, коза драная?

Оказывается, пока я толкал речь, просвещая Марковича, его секретарша потихоньку прикончила остатки еремеевского виски. То ли от нервов, то ли по иной причине. Колька, когда увидел пустую бутылку и блестящие глазки секретарши, едва не закатил бабе хорошую оплеуху, но сдержался, похоже, постеснявшись полиции. А я сообразил, отчего это ухмылялись мои парни – смотрели, как Елена Васильевна за нашими спинами прикладывается к бутылочке.

– Лёня, бери «уазик» и поезжай к Федосееву. Культурно, повторяю, культурно попроси Романа Георгиевича от моего имени сесть в машину с тобой и приехать к церкви, – Николаю пришлось посылать за неким Федосеевым одного из своих ребят. – Всё, давайте, двинем на колокольню. Надо осмотреться, а потом провести разведку местности.

Я кивнул, соглашаясь с доводами своего бывшего армейского друга. Как-никак, он здесь живёт и знаком с округой куда лучше нас. Кроме того, надо немедленно сориентировать и Антонова, который вообще знает здесь каждый кустик. Участковый родился в Данилово, прожил в посёлке почти всю жизнь и является настоящим кладёзем информации. Но сначала пусть Мироныч соберёт всех мужиков, у кого есть оружие. Чую, что времена развивающегося капитализма закончились, и наступает настоящая демократия, при которой истинно свободные люди должны иметь при себе оружие.

Ещё при подъезде к церкви мы поняли, что информация о катаклизме распространилась быстрее ветра. К колокольне стекались и стар и млад, ехали на велосипедах, машинах и тракторах. Мелькнул давешний «опель», в боковом переулке приткнулся КамАЗ, а его водитель стоял рядом и о чём-то беседовал с женщиной средних лет. Я уловил взгляд этого мужика, уверенный, лишённый злобы или чего-то подобного. Надо будет познакомиться с этим человеком поближе.

У церкви нас встретило по здешним меркам целое море народа – человек сто, не меньше. На крыльце храма стоял отец Серафим и вещал людям о Страшном суде, воздаянии, об избранных богом и т. п. Народ – в основном женского пола и преклонных лет – внимал речам настоятеля, крестился и плакал. Другие – кто помоложе, и мужского пола – лезли на колокольню, чтобы самим убедиться в собственной избранности. Хорошо поставленный голос отца Серафима перекрывал неизбежный в таких случаях шум и гам.

– Евгений Миронович, ты проследи, пожалуйста, за порядком, – вылезая из джипа, попросил я. – Чтобы никто не подрался, обошлось без рукоприкладства и насилия. Толпа – она часто бывает неуправляема. Особенно когда люди на эмоциях.

– Я останусь и помогу Антонову, – неожиданно произнёс мой напарник. – Займусь хоть какой-нибудь полезной работой, чтобы не думать о своих.

– Хорошо, Миша, – кивнул я. – Толик, Костя, вы остаётесь в распоряжении капитана Ковалёва и участкового... Евгений Миронович, вы тут распорядитесь, а потом сразу наверх, к нам. Без вас нам не обойтись.

– Добре, Владимир Иванович, – участковый сразу же признал моё главенство и лишь покосился на Еремеева. Николай же вообще не обратил на нас никакого внимания, сразу же направившись к храму. Кольке, похоже, не терпелось поскорее взглянуть на округу с самой высокой точки посёлка. Люди расступались, пропуская Ерёму и его двух подручных. Ну, пора и нам топать наверх.

– Ну, как, ходим с девками на море? – подколот я своего бывшего однополчанина, рассматривавшего в бинокль окрестный пейзаж.

– Легко. Только шнурки поглажу, – съязвил Николай, не отрываясь от наблюдения. – Володь, там, на севере нет никаких изменений местности. Я вижу крышу коровника фермера Савченкова. Хороший мужик, кстати, крепкий... Просматривается и хозяйство Чугунова... Увидели бы и Замятино, если бы не дымка.

– Что там, в этом Замятино? – поинтересовался я, доставая карту.

– Дюжина старушек, пяток питерских дачников, несколько пустых хат, – ответил Еремеев. – Подробнее можно узнать у Антонова или у того же Петренко. У Марковича там родня живёт – тётка с алкашом-сыном.

– Сколько отсюда до Замятино? – я глянул вниз, где Ковалёв и участковый прервали проповеди отца Серафима. К церкви продолжал стекаться народ, и, как полагаю, внизу собрался почти весь посёлок.

– Километров пять-шесть, наверное. Там, после Замятино есть ещё три деревеньки, которых больше нет на карте. Там даже старушки отсутствуют: перестройка, самогонка и дикий капитализм выбили народ не хуже фашистов, – со злостью сплюнул Еремеев. – Короче, Финн, надо самим ехать в Замятино и разбираться на месте, что там и как.

– Надо так надо, – хмыкнул я. – Коль, а сколько отсюда до Рясенки?

– Километров одиннадцать, точно не знаю, – Николай пожал плечами, глянул вниз. – Я в ней бывал-то всего пару раз. По той дороге между деревнями только на тракторе и ездить. Володь, Рясенку отсюда не видно. Она лежит северо-западнее, а там лес мешает... Не дождёмся мы Мироныча, Вова. Он накрепко увяз в позиционном трёпе с бабульками, и его просто так не отпустят.

– Понятно. Ладно, пошли вниз, а то там вообще назреет и произойдёт революция. Как говорили классики, подобные процессы лучше возглавлять нам самим, а не противостоять им, – вздохнул я, убирая карту в карман.

Внизу нас встретили шум и гам, в котором не было слышно собеседника в пяти шагах от самого себя. Недолго думая, я снял автомат с предохранителя, передёрнул затвор и трижды выстрелил в воздух одиночными. Это помогло – народ мгновенно замер, разом прекратив сотрясать языками воздух.

Толпа утихла, и стало слышно, как кто-то сдавленно охнул, а кто-то зашмыгал носом. Люди смотрели на нас – на хорошо вооружённых незнакомцев, неизвестно как очутившихся в Данилово. Смотрели на всем известного негласного хозяина всей округи, который и ранее внушал трепет, а теперь вообще открыто носил оружие вместе со своими бойцами.

– Тишина, граждане! Попрошу тишины! – мне пришлось напрячь свои голосовые связки, чтобы меня услышали все, находящиеся у церкви. – Меня зовут Иванников Владимир Иванович, я майор, начальник криминальной полиции энского УВД из Санкт-Петербурга...

По мере того как я говорил, лица людей становились всё суровее и суровее. Постепенно в толпе возник тихий гул, который не имело смысла глушить. Осознавая, что мир вокруг резко изменился, люди перешёптывались, переругивались, давали волю эмоциям. Хорошо, что хотя бы не перебивали, не освистывали, не улюлюкали.

Я уложился минут в десять, а затем слово взял Николай. Сразу же подтвердились мои выводы о недооценённых страной и властью талантах товарища Еремеева. Бывший сержант погранвойск чётко расписал произошедшие геологические изменения в окрестностях населён-

ного пункта. Затем плавно перешёл к нашему появлению в Данилово, особо подчеркнув, что он сам отныне находится в подчинении майора полиции. Расписал меня как лучшего друга и отличного командира, ну, прям эталон офицера языком из меня вылепил. Ай да Колька, ай да сукин сын!

– ...Товарищи! Ни для кого не секрет, что это я постарался протолкнуть на место главы администрации Андрея Петренко. Да, он мой ставленник, по сути работавший в мою пользу, – неожиданно для меня Еремеев заговорил о местных делах. – Петренко – мягкий и добрый человек, хороший исполнитель и, что самое главное – не вор! Да, да, он работал честно, не присваивал чужих денег. Сами знаете, что у нас о любой власти говорят, что она набивает себе карманы, едва добравшись до кормушки... И знаете, что я не люблю крысятничества из своего кармана.

В толпе раздалось несколько смешков. Видимо, кто-то представил, что Ерёма Безбашенный сделал бы с рискнувшим обокрасть его чиновником. Я посмотрел на Николая, пытаюсь понять, куда тот клонит. Народ, похоже, тоже заинтересованно слушал речь Еремеева, явно узнавая для себя какие-то новые подробности о местной политической кухне.

Мои опера переглянулись между собой, и Ковалёв тихонько что-то спросил у стоявшего рядом с ним участкового. Антонов помедлил с ответом, а потом утвердительно кивнул, произнес пару фраз. Так, так, так, а Мироныч, похоже, действительно в курсе всего и вся.

– ...Поэтому я предлагаю Роману Георгиевичу Федосееву стать во главе формируемого чрезвычайного совета, в руки которого временно переходит вся власть в Данилово и его окрестностях, – ах ты, паршивец, Колька, как ловко всё провернул. – До момента восстановления законной российской власти, товарищи! Роман Георгиевич, вы очень нужны людям! Очень прошу вас, пожалуйста, выйти сюда!

Толпа пришла в некоторое движение, народ зашевелился, пропуская невысокого седого старичка, опиравшегося на трость. Вроде дедушка как дедушка, а люди почтительно с ним здоровались и искренне улыбались, глядя на него. Судя по всему, непростой старичок этот Федосеев, ой как непростой.

– Это бывший глава администрации, которого лет пять назад спровадили на пенсию, – прошептал мне в ухо Михаил. – Он не давал твоему Ерёме стать единовластным хозяином всей округи. Хорошо ещё, что обошлись пенсией и выборами, а не как другие.

– Миша, Ерёма не мой. Он свой собственный, – также шёпотом ответил я – И он очень не хочет брать на себя ответственность за весь посёлок. Поэтому и устроил весь этот цирк. Заметь, как талантливо всё сделал, грамотно.

– Ага, вижу. Прямо народное вече какое-то, – чуть усмехнулся Ковалёв. – Сейчас князя выберут, а там и ополчение созывать начнут.

До князя, как вы понимаете, не дошло. А вот выборы действительно состоялись. Здесь же, на месте, у церкви. Народ живо откликнулся на предложение Николая создать чрезвычайный совет как временный орган власти и поставить во главе его товарища Федосеева. Как мне показалось, люди проголосовали единогласно, и даже приезжие автомобилисты оказались «за».

Еремеев на этом не успокоился, сразу же предложил несколько фамилий во вновь созданный совет, а затем действительно призвал создать ополчение. Обосновав это тем, что никто из собравшихся не в курсе, что вообще произошло и когда всё это закончится. А народ защищать надо, и это должен сделать сам же народ. Все, имеющие оружие и способные им пользоваться.

Едва слово взял новоизбранный Роман Георгиевич, как произошло знаменательное событие – сквозь дымку наконец-то проглянуло солнце. Даниловцы восприняли это как хороший знак, встретив солнце овациями, восторгом и радостными возгласами. Светило посверкало нам всего минут пять, а затем вновь исчезло за напоздшей облачностью.

Митинг было продолжился, и тут неожиданно раздался удары колокола. Как оказалось, отец Серафим воспринял появление солнца как знак небес и помчался наверх звонить в коло-

кол. Колокольный звон – это хорошо, но, к сожалению, при нём сложно напрягать голосовые связки, чтобы тебя услышал народ. Несколько мужиков поднялись наверх, чтобы успокоить излишне эмоционального батюшку, а я подошёл с Федосееву.

– Роман Георгиевич, на шоссе в паре километров к востоку лежит вдребезги разбитая фура с продуктами, – произнёс я, после того как поздоровался со стариком за руку. – Водитель фуры погиб, а вот продукты вскоре всем нам понадобятся. Надо бы организовать сбор и перевозку груза в посёлок.

– Очень хорошо, Владимир Иванович, сейчас же распоряжусь и организую, – голубовато-зелёные глаза Федосеева прямо-таки засверкали от удовольствия, и вообще старичок словно испускал какие-то флюиды энергии и непоседливости. – Семён! Семён, подойди сюда! Так, где Василий Никитин со своими сыновьями?

Тут к нам пробилась какая-то бабка и сразу же стала грузить нового главу совета проблемами с крышей и сараем. Я невольно прислушался, и вскоре выяснилось, что подземные толчки вызвали некоторые разрушения. Пострадали несколько старых и ветхих домов, в которых проживали одинокие старушки, а некая Матвеевна сломала ногу, когда на неё упала слега.

Колокольный звон наконец-то прекратился, и стал слышен рёв мотора какого-то транспортного средства, несущегося на полной скорости. Спустя несколько секунд из-за поворота выскочил трактор, лихо остановился, не глуша мотор, а из его кабины выпрыгнул бородатый мужик с ошалевшими глазами.

– Это Женька Чугунов, мой тёзка и одноклассник, – присмотревшись, произнёс Антонов. – Похоже, что-то произошло.

– Люди!!! Рясенка исчезла!!! Нет ни дороги, ни самого села!!! – завопил Чугунов, бросаясь через толпу к церкви. – Мир перевернулся!!! Люди!!!

– Всё ясно. Женька вчера нажрался, а утром с бодуна поехал к соседям. Видать, халтура у него там нашлась, – участковый быстро выстроил логическую цепочку. – И не доехал.

– Евгений Миронович, вы соберёте тех, у кого есть оружие? – поинтересовался я, наблюдая за хватающимися за голову Чугуновым.

– Да, товарищ майор. Через часик у правления соберутся все наши мужики с ружьями, – кивнул Антонов и покосился на одного из охранников Еремеева. – Автоматов у нас не водится, но у кого что есть, как говорится. Карабины, дробовики.

– Да хоть берданки с наганами, лишь бы побольше, – уточнил я. – Надо сделать объявление, чтобы народ тащил все оружие, что найдёт. Отныне власть не станет привлекать за нелегал, за самоделки и за прочее. Наоборот, благодарить станем за каждый лишний ствол. А если мир вернётся обратно, и всё встанет на свои места, то я даю слово офицера, что мы ничего не видели и ничего не знаем.

– Мироныч, ты давай собирай мужиков, кто служил в армии, грамотных и надёжных, – услышав наш разговор, к нам подошёл Николай. – Я передам вам кое-какие излишки, отдам «помповухи», СКС с оптикой.

– СКС лучше себе оставь, снайпером будешь, – вмешался я. – А своих бойцов раздели на пару автоматчиков и водителя. В результате у нас будет три полноценных тройки бойцов.

– Так точно, товарищ майор. Будет исполнено, – шутливым тоном отозвался мой бывший однополчанин. – Володя, да три тройки на всю округу – это капля в море. Это на пару «блоков» и на маневренную группу. А нам надо минимум пять троек и наблюдателей на колокольню... Во, кстати, у меня есть телескоп – подарили как-то на день варенья. Мироныч, а давай-ка оформим штатным наблюдателем твоего старшего пацана.

– Лучше я нам другого наблюдателя найду, – подумав, произнёс Антонов. – Есть у нас очень ответственная девушка, к матери на выходные приехала. Её и посадим на колокольню.

– А что с медициной, с продовольственными запасами? Здесь хотя бы магазин имеется? – вступил в разговор капитан Ковалёв. – Надо бы где-то разместить транзитников, которые оказались на шоссе вместе с нами.

– Да, это важно. Миша, именно этим мы сейчас и займёмся – знакомством с людьми и конфискацией груза, – вспомнив про рефрижератор и его водителя, оживился я. – Евгений Миронович, тебе дополнительное задание: кинь клич, пусть поселковые разместят автомобилистов по хатам.

– Может, их лучше в школу? – внёс предложение участковый.

– Нет, школа, быть может, понадобится для чего-то другого, – какое-то странное предчувствие никак не отпускало меня. – Разместим автомобилистов у местных.

– Кстати, про магазин. Могу обрадовать товарища капитана – в Данилово есть два магазина, и оба они принадлежат мне, – засмеялся Еремеев. – Что, Мироныч, не знал, что я Таньку спонсирую? Она баба хорошая, вот я и отсыпал деньжат вдове. Жить-то ей как-то надо, с двумя-то детьми на руках.

– Не знал, Николай Павлович, удивил ты меня, – оказывается, и Антонов может чего-то не знать. – Эээ... А как же теперь быть с деньгами? Отменить их или как?

– А разве есть какие-то иные варианты, товарищ старший лейтенант? – вкрадчивым голосом спросил мой напарник. – С этого момента наступает коммунизм – с каждого по способностям и каждому по потребностям.

– Смотри, Миша, вот, как соляра выйдет, запрягут нас, и будем мы с тобой вместо лошадок окучивать картошку, – я шутливо погрозил пальцем Ковалёву и повернулся к своим. – Так, бойцы, идите знакомиться с автомобилистами – с теми, кто оказался в посёлке транзитом, как и мы с вами... А мы, Евгений Миронович, поговорим с твоим тёзкой и одногодком. Информация не бывает лишней.

Из разговора с Чугуновым выяснилось, что расположенная северо-западнее Данилово деревня Рясенка исчезла, словно её и не было. Тракторист, как это верно подметил участковый, вчера вечером откушал водочки, но с утра поехал поработать к соседям. Проехал около четырёх километров, и едва не лишился рассудка.

Просёлок резко оборвался в прямом смысле этого слова, упёршись в невиданный в этих местах лес. Высоченные деревья, цветущий кустарник, густая трава. Чугунов клялся и божился, что виденная им растительность не имеет ничего общего с нашей, с российской. Никаких животных и птиц он не заметил, а на насекомых даже не подумал обратить внимания. Кому они вообще нужны, жуки и муравьи всякие?

Узнав от людей, что произошло на самом деле, тракторист поначалу впал в ступор, потом стал было буйствовать, не веря сказанному. Пришлось мужика сбить с ног подсечкой, надеть на него наручники и отвести на колокольню, чтобы своими глазами увидел округу посёлка. Затем сердобольные бабки налили бедняге граммов семьсот самогона и повели под руки к ближайшим родственникам – проспать. Федосеев временно конфисковал трактор, чтобы Женька не натворил делов, если вдруг проснётся раньше времени.

Тем временем мы занимались товарищами по несчастью. На момент катаклизма на шоссе у Данилово оказались три фуры, шедшие из Питера, пять легковушек, злополучный фургон-камикадзе и уже хорошо знакомый нам рефрижератор. Ну, ещё плюс мы и та вдребезги разбившаяся фура с продуктами. Итого дюжина машин и более двух десятков человек, мужчин и женщин.

– Соловьёв Владимир Андреевич, – вслух произнёс я, глянув в паспорт водителя рефрижератора. Да, получилось, что он мой тёзка. – Вы в армии где и кем служили, а, Владимир Андреевич?

– Служил в ВДВ, исполнял интернациональный долг на югах, за речкой, – с едва заметной грустью ответил Соловьёв. – Военная специальность – пулемётчик.

– А где научились так хорошо водить? – поинтересовался я, возвращая мужику паспорт.
– И до армии и после неё увлекался гонками, одно время даже подрабатывал каскадёром на «Мосфильме», – ответил водитель. – Что, командир, не веришь?

– Почему? Верю. Проверить, конечно, не могу, но верю, – улыбнулся я. – Что везёшь, Владимир Андреевич?

– Мясо, говядину. И уже, похоже, не довезу, – невесело усмехнулся Соловьёв. – Машину, как понимаю, ты конфискуешь, да, майор?

– Не будем ставить вопрос таким образом, – поморщился я. – Не я конфискую, а мы позаимствуем для нужд всего населения.

– Да мне по барабану, как это назвать. Я не против – забирай КамАЗ, и делай с ним, что хочешь, – засмеялся водитель. – Я тут уже договорился с одной хозяйкой насчёт постоя, помогу ей с колодцем, а потом – посмотрим.

– Слушай, тёзка, а как давно ты участвовал в гонках? – у меня родилась одна идея, и я решил не упускать этого мужика на вольные хлеба.

– Ну, лет девять-десять назад был на ралли в последний раз, – подумав, ответил Соловьёв. – А потом развёлся, пошёл работать дальнобойщиком, ещё раз женился, снова развёлся. А что ты хотел, майор?

– Пойдёшь ко мне рулить? У меня джип, серебристый «мерс», – махнул я в сторону своей машины. – Получишь автомат, пистолет, а может, и разгрузку найдём.

– К тебе, говоришь? – оценивающе прищурился водитель КамАЗа. – Вот так сразу доверишь свой «мерс» первому встречному?

– Ты не первый встречный. Нервы у тебя железные, а случись чего – ты не подведёшь. Я чую людей, вижу, кто чего стоит, – объяснил я. – Это оперский опыт и чутьё, помноженные на соображалку.

– А, ладно, всё равно надо будет чем-то заняться. Гони ключи от своего джипа, – Соловьёв думал недолго. – Дай ещё пару минут – я сейчас соберу из кабины вещички, перенесу в дом к хозяйке.

– Хорошо. Держи ключи, – я протянул тёзке брелок с ключами. – КамАЗ пусть пока здесь постоит, я не знаю, где на селе продуктовый склад будет. Федосеев распорядится, и ты потом сам же его и отгонишь.

Пока я решал вопрос с рефрижератором, мои парни разобрались с тремя фурами. Две из них оказались особо ценными, так как везли продовольствие – импортные консервы и макароны. Третья фура оказалась забита различной компьютерной техникой. Эх, часика три назад мы бы радовались такому подарку и в ус не дули. А сейчас, когда посёлок сидел без электричества, я не представлял, что нам делать со всеми этими серверами и принтерами. У Еремеева, конечно, электричество было, но надолго ли хватит его запасов солярки?

Фургон-камикадзе вёз различные молочные продукты – сыр, сливки, сметану, и я немедленно приказал Руслану перегнать эту машину к правлению. Пусть Федосеев сам разбирается, где хранить наиболее скоропортящиеся грузы. Туда же, к правлению, отправил и те две фуры с импортными продуктами.

– Знакомьтесь: Соловьёв Владимир, бывший десантник, гонщик и каскадёр, – когда мои опера закончили общение с дачниками, я представил им нового товарища. – Будет рулить на моём «мерсе». Ну, что, парни, готовы проехаться по округе?

– Володь, мы-то всегда готовы, но моя «бэха» не проектировалась для родных ухабов, – озабоченно произнёс Владислав. – Я застряну в первой же колдобине.

– Хорошо, я поговорю с Николаем. Он нам даст какой-нибудь джип взамен твоей «бэхи». – Увы, но Зеленцов был полностью прав – не на его БМВ лезть в российское бездорожье. Особенно весной, когда земля ещё не просохла после таяния снега.

Еремеев сразу же согласился с моими доводами и послал пару своих бойцов за вторым джипом, за «лэндкрузером». Заодно приказал привезти всё оставшееся оружие – СКС, помповые ружья для ополчения, оба «лишних» автомата, пистолеты, патроны, запасные магазины и прочую амуницию. Мол, надо вооружать мужиков, а то фиг его знает, как карта ляжет. Я подумал и согласился с Колькой, решив передать ополченцам все три наших «укорота». Фиг его знает, куда кривая выведет.

Пока мы готовились к выезду на разведку местности, из облаков вновь выглянуло солнышко. Яркое и отнюдь не майское солнышко. Лучи солнца залили землю, стало заметно теплее, с моря подул лёгкий ветерок. Народ в посёлке потихоньку стал приходить в себя, расходиться по домам, и на колокольню пробрались любопытные пацаны.

– Владимир Иванович, а что с детьми будем делать? – поглядев на торчащие вверх головы, спросил Толик Новичонков. – Опасно там. Гнать в шею или как?

– Можно и прогнать, но это не решит проблемы, – задумался я, глянув на чью-то вихрастую голову. – Мы сами были в их возрасте и сами лезли во всякие переделки. Пацанов надо будет как-то организовать и использовать как тимуровцев по посёлку, что ли. А то полезут в чужой лес и, не дай бог, нарвутся на приключения на свои задницы... Чёрт, без сотового как без рук.

– Шеф, без сотового, говоришь? – произнёс подошедший к нам Саня Барулин. – Напомнить старый анекдот из серии армянского радио про мальчика «пейджер-джана»? Вон они, «пейджер-джаны», окрестностями любят. Пусть берут велики и вперёд – работать посыльными.

– Верно, пацанву нужно занять каким-нибудь полезным делом, чтобы они были под приглядом старших, – согласился со словами напарника Зеленцов. – Давай, Саш, пойдём и организуем это дело, пока есть пару лишних минут.

Капитаны ушли на колокольню, а к нам подошли две бабульки и заплаканная женщина лет сорока пяти. Сразу же выяснилось, что женщина очень беспокоится за судьбу дочери, оставшейся в Питере, и всё ещё не верит, что мир изменился. Материнский инстинкт подсказывал ей, что надо бы пробраться в город, чтобы поискать своего взрослого ребёнка. Вот она и решила обратиться к нам: мол, полицейские из Питера найдут дорогу проехать обратно. Да, сложный случай.

Успокаивая женщину, как мог, я понял, что у людей скоро начнётся психологический откат – осознание факта реальности перемен. Практически у всех жителей Данилово где-то там за чертой остались родственники и дети, и люди ещё не примирились с мыслью об их отсутствии. Это как примириться с мгновенной смертью близкого человека, с которым ты ещё вчера говорил и видел его живым, а уже сегодня его не стало, и нет никакой возможности проводить его в последний путь. Наверное, подобное ощущали миллионы матерей во все времена, когда им сообщали, что их дети пропали без вести или погибли.

Появление Еремеева спасло нас от продолжения тяжёлого разговора с потерявшей свою дочь женщиной. Извинившись, я занялся организационными делами. К этому моменту Зеленцов и Барулин вывели из церкви с десятков пацанов возрастом примерно от десяти до тринадцати лет и предложили тем вступить в народное ополчение. Пока на испытательный срок, а там – как себя проявят на службе. Вот артисты, блин! Ещё бы пообещали выдать мальчишкам боевое оружие. Мысленно аплодируя таланту своих оперов – мгновенно нашли, как завлечь пацанов, – я вытащил карту местности, расстелил её на капоте джипа.

– На самом шоссе мы уже были, – я указал карандашом на выделенный красным отрезок трассы. – С колокольни хороший обзор, и местность за шоссе просматривается как на ладони. Море и тот заметно выступающий в него мыс мы тоже видели. Чужой лес на мысу мы осмотрим потом, никуда он от нас не денется. Нет никакой информации по северному направлению,

ничего нет по востоку. Предлагаю сначала проехать на север, посетить деревеньки, которых уже нет на карте, потом завернуть в Замятино.

– Согласен, товарищ командир. На лазурное побережье за околицей Даниловки пойдём потом, когда вернёмся из тундры, – озорным тоном произнёс Николай. – Погреемся на песочке, попьем пивка, найдём себе барышень по вкусу.

– Ты бы с пивом поаккуратнее, товарищ сержант, – отозвался я. – Пиво теперь станет жутким дефицитом, прямо как в советские времена. А водка вообще приобретёт ценность доллара. Жидкая валюта, как её иногда называют.

– Ага, вместо евро будут патроны, а вместо золота – обалденно красивые бабы, – разве-селся мой армейский друг. – В общем, так, Володя, я закрываю оба своих магазина и оставляю Витька с Лёней их охранять. Мало ли что. Как только Федосеев назначит ответственного за стратегические ресурсы, я сразу же отдам обществу свои запасы. И ещё я хочу попросить Антонова дополнительно выделить пару ополченцев для охраны жратвы и алкоголя. Надо ехать к Миронычу, Вова.

– Поехали. Влад, берите «крузак», а свою «бэху» отдай вот ему, – я указал на молчаливого спутника Еремеева, который привёл к церкви японский джип. – Не бойся, ничего с ней не случится. Её отгонят во двор к Николаю.

– Володь, я, наверное, поеду с парнями, – неожиданно произнёс Ковалёв. – У нас мало-вато места на пятерых.

– Нет, Миша, ты поедешь со мною, – мягко возразил я. – Мы работали бок о бок более десяти лет, и ты по-прежнему мой друг и зам. Я верю тебе, как самому себе, и ничто в мире этого не изменит. Даже конец света.

– У Светы нет конца. Это проверено, – чуть улыбнулся Ковалёв, намекая на одну известную всем нам капитаншу. – Руслан, ты поедешь в «лэндкрузере». Случись что – из нашей тачки пятому сложно выскочить быстро.

– Да мне пофигу, где ехать, – отозвался Руденко. – Лишь бы люди были приятные, матом бы не ругались, к сиротинушке на «вы» обращались.

– Ты на что намекаешь, нахал? – деланно возмущился я. – Чем тебе было плохо с нами?

Очередная присказка Руслана вызвала кратковременный взрыв смеха, и немного взвинченная атмосфера слегка разрядилась. Мы загрузились в джипы, и минуты три спустя были уже у правления. Здесь собралась приличная толпа народа, человек тридцать, но не наблюдалось ни суеты, ни лишнего шума. Больше половины из собравшихся внимательно слушали речь участкового, а остальные что-то решали с главой чрезвычайного совета. Среди последних я увидел и любителей фирменного виски – Андрея Петренко с его секретаршей Ленкой. На боковой улице стояли две фуры и тот самый фургон с молочной продукцией.

Мы остановились, по-быстрому переговорили с Федосеевым и с Антоновым насчёт рефрижератора, выгрузили оружие и вновь тронулись в путь. Свернули на грунтовку, оставили позади себя Данилово. Ехали довольно медленно, около пятидесяти километров в час, внимательно разглядывая всю округу. Ничего примечательного не видели, вокруг простирался типично российский ландшафт: зеленеющие поля, покрывшиеся молодой листвой деревья.

– Слышите? Что-то гудит, – неожиданно произнёс наш новый водитель, которого я сразу же посадил за руль. – Что-то знакомое...

– Тормози, – велел я, доставая рацию. – Парни, внимание!

Едва мы остановились, и я распахнул дверь, шум стал переходить в рёв, и из-за горизонта показался большой четырёхмоторный самолёт. Затопив всю округу рёвом своих двигателей, реактивный лайнер прошёл прямо над нашими головами, держа курс на юг. Я сразу же обратил внимание, что шасси самолёта выпущены, чего, по идее, не должно быть в полёте.

– Евпатий-Коловратий! Да он же ищет, где сесть! – закричал мой напарник. – Вовка, эта дура сможет сесть только в одном месте – на шоссе! Надо срочно туда!

– Чёрт возьми, а капитан прав: этот летун ищет площадку, где бы приземлиться, – проводив самолёт взглядом, произнёс Еремеев. – Володя, а ведь он может и рухнуть, разбиться при посадке.

– Японский городской! Млять, едем!!! Быстрее! – я прыгнул обратно в джип. – Гони, тёзка! Гони, как на ралли! Не жалей «мерс»!

– Сделаю, – отозвался Соловьёв, резко рванув с места. – Держитесь!

– Так, парни, я немного разбираюсь в этих леталках. Это был грузовой «семьдесят шестой» «ил», у которого экипаж человек десять, не более, – на ходу стал уточнять Ковалёв. – Ещё могут быть и пассажиры, и их может быть много, более сотни душ.

– Хорошо бы в нём не было пассажиров, капитан, – заметил Николай. – Если этот «горбатый» разобьётся, то нам придётся хоронить кучу народа. Не люблю я похороны.

– Эх, видел я в Афгане, как духи завалили на взлёте наш транспортник, – внёс свою лепту в разговор Владимир. – Рвануло так, что у нас все «сарбосы» по щелям попрятались.

– Хорош каркать, – оборвал я своих бойцов. – Думайте о хорошем, а не дурном. Не моделируйте всяких несчастий. Всё обойдётся, и «ил» сядет. Сядет, без вариантов.

Мы влетели в Данилово, словно ураган, сигнали, пронесли по населённому пункту к выезду на шоссе. К счастью, никого не задавили, и вроде не перепугали до смерти. Народ уже смекнул, что вновь происходит что-то из ряда вон выходящее, но ещё не сообразил, чего конкретно следует ждать. А ждала нас аварийная посадка транспортного самолёта, которая вполне могла завершиться большим погребальным костром для его экипажа и пассажиров.

– Тормози, – скомандовал я, когда мы почти вырулили на трассу. – Так, он вновь разворачивается... Сделал уже два круга, пилоты осмотрелись, прикинули, что и как... Заходить, похоже, станет со стороны разбитой фуры.

– Надо отъехать на пригорок хотя бы метров на сто, – покрутив головой, произнёс Соловьёв. – Если он взорвётся сразу, то нас зацепит разлетающимися обломками.

– Давай отъезжай, тёзка, – я сразу же согласился с бывшим десантником.

Между тем огромный четырёхмоторный «ил» завершил разворот над морем, выровнялся по прямой и стал снижаться, идя на посадку. Мы безмолвно наблюдали, как лайнер сначала едва не чиркнул колёсами шасси по верхушкам деревьев чужого леса, а затем легонько коснулся асфальтового покрытия. Чуть подпрыгнул, снова коснулся земли, на этот раз окончательно, и понёсся в нашу сторону, почти не снижая скорости.

Здоровенная туша «семьдесят шестого» пронеслась мимо, оставив за собой запах палёной резины. Судя по всему, пилоты самолёта оказались опытными ребятами, имевшими опыт посадок на грунт. А ведь малейшая ошибка могла привести к соскакиванию машины с асфальта в чистое поле с непредсказуемыми последствиями.

– Он вроде уже должен был бы остановиться, – как-то неуверенно произнёс Михаил. – Обычно «илу» хватает каких-то тысячи метров для пробега, а тут отрезок почти в пару километров. Что-то не так.

– Скоро выясним, Миша, – пообещал я. – Всё, пора, едем за ним.

Мы сели в машины, вырулили на трассу и понесли следом за «семьдесят шестым», который, как ни в чём ни бывало продолжал катить вперёд. До конца шоссе оставалось метров триста, и у меня даже зародилось подозрение, что лётчики уже не контролируют свой самолёт. Если это так, то транспортник вскорости выскочит за пределы импровизированной ВПП. Перед глазами моментально возникла картинка смятой в лепёшку кабины фуры, что валялась в лесу на противоположном конце шоссе.

– Он останавливается! Сразу у поворота трассы, почти у края леса, – эмоционально произнёс мой напарник. – Слава богу, лётчики погасили скорость!

– Давай, Володя, езжай прямо к хвосту, – скомандовал я, увидев, что в кормовой части самолёта раскрылись створки и стал опускаться въездной пандус. – Заедь слева от хвоста.

Мы остановились метрах в тридцати от «ила», выскочили из машин, бросились было к самолёту. Похоже, перестарались. Вид полудюжины автоматчиков, рысью бегущих к пандусу, здорово озадачил вышедшего нам навстречу мужика. В глазах лётчика промелькнул испуг, и он мгновенно поднял руки вверх.

– Не стреляйте! Сдаюсь! – крикнул пилот. – У нас нет никакого оружия! Мы – гражданский «борт»!

– Да, успокойся ты, никто и не думал в тебя стрелять, – на всякий случай я закинул «калаш» за спину. – Я – майор полиции Иванников, опер из Питера, а это мои люди. Кто вы, и как вы очутились возле Данилово?

– Данилово? Это та маленькая деревенька, что ли? – лётчик махнул рукой в сторону посёлка. – Я – бортинженер Сапрыкин. Мы вылетели из Архангельска с час назад, а потом... Не, пусть лучше командир сам всё расскажет.

Из чрева транспортного появились два новых действующих лица – высокий мужик средних лет в лётной форме и парень в камуфляжном комбинезоне. На секунду оба опешили, увидев наш «комитет по встрече», и на шоссе возникла небольшая пауза.

– Мужики, я не знаю, кто вы такие, где мы и вообще, что происходит, но сейчас не мешайте нам, ради бога, разгрузить самолёт! – очень эмоциональной скороговоркой зачастил высокий лётчик. – Сейчас сюда подойдут ещё два «борта» – все с пассажирами – и оба пойдут на посадку! А у меня внутри вездеход, десять тонн соляры, и у самого баки на три четверти полны керосином! Не дай бог, кто-то из иностранцев не сможет погасить скорость, и врежется нам в хвост!

– Так, парни, быстро убираем свои «джипы», – из быстрой речи пилота я сразу же ухватил главное – «ил» перевозил куда-то вездеход, дизельное топливо, а в небе вот-вот появятся два иностранных самолёта. Причём два пассажирских самолёта, битком набитые людьми, как те бочки сельдью. Впереди вновь замаячил призрак большого погребального костра. – А вы выводите свой вездеход и сами пулей дуйте вон отсюда!

– Я не могу! – отрицательно мотнул головой лётчик. – У меня в кабине сидит радист на связи с пилотами «Люфтганзы» и «Эйр-Франса» и выводит их сюда, на нас. Я не могу бросить Сашку, я должен быть рядом с ним.

Такой подход мне понравился. Сам едва разминувшийся со смертью лётчик ни за что не готов был оставить своего радиста одного, да ещё пытался спасти несколько сотен совершенно незнакомых ему людей.

– Как быстро подлетят оба лайнера? – сразу же поинтересовался я. – Сколько у нас есть времени?

– «Люфтганза» появится минут через пять, и у них ещё есть керосин, а «Эйр-Франс» идёт на остатках, и ему лететь минут десять-пятнадцать, – быстро уточнил пилот. – Я опасаясь, что «француз» не дотянет, а если и дотянет, то не сумеет сесть. Ему просто не хватит времени зайти на посадку.

– Я понял тебя, – кивнул я, протянув мужику руку. – Володя, Иванников, опер из Питера. Ехали на задание и застряли здесь, когда ЭТО произошло.

– Анисин, Юрий, из Мурманска, – мы пожали друг другу руки. – Мы взяли в Архангельске машину для Эм-Че-Эс, взлетели, и через полчаса произошло такое... В эфире чёрте что, все орут, ругаются, ни один диспетчер не отзывается... В общем, развернулись мы и пошли обратным курсом... Снизались, пробили облачность, чтобы искать место для посадки, и тут штурман увидел море... И деревеньку почти на берегу, и дорогу...

Пока Анисин сбивчиво и нервно рассказывал все подробности полёта, из чрева транспортного выполз вездеход. Да не просто вездеход, а гусеничная сочленённая машина повышенной проходимости. Я видел такой только по телевизору и хорошо запомнил две вещи: этот монстр отлично плавает, а соляру жрёт чуть ли не по десятку литров на каждый пройденный

километр. Ну, что делать, если на нём стоит танковый движок, отличающийся повышенным аппетитом?

– Стоп, Юрий. Тот парень в комбезе – он из твоего экипажа? – перебил я словоизлияния лётчика.

– Нет, он из эмчезников, специально прилетел в Архангельск за вездеходом, – уточнил пилот. – Я с ним перекинулся парой фраз при погрузке, и всё. Он с Колькой Сапрыкиным общался...

– Юрка!!! «Люфтганза» уже в двух минутах! – из фюзеляжа выбежал ещё один член экипажа – радист. – Мне давать добро на посадку?

– Уже иду, Саня, иду, – махнул рукой Анисин и повернулся ко мне. – Извини, опер, надо сажать «немца», а то ему тут капут будет. Чёрт, ещё и «Эйр-Франс»... С ним вообще полный абзац.

– Удаchi, тебе, брат, – я лишь кивнул в ответ. А что ещё говорить? Сначала эти простые русские парни спасли самих себя, а теперь пытались вырвать из лап смерти ещё несколько сотен душ. Если смогут приземлить оба борта... Чёрт, а где же мы размещать пассажиров будем?

– Что там, Вова? – спросил меня мой напарник, когда я подошёл к своим. Рядом с парнями стояли двое членов экипажа транспортника, успевшие в двух словах рассказать о своих злоключениях. Здесь же топтался и эмчезник в камуфляжном комбезе – водила сочленённого вездехода.

– Там задница, парни, – не стал скрывать я. – Либо наши посадят два буржуинских «борта», либо – нет. Будем надеяться на лучшее.

– Федосеев с участковым подъехали, – неожиданно произнёс Костя Григорьев. – Следом ещё деревенские подтягиваются.

Я оглянулся. Действительно, в полусотне метров от нас притормозила «нива», из которой вылез глава совета посёлка. Следом за ним из «уазика» повылезали Антонов с тремя вооружёнными мужиками. Со стороны Данилово показались ещё несколько машин, в том числе автоцистерна на шасси ГАЗа и похожий на «скорую» микроавтобус без мигалки. Оставалось лишь удивляться оперативности Федосеева, столь быстро организовавшего экстренный выезд необходимого транспорта.

– Товарищ Иванников, лётчики живы?! С ними всё в порядке?! – сложив руки рупором, прокричал глава совета.

– Да! Лётчики живы-здоровы! – обернувшись, прокричал я в ответ. – Сейчас будет садиться второй самолёт!

– Иностраный! Немецкой «Люфтганзы»! – добавил крику Еремеев. – Роман Георгиевич, езжайте сюда, не загораживайте полосу для посадки!

– Час от часу не легче, – буркнул стоявший рядом Ковалёв. – Тут не знаешь, как сам дальше жить будешь, так ещё и фашистов принесло на наши головы.

– Не бурчи, Миша, всё будет хорошо, – заверил я своего напарника. – Вовсе не факт, что в самолёте летят одни немцы. Там по нынешним временам всякий народ обретается. Да, и современные немцы нисколько не тянут на фашистов – сдулись ещё в сорок пятом.

– Вижу, летит, – произнёс Руденко. – На «два часа», со стороны мыса.

Все умолкли, повернувшись в указанном направлении. Я увидел маленькую чёрточку, которая приближалась, постепенно увеличиваясь в размерах. Послышался гул моторов. Спустя какое-то время рёв реактивных двигателей затопил всю округу, и в небе над Данилово появился четырёхмоторный «боинг». Чуть накрываясь, самолёт совершил круговой облёт посёлка и освобождённого от машин отрезка трассы, а затем ушёл в сторону моря.

– Всё, присмотрелись, примерились. Сейчас развернутся и пойдут на посадку, – второй пилот «горбатого» комментировал нам действия своих иностранных коллег из «Люфтганзы». –

Если промажут первый раз, то пойдут на второй заход. Мы два круга сделали, пока присматривались, а сели с первого же захода.

– А как же «француз»? – спросил я. – Для него хватит места, чтобы сесть?

– Не верю я, что «Эйр-Франс» дотянет до берега, – помрачнел лётчик. – У них керосина оставалось чуть-чуть, с гулькин нос.

«Боинг» действительно развернулся над морем, и, плавно снижаясь, выпустил шасси. Секунд десять мы наблюдали за идущим на посадку «немцем», пока из фюзеляжа «ила» пулей не выскочил его командир.

– Мужики!!! «Француз» передал, что топливо в ноль, но он видит берег и попытается дотянуть планированием! – подбегая, во всю глотку заорал Анисин. – Если повезёт – он сядет на воду у берега! Если нет... У вас лодки есть?!

Видимо, во взглядах почти двух десятков человек сквозило что-то такое, отчего лётчик мгновенно сник. Моментально понял, что мы ничем не сможем помочь погибающим в море людям, даже если очень захотим это сделать. У нас действительно не было лодок. Никаких, даже резиновых. Надо было пошуровать в закромах Еремеева, да кто же знал... Стоп, а если?

– Чего стоим, парни? – нарушил я всеобщее молчание. – У нас есть плавсредство амфибийного типа, которое годно для спасения на воде. А здесь останутся лётчики, ополченцы и гражданские добровольцы.

– А если он разобьётся? – спросил Руслан, указав рукой в сторону садящегося «боинга».

– А если он разобьётся, то мы ничем ему не поможем, Рус, – ответил я. – У нас нет ни пены для тушения такого пожара, ни бригады медиков для оказания помощи пострадавшим. Судьба «немца» в руках его же пилотов. Всё, поехали. Джипы оставим здесь, они через обрыв не пройдут... Тебя как зовут-то, «танкист»?

– Марк, – нервно затягиваясь сигаретой, отозвался водитель вездехода. – До сих пор не верю, что мы в другом мире... Хотя сам же видел море из иллюминатора...

– Видел? Ну, скоро ещё и прогуляешься по здешней ривьере, – произнёс я. – Давай, Марк, садись за руль и вези нас на пляж. Может, и получится спасти кого-нибудь из «французов».

Мы погрузились в вездеход – походу, узнали, что он называется ДТ-10П «Витязь» – и двинулись на нём в сторону моря. По моим прикидкам, от этого конца трассы до моря нам надо было проехать около километра, и большая часть маршрута пролежала по «нашей», по российской земле.

Как приземлился самолёт «Люфтганзы», мы толком и не видели. Позднее из рассказов ополченцев узнали, что «боинг» с трудом удержался на прямой, едва не выскочив в чистое поле. Причиной этого стало разрушение резины на одном из шасси самолёта, или как там эти колёса называются. В общем, «боинг» всё-таки припарковался в сотне метров от нашего «ила», и его пассажиры чуть ли не хором благодарили Бога и мастерство пилотов. А затем им и вовсе открылась сногшибательная новость – вылетев из Гамбурга, они прилетели в другой мир.

Тем временем мы быстро проехали несколько сотен метров родных полей и зарослей кустарника, объехали берёзовую рощицу и пересекли границу между двумя ландшафтами. Впереди простиралась примерно стометровая полоса чужого леса, обширный пляж, за которым синело ласковое и тёплое море. Почти сразу же нам пришлось спешиться, чтобы заняться поисками пути для нашего «витязя» – чужие деревья росли столь плотно одно к другому, что невозможно было проехать напрямую. И хотя эти поиски отняли у нас совсем немного времени, мы упустили сам момент появления в небе французского «аэробуса». У самолёта уже закончилось топливо, заглохли двигатели, и он тихо планировал в сторону спасительного берега.

– Мля! Смотрите! Лайнер падает! – Владислав первым заметил появление «француза». – Мужики, что делать?

– Да ничего, – с чувством сплюнул Саша Барулин. – Мы тут – всего лишь статисты, ничем не способные ни помочь, ни помешать. Будем смотреть, и всё.

И мы смотрели, позабыв и про урчащий за нашими спинами вездеход, и про всё остальное. Ибо не каждый день представляется шанс увидеть аварийную посадку на воду современного пассажирского лайнера. И не каждый день удаётся стать свидетелем настоящего чуда, совершённого пилотами этого лайнера. Действие происходило несколько в стороне от нас, и мы не опасались за свою безопасность.

Подняв тучи брызг, здоровенная махина коснулась водной поверхности, а затем понеслась к берегу, гоня перед собой небольшое цунами. Самолёт напоминал взбесившуюся подводную лодку, с какого-то перепуга решившую выброситься на берег. Он и выбросился на берег, со скрежетом обшивки, с хрустом набора корпуса. Словно кит, «аэробус» выскочил на береговую отмель примерно в полукилометре от нас и замер, слегка приподняв нос.

– Кхм... Костя, Толик, идите, ищите проход для «витязя», – прочистив горло,скомандовал я. – А мы идём к самолёту...

Когда мы оказались у «аэробуса», его уже вовсю покидали первые спасшиеся. Одни просто выбирались через аварийные люки на крылья самолёта, а затем прыгали в воду и вплавь добирались до берега. Другие съезжали вниз по надувным трапам, сразу же оказываясь в водной стихии, и также плыли к пляжу. По белоснежному песку бродили несколько человек, первыми преодолевшие вплавь около двух десятков метров до мелководья.

Нас встретили с опаской, косясь на оружие, задавая вопросы на нескольких европейских языках. Затем до пассажиров «Эйр-Франса» дошло, что здешние аборигены ни бум-бум ни на языке Мольера, ни на языке Сервантеса, ни на языке да Винчи. Перешли на язык Байрона, которым немного владели капитаны Барулин и Зеленцов. Руслан отлично знал немецкий, и вскоре над пляжем разносились рубленые фразы на языке Гёте и Шиллера. В общем, хоть и с трудом, но нам удалось объяснить спасшимся, что мы не собираемся никого грабить и убивать.

В этот момент показался долгожданный вездеход, и народ стал соображать, что к чему. «Витязь» притормозил, подобрав меня, Николая и Михаила, а затем двинулся к застрявшему на мелководье «аэробусу». Вездеход подошёл к самолёту, причалив к его крылу, словно заправский буксир. Мы осмотрелись и поняли, что можно принимать людей прямо с крыла. Навскидку подсчитали, что придётся сделать не менее пяти рейсов, чтобы вывезти всех. Сделали четыре, так как сохранившие силы и умевшие плавать люди добирались до берега самостоятельно. Нам помогали пилоты и экипаж, а также несколько добровольцев из числа пассажиров. Вывезли всех, последним рейсом забрав пару пилотов и двух симпатичных стюардесс.

Пока мы занимались эвакуацией, наше капитанское трио пыталось хоть как-то организовать пассажиров на берегу. Увы, нисколько не преуспев в этом по причине отсутствия синхронного перевода на несколько языков сразу. Парни с трудом «держали оборону» под градом вопросов наших соотечественников, коих набралось около полусотни.

Горячие иностранцы-южане протискивались сквозь плотный круг русскоязычных, почти сразу же упираясь в языковой барьер, не имея ни единого шанса вставить хоть слово. Самые умные и терпеливые пассажиры-иностранцы бросили бесплодные попытки перекричать толпу и просто сидели на песочке, наслаждаясь самой возможностью вдохнуть свежий воздух. Другие просто рассеянно бродили по берегу и мелководью, а несколько женщин уже набрали целые горсти крупного янтаря. В общем, все снимали стресс, как могли.

Международное общение наладилось, когда вездеход завершил свой последний рейс, а сквозь толпу пробилась рыжеволосая девица в промокшем насквозь платье. Марина, как звали эту девушку, не стала дожидаться, когда её снимут с крыла, и самостоятельно добралась до берега. Она прекрасно говорила на четырёх языках, не считая родного русского.

В процессе эвакуации выяснилось, что Марк также отлично владел английским. Это его знание здорово помогло нам, когда мы снимали людей с крыла. Теперь эмчезник покинул кабину «витязя», чтобы вновь помочь с переводом.

Имея пару хороших переводчиков, мы быстро переговорили с пилотами, выяснив основные моменты из приключений их «аэробуса». Попутно и вкратце обрисовали свою собственную поездку, окружающую нас местность, не стали скрывать, что практически ничего не знаем о новом мире. Лётчики с лёгкостью выдержали шоковый информационный удар, заявив, что после их злоключений им даже сам чёрт не брат.

Как я и предполагал, самолёт А-320 авиакомпании «Эйр-Франс» выполнял рейс в Питер, когда произошло НЕЧТО. Сначала на пару секунд отказали все приборы, а затем выяснилось, что нет ни связи с землёй, ни навигации, и вообще лайнер летел над морем. Море должно было остаться далеко позади, и в первые минуты после катаклизма пилоты едва не сошли с ума. Затем лётчики взяли себя в руки, зашарили по эфиру, и – о, чудо! – вышли на связь с «боингом» «Люфтганзы», который находился в аналогичной ситуации. Полёт вслепую продолжался, «аэробус» тратил драгоценное топливо, среди пассажиров возникла паника.

И здесь произошло первое чудо: в эфире появился ещё чей-то голос, сообщивший, что он идёт над землёй и ищет место, где сесть. Это оказался наш «ил», вылетевший из Архангельска. Ещё через пять минут русский радист передал, что, похоже, нашёл место для посадки. У экипажа «Эйр-Франса» появилась надежда, и они смогли-таки вытащить счастливый билет!

Дело в том, что первый пилот Серж Ориоль начинал свою карьеру во французском военно-морском флоте, летая сначала на «этакдарах», а затем и на более современных «рафалях». Выйдя в отставку, Серж так и не смог жить без неба и нашёл себе место в «Эйр-Франс». Второй пилот – Люк Бросьер – также имел армейское прошлое, и даже воевал на «миражах» в Персидском заливе во время первого конфликта с Саддамом.

Эти два «милитари», как их прозвали коллеги по цеху, смогли сотворить второе чудо – дотянуть до спасительной суши и благополучно приводнить лайнер. Обошлось без человеческих жертв, синяки, ссадины и прочие бытовые мелочи были не в счёт, так как по признанию самого же Сержа, он вообще не надеялся остаться в живых.

Тем временем мои капитаны слегка охрипли, пытаясь перекричать толпу, и основная масса народа потихоньку начала волноваться. Поэтому я взобрался на крышу кабины вездехода, а парни буквально закинули туда же взвизгнувшую Марину. Мышкин (фамилия Марка) передал мне мегафон, найденный в кабине всё того же «витязя». Следом за мной наверху оказались настоящие герои этого дня – Серж Ориоль и Люк Бросьер. Оба лётчика очень быстро сообразили, что мир изменился кардинально, и теперь помогали мне, как могли.

– Леди и джентльмены! Чтобы предотвратить трату времени с вопросами и ответами, я сейчас расскажу вам всё, что произошло с нами! Я расскажу всё, что видел и о чём мне известно на данный момент, – я передал мегафон Марине, и та перевела мои слова на четыре языка. Молодец, девочка. Затем мне вернули мегафон, и я продолжил повествование.

Вероятно, мне можно было и не вещать всей толпе на русском, так как среди пассажиров было более четверти русскоязычных, судя по всему, хорошо знающих иностранные языки. Мог бы диктовать вполголоса, а Марина бы в точности перевела мои слова. Но я решил говорить на родном языке, чтобы наши соотечественники быстрее въехали в ситуацию.

Мой рассказ с переводом на четыре языка затянулся примерно на час, и пассажиры «аэробуса» постепенно вникали в происшедшее. Как я и предполагал, реакция большинства спасшихся оказалась вполне предсказуема – люди плакали, даже рыдали, многие мрачнели, несколько женщин ударились в истерику. Одна дамочка ринулась было утопиться в море, но ей не позволили этого сделать, вытащили из воды.

Я понимал, что в подобном состоянии люди могут натворить глупостей, но заранее решил ничего не утаивать, в том числе и своих мыслей и догадок о катаклизме. Поэтому высказал все идеи о происшедшем, которые только пришли мне в голову. Надо сказать, что это подействовало. Очень многие пассажиры рейса «Эйр-Франс» стали постепенно приходить в себя и зада-

вать вполне конкретные и осмысленные вопросы. Вместо вектора «что стряслось и кто виноват» в мыслях людей постепенно появилось направление «что делать, чтобы жить дальше».

Здесь очень своевременно подключились Серж и Люк, пилоты «аэробуса», которые плавно перешли к делам практическим. Офицеры чётко и ясно обрисовали круг задач, стоящих перед людьми в экстремальных ситуациях, начиная прямо от момента спасения. Лётчики буквально излучали спокойствие и уверенность, которые сначала передались остальным членам экипажа, а затем и пассажирам.

Люди зашевелились и принялись организовываться для спасения багажа, съестных запасов и прочих материальных ценностей. Какая-то часть пассажиров – в основном женщины – всё ещё никак не пришли в себя, и их просто отвели в сторонку, посадив на песочек. Пара добровольцев и одна стюардесса остались присматривать за этими людьми, чтобы те не натворили глупостей.

– Марина, а вы вообще кто по специальности? Переводчик? – уловив момент, поинтересовался я профессией рыжеволосой девицы.

– Да, я работаю переводчиком, у меня высшее филологическое образование, – ответила Марина, тряхнув мокрыми прядями своих волос. – Возвращалась домой из командировки в Париж, и теперь не знаю, что дальше делать. Дома остались мама, сестра, друзья. Даже не знаю, живы ли они, и есть ли вообще мой дом.

– Будем надеяться, что живы, – как известно, железо надо ковать, пока оно горячо. – Марина, я бы хотел сделать вам предложение...

– Неужели руки и сердца? А не рано ли, товарищ Иванников? – стрельнув глазками, рассмеялась девица. – Извините, это всё нервы...

– ...Два предложения... Второе – чисто деловое: нам в команду срочно нужен собственный переводчик. Спокойной жизни не обещаю, а приключений на одно место гарантирую очень много. – Я не люблю, когда меня подначивают, сразу перевожу разговор на иной уровень: – Первое – почему бы и нет? Предлагаю вам руку и сердце, а заодно и всё остальное, в комплекте. Как, согласны?

– Переводчиком пойду. А насчёт первого предложения – прошу дать время подумать, – похоже, Марина сама не ожидала от меня такой прыти на свою шутку и теперь спешно включила обратный ход.

– Думайте, красавица, но недолго, – чуть улыбнулся я, скосив глаза на весьма ладную фигурку девушки в мокром платье. – Кто знает, что ждёт нас за поворотом?

– Володь, хорош барышню охмурять, – захохотал внизу Еремеев. – Давай слезай с крыши, и Марину свою снимай. Наш «витязь» нужен у самолёта, там глубина почти в два метра, и Сержу без машины никак.

Ну да, пока я делал девушке предложение – или она сама на него напрашивалась, – крышу кабины покинули оба пилота, и вместе с наиболее активными пассажирами стали планировать дальнейшие действия. Что и как эвакуировать в первую очередь, что потом, куда складывать и т. д., и т. п. Вокруг Зеленцова и Барулина вновь образовалось кольцо из наших соотечественников, продолжавших выведывать информацию на родном языке. Владислав отвечал на вопросы, а Саня переписывал персональные данные людей в свой блокнот. Молодцы, парни, знают своё дело.

С другой стороны, это как-то неправильно, когда одни работают, а другие языки точат. Вон, Серж и Люк уже человек двадцать мужиков собрали и в вездеход грузятся. И Толик с Костей в той же команде, готовые спасать из морской воды материальные ценности. А Николай вообще в своей стихии, словно опять попал на границу: сыплет шутками, ободряет, готов лезть хоть к чёрту на кулички.

– Так, граждане, кто хочет поработать? – произнёс я легендарную фразу, подойдя к капитанскому трио. – Что смотрите? Капитализм накрылся медным тазом, и дерьмократия с дармоедством вместе с ним.

– Всё верно, Володя, – одобрительно кивнул Владислав. – Давайте, граждане, кто в силах, идёмте с нами разгружать самолёт. А остальные помогайте здесь, на берегу.

Пара десятков наших соотечественников тотчас признали правоту и справедливость моего предложения. Правда, нашлись и такие, кто скривил рожу, но был вынужден подчиниться воле большинства. Я потихоньку присмотрелся к шестерым, почему-то не внушавшим особого доверия.

Ну да, пара из них, похоже, из бывших «братков», причём явно из низов. Постарели, погрузнели, а ума так и не прибавили. Трое похожи на чинуш разного ранга или ещё каких-то кабинетных лакеев. Последняя – тощая дамочка лет чуть за тридцать – внешне смахивает на фотомоделю, а повадками напоминает «бабу Леру»: бухтит много и не по делу. Ну, заодно и выискивает самого крутого «альфа-самца» в округе, чтобы пристроить свой тощий зад.

Как известно, работа спорится, когда на неё наваливаются всем миром. Вот и разгрузка «аэробуса» пошла полным ходом, когда за дело взялись почти шесть десятков мужчин и несколько женщин. Люк Броссьер и стюардессы указывали, что брать и снимать, а народ это всё вытаскивал, складировал на крыле, грузил в вездеход. Отдельная команда во главе с Сержем Орионом занималась подъёмом и эвакуацией багажа, для чего им пришлось вскрыть часть пола в пассажирском отсеке.

Когда мы выгружали первый рейс, на берегу неожиданно появился старший лейтенант Антонов с пятью даниловскими ополченцами, Юрием Анисиним и с радистом «семьдесят шестого». Оказалось, что пассажиры немецкого «боинга» уже отправлены в посёлок, где их планируют разместить в школе и в детсаду, а Федосеев обеспокоен нашим отсутствием. Поэтому глава и послал участкового с небольшим отрядом на разведку к морю, чтобы узнать, куда это мы запропастились.

– Ну да, рации-то у Федосеева нема, – прокомментировал я нашу же оплошность. – Чёрт, как-то не подумал второпях... Как там, с пассажирами «Люфтганзы», всё хорошо? Живы?

– Да, живы-здоровы все, что им станется, – пожал плечами Евгений Миронович. – У нас, товарищ майор, иная беда – убийство у нас.

– Убийство? Кто-то из прилетевших сошёл с ума, что ли? – нельзя сказать, что бы я удивился такой картине. – Или кто-то из деревенских набедокурил?

– Нет, наши поселковые сидят тихо, – ответил участковый. – Убийство произошло на хуторе фермера Макеева. Кто-то убил его жену и старшую дочку. Сын убежал, но, похоже, так перепугался, что повредился рассудком. Сам Сашка с утра раннего работал в поле, а потом поехал домой, встретил по дороге сынишку... Доехал до дома, а там... В общем, приехал Макеев в Данилово и рассказал всё, что смог.

– Что-то ещё, Евгений Маркович? – поинтересовался я, видя, что Антонов чего-то недоговаривает, мнётся.

– Место там нехорошее, где живёт Саня Макеев, – поёжился участковый. – Старое кладбище рядом, и болото недалеко... Старики сказывали, что место то нечистое...

– Кхм... Товарищ старший лейтенант, а про это море старики ничего такого не сказывали? – я отступил, давая Марковичу возможность полюбоваться водной гладью. – Так... От Данилово до дома Макеева сколько будет?

– Вёрст восемь, не меньше. А до кладбища все одиннадцать будет, – прищурился Антонов. – Товарищ майор, а этот «боинг» без жертв сел или есть пострадавшие?

– «Аэробус» это, европейского производства, – уточнил я уже не особо существенную деталь авиастроения. – Я и сам до сих пор не верю, что «Эйр-Франс» сел вообще без жертв... Юра, Анисин, давайте к нам! Познакомлю с коллегами...

Незаменимый «витязь» вновь доставил нас к лайнеру, где я представил французам двух лётчиков «ила» – командира корабля Юрия Анисина и радиста Сашу Соломатина. Как только Серж с Люком узнали, кто именно стоит перед ними, мгновенно возникло стихийное ликование. Со свойственным французам темпераментом пилоты «Эйр-Франса» объяснили пассажирам, что именно эти русские парни вывели их к земле.

Юрия и Александра сразу же подхватили на руки, стали качать, едва не сбросив в воду. Затем каждый, кто находился поблизости, счёл своим долгом пожать руку или похлопать по плечу русских лётчиков. Вызвавшиеся помогать с работами на борту «аэробуса» женщины буквально взасос расцеловали Анисина и его радиста.

– Во дают! Обзавидоваться можно! – восхищённо прокомментировал этот момент Еремеев. – А на берегу их ждут ещё с полсотни благодарных дамочек!

– Николай, ты знаешь, где хутор фермера Макеева? – поинтересовался я более злободневным вопросом.

– Да, конечно. Был там всего разок, но дорогу помню, – обернулся ко мне мой бывший однополчанин. – А зачем тебе, Володя?

– Убийство у нас. Как раз на том хуторе, – я вкратце поведал Николаю и своим товарищам историю происхождения со слов участкового. – Поэтому надо собираться и выдвигаться. Вот, думаю, кого здесь оставить?

– Кого-кого, молодых, конечно, – глазом не моргнув отозвался Руденко. – Здесь надо пахать, а мы, старики, уже не в состоянии таскать разные чемоданы.

Парни заржали над очередным приколом со стороны «старика» и ловеласа Руслана. Я лишь покачал головой, и посмотрел на гору мокрых чемоданов. Не много мы их и натаскались, если честно. Практически всю работу делали сами спасшиеся.

– Хорошо. Вот ты, Рус, здесь и останешься. Вместе с Костей, Толиком и Марком, – решил я. – Присматривайте тут, что и как. Если что, то связь по рации. Надеюсь, они достанут до хутора фермера Макеева.

Затем я переговорил с Сержем и Люком, которые фактически командовали операцией по извлечению материальных ценностей из фюзеляжа «боинга». Объяснил, что с частью людей вынужден покинуть место приводнения, чтобы заняться своей прямой полицейской работой. При этом оставляю пассажирам вездеход с полной командой, обоих русских пилотов и переводчицу Марину в придачу. Последняя, кстати, после сделанного ей предложения стала меня немного сторониться. Видимо, испугалась идти работать в одну команду к дюжине brutальных мужиков звероватого вида. Хотя, подозреваю, что парни бы с неё сдували пылинки и на руках носили.

Оказавшись на берегу, я подозвал участкового и попросил его организовать питание и дальнейшую эвакуацию людей с берега. Антонов ответил, что глава администрации уже извещён обо всех нюансах, и вскоре на берег прибудет необходимая техника. Действительно, вдалеке слышался рёв тракторного двигателя, проделывающего проход сквозь чужой лес. Как оказалось, пока мы общались с французами, участковый послал двух ополченцев обратно, чтобы те сначала показали дорогу бульдозеристу, а затем обо всём известили бы Федосеева.

Чтобы вернуться к своим джипам, мы решили немного срезать, пройдя напрямик через чужой и свой лес. Попутно обменялись мнениями обо всём увиденном и происшедшем. Пока шли, я обратил внимание, что и мой тёзка-дальнобойщик и Николай как-то незаметно влились в наш коллектив. Даже мой напарник капитан Ковалёв перестал коситься в сторону Еремеева, и в голосе Михаила более не чувствуется сарказма, когда он перекидывается парой слов с бывшим пограничником. Соловьёв же вообще словно всегда работал с нами – мгновенно соображал и понимал практически с полуслова.

Выйдя к машинам, сообщили бортинженеру «ила» Сапрыкину, что с его товарищами всё в порядке, и поехали в Данилово. Проезжая мимо «боинга», помахали руками пилотам

«Люфтганзы», с дюжиной мужиков – скорее всего, из пассажиров – разгружавшим багажный отсек самолёта. Рядом с лайнером стояли два грузовика, чуть поодаль топтались трое ополченцев с ружьями – охрана, типа.

Заскочили к правлению, я пробился сквозь толпу местных жителей и коротко известил Федосеева обо всём происшедшем на берегу. Затем заехали в поместье Еремеева, похватили с кухни съестное, которое можно было употребить сухим пайком. Николай дал ЦУ охраннику, приказав тому использовать в случае надобности навороченный «хаммер» своей уже бывшей подруги. Затем мой бывший сослуживец приволок откуда-то из загашника целых три рации, «моторолы», новенькие, в упаковке.

– Мужики, не ругайте зазря! Старый стал, и совсем забыл про энзэ, – демонстративно хлопнув себя по лбу, Николай протянул одну рацию Соловьёву. Вторую забрал себе, а последнюю отдал охраннику. Настроили частоту, проверили, поговорив с группой Руденко – есть связь, работает. Сели в джипы и поехали забирать от родственников фермера Макеева.

И без того сильно возбуждённый и убитый горем Макеев успел принять на душу и оказался никудышным свидетелем. Учитывая его состояние, я бы не рискнул брать у него показания даже в обычной ситуации. В общем, вдребезги пьяный фермер так ничего толком и не смог объяснить, а его сынишка лет восьми смотрел на нас василькового цвета глазами и молчал. Молчал, никак не реагируя ни на мои вопросы, ни на вопросы своей родной тётки. Да, испугался мальчишка страшно, и боюсь, как бы ни на всю жизнь.

По пути к хутору мы перекусили на ходу, чем бог послал, запив это дело импортной минералкой из буржуйских запасов Еремеева. Николай сидел рядом со мной, показывая дорогу. Пока ехали, мы не заметили ничего примечательного или необычного вокруг разбитого тракторами просёлка. Обыкновенный ландшафт северо-запада России, ничем не примечательные пригорки, рощи, поля, кустарник. Всё, как всегда... Хотя нет – в дополнение к родным пернастым появились какие-то ярко раскрашенные пичуги.

По совету Николая остановились у одной из рощиц, не доехав около полукилометра до искомого места. Оставив джипы, изготовили оружие к бою и двинулись вперёд двумя тройками. Я действовал вместе с Ковалёвым и моим старым армейским сослуживцем.

Вскоре впереди показались крыши строений – жилого дома и трёх сараев, – и мы стали обходить постройки, чтобы зайти с флангов. Используя складки местности, подобрались практически к самому дому, осмотрелись. Вокруг стояла абсолютная тишина, было даже слышно, как жужжат мухи, пригретые совсем не весенним солнцем.

– Володя, глянь, – прошептал мне на ухо Еремеев, стволом «калаша» указав направление. – Справа, у ворот сарая.

Я присмотрелся: у распахнутых настежь ворот сарая лежала какая-то бурая масса, и над ней висело целое облако мух. Взяв протянутый Ковалёвым бинокль, вновь взглянул в сторону сарая. Оказалось, что мы наблюдали за растерзанной коровьей тушей. Чуть высунувшись из-за угла, принялся рассматривать фасад дома и заметил чуть приоткрытые входные двери.

– Идём уступом, смотрите за окнами и флангом, – немного поразмышляя, я решил не мудрствовать лукаво, а положиться на детище Михаила Калашникова. В три ствола мы уделали бы любого, кто сунулся супротив.

Как я и предполагал, в нас никто не стрелял, не кидал гранат и вообще нас никто не видел. Рывком преодолев полтора десятка метров до дверей дома, мы замерли, парни взяли на прицел окна, а я потянул за ручку. Интуиция подсказывала, что нам не стоит ждать растяжек и прочих сюрпризов в стиле духов.

Коридор – или, как иногда говорят в деревне, сени – оказался чист. Заглянув в кухню, увидел лежащее на полу в луже крови тело женщины лет тридцати-сорока. Дальше, в столовой, обнаружилось тело девушки, примерно подросткового возраста, с перекушенной шеей и множеством рваных ран на теле. Затем мы осмотрели две спальни и ещё одну комнату. Пусто.

– Володя, не стреляйте, мы входим, – чуть слышно прохрипела рация. По характерному оканью я узнал голос капитана Барулина. Двери распахнулись, и в дом ввалилась наша вторая тройка.

– Там, в хлеве, остатки пиршества какого-то крупного зверя, – утирая лоб, произнёс Зеленцов. – Сожрал трёх свинок и не подавился, гад.

– А ещё и корову задрал, и хозяев заодно прикончил, – добавил я. – На кухне и в зале есть пара характерных отпечатков следа. Я не специалист, но, полагаю, что мы имеем дело с крупным хищником из семейства кошачьих.

– Да, это напоминает след снежного барса, – присев у кровавого отпечатка лапы, Николай зачем-то потрогал отпечаток, понюхал пальцы. – Думаю, это был самец.

– Вроде там, у хлева были более мелкие отпечатки, – присмотревшись, произнёс Владимир. – Саня, иди сюда, глянь.

– Это могла быть пара хищников, например, самец со своей самкой, – предположил Соловьёв. – Убили хозяев, а затем слопали хрюшек. Потом ушли своей дорогой.

– А мальчишка как уцелел? – подумав, спросил Еремеев. – Где он был? Когда и как он успел сбежать?

– Думаю, если он сам не расскажет, то мы никогда об этом не узнаем, – заметил Ковалёв. – Жаль, что у нас нет служебной собаки.

– Кстати, о псах. Николай, а у хозяев была собака? – поинтересовался я данной деталью.

– Да не помню я, Володя, – пожал плечами мой бывший однополчанин. – Вроде был какой-то кабысдох, гавкал на всех приезжих.

– Пойдём, парни, глянем во дворе, – кивнул я на двери. – Ключом не щёлкать, варезку не разевать. Смотрим в оба: твари могут быть где-то здесь, поблизости.

Внимательно осмотрев двор, мы быстро нашли за тракторным прицепом собачью будку. Рядом с нею благоухала целая гора, пардон за натуральность, самого обыкновенного дерьма. Судя по всему, кто-то из вольных лесных хищников таким образом выразил своё презрительное отношение к собачьему племени. Поблизости не оказалось ни самого пса, ни его останков. Видимо, перетрусивший собакин сбежал куда глаза глядят.

– Володя, тут есть следы, две пары. Тянутся в сторону тех кустов, – отойдя чуть в сторону, Зеленцов мигом нашёл путь отхода пришлых хищников. – Что делать будем?

– Пройдём... Нет, проедем по следу, если получится, – немного поразмышляв, решил я. – Думаю, зверушки не рискнут связываться с двумя воняющими химией «мерсами». Если нападут – стреляйте сразу и без команды.

Мы вернулись к оставленным на подъезде к хутору машинам, сели в джипы и поехали, ориентируясь по хорошо видимым отпечаткам здоровенных кошачьих лап. Вломились в заросли маличника, миновали полуразвалившийся сарай. Раз а три пришлось спешиваться, чтобы уточнить направление дальнейшего движения. А потом...

– Вот, тебе, бабушка, и Юрьев день, – пробормотал я, глядя с двухметрового обрыва на абсолютно чужой лес. – Готов биться об заклад, что наши киски пришли отсюда и сюда же свалили, хорошо закусив сладенькими хрюшками.

– Мужики, да хрен с ними, с хищниками, – полностью убитым голосом произнёс мой напарник. – Мы находимся точно к северу от Данилово. Вы понимаете, что это значит?

Риторический вопрос Михаила повис в воздухе. И мне, и остальным парням стало окончательно понятно, что Данилово с его ближайшими окрестностями угодили в совершенно иной мир. В мир, где бродят здоровенные хищные кошки и хрен знает сколько ещё опасных зверюшек. В мир, где нам могут встретиться какие-нибудь дикари, неандертальцы, питекантропы, ушастые эльфы с зелёными гоблинами, наконец. И мы оказались один на один с этим незнакомым и пугающим миром.

– Здесь должно было быть старое кладбище, а где-то за ним начиналось болото, – нарушил молчание Еремеев.

– Ладно, парни, хорош раскисать, – я лихорадочно соображал, чем бы занять ребят, чтобы те не гоняли в мозгах дурные мысли. – Пошли-ка, оформим место происшествия как полагается. И надо бы погибших прибрать, завернуть во что-нибудь, чтобы увезти их тела в Данилово.

– Володь, да ты чего, всерьёз собрался писать протокол? – искренне удивился Зеленцов. – Нафига, а?

– Влад, мы здесь – единственная реальная власть. А если мы власть, то должны следовать определённому установленному порядку. Порядок таков: надо запротоколировать всё, что здесь произошло, – ответил я. – Поймите, парни, на нас с вами смотрят все даниловцы, оценивают наши действия и по ним судят о нас как о людях.

– Ты прав, Володя. Наступило время, когда каждого оценивают не по пустопорожнему трёпу, а по делам его, – поддержал меня Саша Барулин. – На нас действительно все смотрят, и не только даниловцы. Спасшиеся пассажиры скоро придут в себя, и им тоже придётся решать, каким макаром жить дальше.

– А мы можем организовать разведку местности там? – неожиданно спросил отмалчивавшийся до этого Соловьёв, указав стволом «калаша» на чужой лес. – Да, да, там, за границей «нашей» земли.

– Наверное, можем, – неуверенно предположил я. – У нас есть вездеход...

– Молоток, Вовка, возьмём «витязя» и сгоняем на нём «за ленточку»! – Николай, похоже, готов был запрыгать от радости от столь неожиданной идеи. – Володя, парни, мы должны, ну, просто обязаны сходить в рейд по тому лесу. Надо хотя бы узнать, каких ещё тигров нам ждать в гости.

– Хм... Проще убрать с шоссе немецкий «боинг» и провести воздушную разведку с борта нашего «ила», – заметил Ковалёв. – Уверен, что увидим и узнаем столько, что мало нам не покажется.

– Миша, ты гений, – искренне обрадовался я. Обрадовался не только самой идее, но и тому, что мой напарник взял себя в руки. – Анисин говорил, что у них в баках осталось где-то три четверти от изначального запаса керосина.

– Погодь, капитан, а как ты столкнёшь «немца» с трассы? – очень удивлённым тоном спросил Еремеев.

– А на фига его вообще куда-то сталкивать? Надо всего лишь развернуть «боинг» на месте, а затем отбуксировать его к противоположному краю шоссе, – пожал плечами мой напарник. – Думаю, что трактора в поселке найдутся, да и Владимир может отцепить свой холодильник.

Таким образом, перед нами забрезжила ближайшая тактическая задача. Мои опера заметно приободрились, на их лицах появились пока ещё немного кисловатые улыбки. Что же, мужики по натуре своей так устроены, что не усидят на месте, если придумают, как им заглянуть за горизонт. Хотя бы за ближайший.

Мы возвратились на хутор, нашли в багажнике моего джипа стопку бумаги и занялись протоколированием трагедии. Переснимали на два «айфона» всё, что смогли, с разных ракурсов. Пошуровав по дому и по сараям, парни нашли приличный кусок брезента, разрезали его, упаковали тела погибших.

Затем попытались связаться по рации с группой Руденко и с усадьбой Еремеева. Первая попытка оказалась неудачной, видимо, мы вышли из зоны действия своих раций. Тогда Михаил предложил отъехать на пару километров в сторону Данилово, найти холмик повыше и попробовать ещё раз выйти на связь. Так и поступили, отправив в вояж на моём «мерсе» Соловьёва на пару с самим инициатором идеи.

Спустя примерно минут сорок пять «связисты» возвратились с весточкой от наших товарищей. Оказалось, что группа Руденко завершила операцию по помощи французам и поступила в распоряжение главы администрации. Руслан организовал по рации разговор с главой, и Федосеев пообещал, что скоро вышлет грузовик с ополченцами, чтобы забрать тела погибших. А нас попросил заглянуть в Замятино, чтобы защитить тамошних обитателей от возможного нападения чужих хищников.

Действительно, через какой-то час послышался рокот мотора, и на хутор прибыл грузовик с четырьмя вооружёнными дядьками в кузове. Пятый – водитель – не имел никакого оружия, кроме топора под сиденьем. Глянули мы на стволы сельчан и покачали головами. Никто не спорит, что, к примеру, «сайга» хороша против хищников наподобие волков и медведей. Наших, земных волков и медведей. А можно ли из неё подстрелить шустрого тигрика размером с лошадь? Может, и можно, но лично я считаю, что для такого зверя лучше припасти пулемёт. Либо что-то реально солидное и дальнобойное, крупнокалиберную винтовку, например.

Приехавшие мужики были вооружены двумя карабинами «сайга» и парой гладкоствольных ружей, годных, скорее, для охоты на уток, чем на кого-то более серьёзного. Мы разговорились с ополченцами, пока совместно грузили тела, выяснив, что участковому удалось мобилизовать всего лишь двадцать два человека добровольцев, которые имели собственное оружие. Причём пятеро из этих рекрутов пришли с нелегалом, поверив, что мир изменился, и менты никого не тронут.

Ну, плюс ещё три наших «ксюхи», и три «помпы» в подарок от Еремеева – ещё шесть стволов, которые Антонов выдал надёжным людям. Кроме этого, два старика совсем уж непризывного возраста пожертвовали односельчанам пару столь же древних дробовиков. Итого даниловское ополчение насчитывало три десятка бойцов. Негусто. Да и с боекомплектom, похоже, ожидался серьёзный напряг.

Мы покинули злополучный хутор следом за грузовиком, какое-то время ехали вместе с ним в одном направлении, а затем свернули на другой просёлок. Николай уверял, что по этой дороге мы быстро приедем в Замятино. Заодно посетим по пути одну из заброшенных деревенок, от которой остались лишь жалкие развалины.

Проехав километра полтора по лесной дорожке, увидели впереди покосившиеся бревенчатые стены скособоченной избы, без окон, без дверей. Рядом стоял сарай с рухнувшей крышей. Затем проехали мимо ещё пяти похожих домишек, которые выглядели аналогичным образом, что и первая хата.

Вокруг буквально ощущалась аура обветшания и обречённости, характерная для подобных развалин. Оставленные людьми огороды давным-давно заросли высокой травой, среди которой возвышались молодые деревца. Вокруг ни души. Лишь щебетали различные лесные птицы, и к их хору периодически подключалась вездесущая кукушка.

Прокатившись по малоиспользуемому просёлку ещё где-то с километр, мы вновь повернули, миновали недавно вспаханное поле и наконец-то попали в обитаемый мир. Сначала нас облаял какой-то барбос, храбро выскочивший из-за покосившегося забора. На зов бдительного четвероногого сторожа появились ещё две псины – типичные дворняги смешанных кровей, образовав вокруг машин настоящий гавкающий эскорт. Наконец, у ворот третьего по счёту дома мы повстречали пару старушек, о чём-то эмоционально беседующих меж собой. Те мигом примолкли, разглядывая вылезавших из джипов вооружённых незнакомцев.

– Давыдовна, глянь-ка, да это же сам Еремеев! – всплеснув руками, охнула одна из пенсионерок. – Николай Павлович!!! Николай Павлович! Это что же это такое дееется?! Когда наша полиция слона поймает?

Не успели мои опера и глазом моргнуть, как обе бабульки подскочили к машинам, засыпав нас кучей вопросов. Поначалу мне показалось, что здесь уже каким-то образом прознали

о глобальных переменах, случившихся в мире. Я особо не удивился тому, что пенсионерки узнали Еремеева, так как его физиономию частенько могли видеть в том же самом Данилово.

– Эээ... Здравствуйте, женщины, – а Николай, похоже, чуть смутился, не зная, как общаться с людьми данной возрастной категории. Скажешь им правду, глядишь, а старушенция вдруг хлоп, и в обморок свалится. А то и вообще отдаст богу душу, не дай бог. – А что у вас здесь случилось-то, расскажите?

– Ох, случилось, и такое случилось, Николай Павлович, что ни за что не поверите, – перекрестясь, запричитала одна из бабушек. – Нашей-то Марья Степановны дом, почитай, на краю леса стоит. Всякое бывало, иногда к Степановне и кабаны зимой во двор забежали, и лисы курей таскали... Так никогда же никаких слонов не бывало, по телевизору сказывали, что не водятся они у нас... А тут сегодня Марья Степановна утречком во двор вышла, а за забором стоит слонище и на неё зенки-то свои вылупил... Степановна как заорёт – а голос-то у неё звонок был по молодости – что вся деревня, почитай, переполошилась... А слон тот как бросился обратно в лес, что его и след простыл... Телефон-то, Николай Павлович, не работает, электричества нет, вот и не знаем, кому сообщить о зверюге. Видать, из зоопарка сбежал, окаянный, или из цирка какого-нибудь.

Из несколько сбивчивого рассказа Татьяны Петровны удалось выяснить, что упомянутая Марья Степановна жива, отделавшись сильным испугом. Кроме самой Марьи Степановны никто не видел убежавшего в лес слона, но на опушке леса животное оставило следы своих огромных ног. Мужиков, а уж тем более охотников, в деревеньке практически не было. Ну, не считать же мужиком вечно пьяного в хлам сына тётки Андрея Петренко, который и на сей раз дрых в доме матери, начав отмечать Первомай ещё дня два назад.

В общем, на момент нашего приезда основная масса бабулек дислоцировалась у хаты Степановны, обсуждая событие года – появление африканского зверя в типично российской деревеньке. Думаю, что даже приезд президента не вызвал бы у старушек подобного ажиотажа, кроме того, поначалу пенсионерки позабыли нам рассказать, что и у них произошли чудеса с колодцами.

– Ну, что, товарищи полицейские, давайте глянем, что за слоны такие пугают наших пенсионерок, – сдерживая улыбку, произнёс я. – Поехали на околицу.

– Да, да, товарищ майор, едем, – с заметным облегчением отозвался мой бывший однополчанин. – До свидания, бабушки... Ёшкин кот, все уши прожужжали.

– А ты чего думал? Бабульки – они такие, – засмеялся я. – Готовься к повторению приёма.

Как в воду глядел. Подъехав к дому ставшей местной знаменитостью Марьи Степановны, мы попали в окружение десятка пенсионерок, которые наперебой принялись красочно расписывать события этого утра. Еремеева вновь моментально узнали, и ему пришлось выслушивать совсем уж фантастические подробности о похождениях слонюги в Замятино и отвечать на вопросы обо всём и вся. Взвалив на Николая работу по общению с населением – как-никак местный житель, – мы пошли смотреть на следы того, кто напугал старушек.

– Ну, кто-нибудь из вас разбирается в слонах? – полюбовавшись на отпечатки чьих-то круглых ног, я перевёл взгляд на своих оперов. – Слоноводы у нас имеются?

– Угу, каждый десятый – потомственный слоновод, млин, – буркнул в ответ Ковалёв. – Вон, Ерёма идёт, спроси его, может, он куда-нибудь в Африку на сафари ездил.

– Не был я на сафари, – отрицательно покачал головой Николай. – Хотя звали не раз.

– Ладно, Африка сама в гости к нам пришла, парни, – произнёс Зеленцов, указывая на сломанные ветки кустарника и примятую траву. – Володя, столь крупные «тазики» никак не спрячешь – отпечатки должны быть очень отчётливы на любой почве. В общем, надо идти по следу, глянуть, что и как.

– Согласен, – кивнул я. – Давайте, мужики, очень аккуратно и не спеша.

Мы тихонько двинулись в лес, таясь за деревьями, прислушиваясь к пению птиц и присматриваясь к любой тени. Автоматы держали наготове, надеясь, в случае чего, быстренько нафаршировать свинцом любую зверушку. Лишь бы у той зверушки не было панциря или ещё какой-нибудь продвинутой природной защиты. Кто знает, что за фауна здесь водится?

Именуемое «слоном» неизвестное животное ломилось сквозь лес, словно заправский танк, и оставило за собой отлично видимую тропу. Держась этой тропы, мы прошли что-то около сотни метров и вскоре заметили просветы между деревьями. Прошли ещё метров двести и вышли к очередной границе двух миров. Здесь оказалось всё то же самое, что и во всех остальных подобных точках – «наш» ландшафт чуть возвышался над чужеродным редколесием. Немного, всего лишь на какой-нибудь метр, но возвышался.

– На лесостепь похоже, – прошептал мой напарник. – Трава и деревья сильно смахивают на те, что растут в Африке.

– А ты откуда это знаешь, а? – также шёпотом поинтересовался я. – В Африке побывал?

– По телеку видел, – отозвался Михаил. – Передача была, про Серенгети, что ли.

– Тсс... Тихо, – приложил палец к губам Саша Барулин. – Там, на два часа, где кустарник шевелится...

Мы замолчали, залегли и принялись тихонько наблюдать за указанным ориентиром. Спустя какое-то время кустарник зашевелился, и из зарослей показался... мамонт. Самый натуральный, покрытый серо-зелёной шерстью, с огромными бивнями и ушами. Постояв секунд десять, приняв хавшись к запахам, животное неторопливо двинулось в сторону соседних зарослей. Следом за первым мамонтом на поляне появился второй, а за ним последовал третий, четвёртый... Семейка из шести шерстистых слонов – всё-таки не тянули они на мамонтов с рыжей шерстью – принялась объедать свежий кустарник, не обращая на нас никакого внимания.

– Никого не бояться, – прошептал Николай. – Видимо, у них здесь нет никаких естественных врагов.

– Скорее всего, они просто не знакомы с главным хищником всех миров – с человеком, – усмехнулся я. – Ладно, народ, поглазели на чудо и хватит. Двигаем обратно в Замятино и думаем, что делать с таким соседством.

Возвратясь к дому Марьи Степановны, мы вновь пересеклись со всем населением деревушки – со всеми тринадцатью старушенциями. Решив, что пенсионерок нельзя дальше держать в неведении, я попросил принести мне валерьянки. Бабульки удивились, но быстро выполнили мою просьбу.

Следующая моя просьба взволновала старушек, вызвав множество предположений и домыслов. В общем, подождав, пока каждая из женщин примет небольшую дозу успокоительного, я рассказал о происшедшем в мире катаклизме. Валерьянка, увы, помогла не очень – сразу у четырёх пенсионерок случились сердечные приступы. Поэтому мы решили задержаться в Замятино, чтобы не оставлять бабушек наедине с неприятными новостями и дикой фауной нового мира. Для одного дня похорон хватало, и хватало с лихвой.

Сообщив через Руденко Федосееву о своих планах, попросили того организовать медицинскую помощь и подумать об охране жителей. Глава пообещал вскорости решить проблему, в свою очередь, попросив нас осмотреть пустующие хаты на предмет поселения в них новых жильцов. Я согласился, решив, что заодно мы изучим подходы к деревушке, чтобы наметить какие-нибудь планы по ограничению доступа чужой живности к домам жителей. Затем Руслан сообщил, что Антонов уже нашёл доктора среди пассажиров «боинга», а «крузак» готов к ралли-рейду по любым ландшафтам.

– Хорошо, Рус, возьми проводника, и выезжайте, – немного подумав, решил я. – И ещё – оставь пару раций участковому и Федосееву, чтобы у нас была связь с Данилово.

– Сделаю, шеф. Скоро увидимся, – голосом Руденко прохрипела в ответ «моторола».

– Так, парни, давайте-ка в темпе разберёмся с жилплощадью, а потом посмотрим, что, там и как с подходами со стороны леса, – быстренько очертив фронт задач, я посмотрел на лица своих подчинённых. – Сначала поговорим с бабульками, может, кто-то из них возьмёт постояльцев в свои хаты.

В общем, когда через полчаса в Замятино приехал доктор, мы уже знали, что в селе пустуют девять домов, а каждая из пенсионерок согласилась приютить кого-нибудь из пассажиров. Состояние некоторых из строений оставляло желать лучшего, но, учитывая наличие инструментов и крепких мужских рук, эти проблемы можно было решить за недельку-другую. Я подозревал на основании ранее виденного, что мы попали в мир с более мягким климатом, где зимой не бывает тридцатиградусных морозов. Поэтому меня не пугало аварийное состояние пары-тройки печей в пустующих избах.

Приехавший с Русланом доктор оказался симпатичной брюнеткой небольшого роста с красивым лицом типично восточного типа. Как оказалось, Диана – так звали докторшу – являлась высококлассным пластическим хирургом и возвращалась домой с какого-то берлинского семинара по вопросам коррекции женских прелестей.

Вместо Питера пластический хирург в дорожном брючном костюме и в туфлях на высоких каблуках очутилась в каком-то Данилово, да ещё и в совершенно другом мире. Впрочем, держалась Диана молодцом – не плакала, не паниковала и ещё в самолёте помогла экипажу успокоить пару истеричек. Затем миниатюрная казашка попала на глаза обвешанному оружием бравому капитану полиции, и как я понял, Руденко не собирался упускать из виду такую женщину.

Поначалу я предположил, что пластический хирург на шпильках ни черта не понимает во всей остальной медицине, и от неё не будет никакого толку. Однако оказался неправ. Диана с отличием закончила медицинский институт, обладала хорошей памятью и умела располагать к себе людей. К сожалению, возможности доктора оказались сильно стеснёнными в плане лекарственных препаратов, поэтому я надеялся больше на милость Всевышнего, чем на дамочку в брючном костюме.

Оставив Диану творить чудеса, мы занялись подходами к деревне. Обошли и объехали околицы села и его ближайшие окрестности, наметили пару мест для охотничьей засады. По большому счёту Замятино следовало бы отгородить от чужого мира несколькими рядами колючей проволоки и выставить на звериных тропах минные поля. По образцу тех, что мы ставили на душманских тропах через границу в Таджикистане.

Увы, всё вновь упиралось в наши весьма скудные ресурсы, поэтому я ограничился составлением плана инженерных заграждений из подручных материалов – елей и сосен, что вплотную росли на околице. По моим прикидкам, весь близлежащий лес можно было смело вырубать метров на сто в сторону чужой земли. Это позволило бы создать хорошо просматриваемую и простреливаемую буферную зону между домами и дикой живностью.

– Николай Павлович, товарищи полицейские, милые, сходите с нами к Никифоровне, – обратилась к нам всё та же говорливая Татьяна Петровна, когда мы возвратились обратно в село. – Вера, ну, чего стоишь и молчишь? Говори Николай Павловичу и товарищам из полиции то, о чём только что поведала мне.

– Ох, простите меня, дуру старую, но как отец – царствие ему небесное – повелел молчать, так и молчала всю жизнь, – быстро-быстро перекрестилась небольшого роста бабулька лет восьмидесяти. – Видать, пришло время раскрыть тайну... Батюшка-то мой в партизанах был, почитай три года по лесам прятался, немчуру бил. А как прогнали германца, припрятал он кое-какое оружие... Знал, что незаконно это, но припрятал... Сам он молчал всю жизнь, и мы с сестрой молчали. Почитай, забыли про то, что отец на чердаке прятал... Заберите вы, товарищи, те ящики, что на чердаке стоят, одной мне их не вытащить – уж больно они тяжкие...

– Погодите, эээ... Вера Никифоровна, у вас в доме есть оружие? – честно говоря, поначалу я не поверил своим ушам. Парни, фигурально выражаясь, пооткрывали от удивления свои рты. – Сохранившееся ещё со времён войны?

– Да, сынок, так, в ящиках оно, – кивнула в ответ бабулька. – Отец, пока живой был, холил, сохранял и оберегал те ружья от ржавчины... А я уже, почитай, лет десять, как на чердак не лазила. Незачем оно мне, сынок, оружие то... Думала, как умру, так и унесу с собой тайну в могилу-то... Ан, нет, не судьба, видать... Посему забирайте, сынки, те ящики, вдруг они вам на что сгодятся.

– Вот те на, прямо триллер какой-то, – покачал головой Еремеев. – Вера Никифоровна, выходит, никто не знал про вашу тайну? Ни участковый, ни соседи, ни ваши дети?

– А на что им, Николай Павлович, знать было? – старушка укоризненно посмотрела на Николая. – То моя тайна, отца моего да сестры Глафиры, что померла года три назад... Никому и не надо было про то знать.

– Думаю, что ничего хорошего от тех стволов не осталось, – скептически заметил Ковалёв. – С войны столько лет прошло, да и условия хранения, скорее всего, подкачали. Ржавчина, разложение пороха...

– Чего гадать, Миша? Сходим и посмотрим на месте, – я в задумчивости поскрёб подбородок. – Да, много тайн хранит земля русская, много.

Спустя какое-то время мы поднялись на чердак в одной из хат и, следуя указаниям Веры Никифоровны, осторожно выволокли из хитроумно устроенного тайника два тяжёлых ящика с еле заметными надписями по-немецки. Тайник, надо сказать, был устроен весьма грамотно с точки зрения долговременного хранения – я никогда не видел ничего подобного.

Как говорится: век живи, век учись. Оба ящика потемнели от времени, но оказались крепкими, очень качественными, как говорят, добротными. Судя по всему, отец Веры Никифоровны выбрал наилучший упаковочный материал из того, что производил Третий рейх, и что оставили немцы при отступлении.

Повозившись немного с узким лазом, мы спустили оба ящика с чердака и вынесли их во двор. Не мудрствуя лукаво, попросили у хозяйки топор и вскрыли нашу находку. Внутри одного из ящиков оказался второй, опять-таки с маркировкой фашистской Германии. В другом же ящике наш ожидал сюрприз.

– Етижи-пассатижи, «машиненгевер», – едва глянув на содержимое, протянул Зеленцов. – Дорогая передача, я фигею, не иначе.

– Да, это самая настоящая «швейная машинка Гитлера», – кивнул мой напарник. – На вид сохранился неплохо. Ржавчина чуть видна... Но состояние однозначно намного лучше, чем у копанных стволов.

– А это, как я понимаю, «маузеровские» карабины, да? – Николай запустил руки в ящик и вытащил из него немецкую винтовку. – Надо же, в стволе затычка... Похоже, маслом залито было.

– Ой, сынки, отец мой, пока живой был, всё время керосин да масло изводил на енти самые ружья, – вздохнула Вера Никифоровна. – До самой своей смерти на чердак лазил.

– Так-так-так... Если эти штуковины постоянно смазывали и чистили, то есть шанс, что и пулемёт будет в рабочем состоянии, – вытащив из ящика козырной девайс, Руслан выдернул из ствола ветошь. – Чёрт, а как его разбирать-то?

– Дай-ка сюда, капитан, – протянув руку, попросил Соловьёв. – В Афгане нам попадались и китайские копии нашего оружия, и добротные европейские, и американские аппараты... А это их прямой предок.

Немного повертев пулемёт в руках, бывший десантник присел и сноровисто разобрал МГ, разложив составные части на крышке ящика. Мы сгрудились вокруг нашего товарища, глядя, как Владимир осматривает и протирает каждую железячку, пытаясь выяснить степень

сохранности всех деталей. Минут пять спустя Соловьёв распрямился, чуть улыбаясь, нашёл взглядом хозяйку склада.

– Ваш папа, Вера Никифоровна, был настоящим русским солдатом, – произнёс мой тёзка. – Земной поклон ему и вам за воистину бесценный подарок в это трудное время.

Владимир поклонился бабушке в пояс, та, не удержавшись, пролила слезу. Татьяна Петровна сунула старушке платок, да и сама украдкой протёрла глаза. Да, нелегко сейчас этим женщинам, ой как нелегко. Как и мы, тёртые жизнью крепкие мужики, они мгновенно потеряли всех своих близких, и в округе нет никого, кто бы их защитил от опасностей. Но у нас, мужиков, есть хотя бы оружие, по три ствола на брата, плюс уверенность в своих силах и плечо товарища рядом. А кто есть у них, у одиноких бабушек из Замятино?

– Патроны, по идее, должны быть годными для стрельбы, – открыв тот самый ящик в ящике, Саня Барулин распаковал одну из коробок, потом разорвал пачку. – Да тут промасленный пергамент, что ли.

– Надо будет отстрелять десяток-другой, проверить, – рассматривая маркировку патронов, произнёс Зеленцов. – «Маузеровский», как раз для пулемёта и карабинов... Сколько их здесь, Саша?

– Навскидку не меньше тысячи, – оценивающе прищурился капитан. – Да, тысяча точно будет... Эм-Гэ, два карабина, Бэ-Ка, и четыре ленты на пятьдесят патронов каждая... Живём, парни.

– Так, товарищи, давайте подгоняйте машины и забирайте ящики, – взглянув на часы, я поторопил своих оперов. – Ну, Вера Никифоровна, вы действительно сделали нам царский подарок. Обещаю, что с этим подарком мы защитим вас и от любых слонов, и от каких угодно хищников. Спасибо вам огромное, от всей души спасибо.

Бабушка расплакалась, Татьяна Петровна принялась её утешать, и мы вновь прибегли к помощи настойки из валерьяны. Видя состояние пожилой женщины, я попросил Руслана привезти докторшу – пусть Диана побудет какое-то время со старушкой, поработает психотерапевтом, что ли.

– Володя, а есть ли смысл тащить нашу находку в Данилово? – обратился ко мне Ковалёв. – Если пулемёт в рабочем состоянии, то его надо оставлять здесь, где бродит всякое зверьё. Может, калибром Эм-Гэ и не вышел, но со скорострельностью-то у него – просто зашибись. Любого мамонта пополам разрежет, а тигра вообще на куски порвёт.

– Читаешь мои мысли, Миша, – улыбнулся я. – Ну, для начала оружие надо почистить, опробовать патроны, убедиться, что всё в порядке. А потом... Придётся делить команду на две части: нужны сам пулемётчик, его помощник, плюс ещё пару бойцов для прикрытия.

– Почистить стволы и перебрать Бэ-Ка – дело недолгое, – усмехнулся Михаил. – Оружейного масла, поди, у тебя припасена целая канистра, да?

– Да, в пятилитровом бачке из-под какого-то технического, – кивнул я. – Бачок неполный, там литра четыре, четыре с половиной... Хорошо, для начала нам надо выбрать домик для дислокации будущего гарнизона села Замятино.

– Ага, ещё и флаг вывесить, и табличку на дверях прибить, – отозвался мой напарник. – Рус едет. Хватайте, парни, ящики, тащим к тачкам.

Вновь переговорив с местными бабушками и покумекав над свеженарисованным планом деревушки, мы приняли решение устроить базу гарнизона в соседнем от хаты Веры Никифоровны доме. Этот дом, точнее, обнесённый забором двор стоял на некотором возвышении над остальными постройками в Замятино. В дополнение к самому дому и хлеву для скота во дворе имелся добротный сарай для техники. Как выяснилось, сарай в своё время построил муж хозяйки, имевший трактор и работавший на нём. Супруг умер лет пять назад, и с тех пор сарай иногда использовали дальние родственники хозяйки из Данилово. В общем, в сарае свободно

помещалось сразу два джипа, а само расположение двора позволяло нам буквально за минуту домчатся до любой околицы деревеньки.

Хозяйку дома звали Натальей Ивановной, я дал бы ей навскидку лет шестьдесят, не более. Как говорится, дама была в теле, что не мешало ей развить кипучую деятельность, как только мы договорились о постое. Наталья Ивановна безапелляционно заявила, что от неё никто не уйдёт голодным, и тотчас принялась за готовку. Решив, что хозяйке надо бы немного подсобить, мы бросили жребий, и Зеленцов отправился на кухню чистить картошку и резать лук. Остальные занялись более грязным делом – чисткой оружия.

Где-то через полчаса на связь вышел Антонов, сообщив нам, что глава организовал команду ополченцев, которая выдвигается в Замятино. Ещё три подобные группы Федосеев планировал направить в близлежащие фермерские хозяйства, чтобы не повторилась трагедия, подобная той, что произошла на хуторе Макеева. В состав команд входили все местные охотники, вооружённые более-менее нормальными ружьями и карабинами.

В свою очередь, я проинформировал участкового, что намерен временно оставить в деревне несколько своих парней. Сообщил, где мы дислоцируемся, и что надо бы сделать для безопасности жителей Замятино. Антонов вздохнул, пообещав что-нибудь предпринять в ближайшем будущем. Мне подумалось, что и участковый и вся администрация по уши увязли в проблемах размещения и обеспечения более четырёхсот человек, что свалились на голову даниловцам почти в прямом смысле этого слова.

Обедали за накрытым во дворе столом, наскоро сооружённым из потемневших досок. Хлебосольная хозяйка хлопотала вокруг нас, всячески расхваливая таланты и способности докторши, сидевшей на почётном месте – в хорошем кожаном кресле, которое мы выволокли из дома специально для казашки. Диана смиренно принимала похвалу на свою голову, иногда кивая и уточняя некоторые моменты. Видимо, пластический хирург не впервой оказывалась в ситуации, когда её превозносили до небес.

Как бы мимоходом Диана сообщила, что ей придётся задержаться в Замятино на пару дней – состояние некоторых из пациенток внушало некоторое беспокойство, и им требовалось наблюдение врача. Мне понравился такой подход докторши к своему делу, и я решил в перспективе заполучить её в нашу команду. Затем Диана пожаловалась, что ей трудно ходить по рыхлой земле в туфельках на высоком каблуке, и попросила нас придумать что-нибудь для её миниатюрных ножек.

– Как только приедем в Данилово, я посмотрю у себя в шкафах, – уточнив у доктора размер обуви, пообещал Еремеев. – Нового, извините, не обещаю, всё ношеное.

– А пока, Дианочка, мы будем носить вас на руках, если не возражаете, – как бы между прочим произнёс Руденко.

Докторша слегка порозовела щёчками, стрельнув глазками в капитана, а мы с Ковалёвым переглянулись. Решение напрашивалось само собой, нам оставалось лишь подобрать третьего бойца в группу.

– Тёзка, придётся тебе переквалифицироваться обратно в свою армейскую специальность, – намекнул я Соловьёву. – Ты единственный из нас, кто хорошо знаком с этим «машиненгевером».

– Я уже догадался, – энергично работая челюстями, кивнул бывший десантник. – Сейчас пообедаем, набьём ленту и отстреляем десяток-другой патронов. Думаю, эта фрицевская машинка нас не подведёт.

– Заодно надо и карабины опробовать, – предложил Барулин. – Хотя бы по пять патронов на каждый.

– Добро, прокатимся до Марьи Степановны, попугаем здешних мамонтов, – решил я.

Откомандированные Федосеевым охотники нашли нас у забора звонкоголосой Марьи Степановны, где мы отстреливали немецкие патроны. Удивительно, но из выделенной для

пробы полусотни патронов произошла лишь одна осечка. «Машиненгевер» работал как часы, да и к карабинам не возникло никаких претензий. Мы вновь вознесли благодарности в адрес отца Веры Никифоровны, бывшего фашистов и не побоявшегося положить с прибором на родную власть и советское законодательство.

– Ого, откуда это у вас? – первым делом спросил нас лысоватый дядька лет пятидесяти пяти. – Это же немецкий, да?

– Бог послал, – улыбаясь, ответил Руденко. – Бог, как известно, любит пехоту, а подарки дарит всегда ментам. Не спрашивай, почему. Этого не знает никто.

Мы засмеялись шутке Руслана и быстро перезнакомились с вновь прибывшими. Итак, глава отрядил в Замятино пару настоящих охотников, вооружённых нарезными карабинами, и пару ополченцев с двумя гладкоствольными ружьями. Этим небольшим отрядом командовал Семён Семёныч – тот самый лысоватый дядька, которого сразу же заинтересовал фрицевский пулемёт.

Бывший военный, уволившийся из армии по состоянию здоровья, Семён Семёныч хорошо знал местную округу, часто охотился на кабанов, зимой занимался отстрелом волков. Команду подобрал сам, уломав Антонова отдать его отряду личную собственность участкового – «вепря». Сейчас, увидев наше богатство, охотник загорелся и стал выпрашивать хотя бы один немецкий карабин.

– Семён Семёныч, забирай оба, – переглянувшись с парнями, я решил сделать широкий жест. – Мы как-то к пистолетам и автоматам привычнее.

Радости охотника не было предела. Он быстро перетасовал оружие своего отряда, заграбастав себе один из «маузеров». Ещё больше Семён Семёныч обрадовался, когда узнал, что мы оставляем в селе джип и тройку бойцов с пулемётом. Теперь гарнизон имел две машины – даниловцы приехали на «уазике» – и мог отразить нашествие целой стаи местных слонов.

– Владимир Иванович, вот эту «сайгу» ты отдай Андрюхе Петренко или его водителю, – Семён Семёныч протянул мне одно из ружей. – Он у тётки своей должен быть, на грузовике приехал. Есть у меня такая чуйка, что нельзя нынче без оружия по округе шастать.

– Петренко здесь? – удивился Николай. – А чего это Федосеев нам ничего не сказал?

– Ай, запыхался Роман Георгиевич с делами, не приведи господь, – махнул рукой охотник. – Шутка ли: почти полтыщи душ расселить, накормить, да ещё и растолковать иностранцам, что и как. Да они же сортира деревенского в глаза не видели!

Мы откровенно заржали, представляя реакцию рафинированных француженек на местные удобства. Хотя человек приспосабливается очень быстро – уже завтра дамы и господа перестанут морщить носики, посещая деревенские места общего пользования.

– В общем, я слышал, что иностранцев поначалу хотели поселить в школе и детском саду, а наших – их с пару сотен будет – распахать по избам, – продолжал рассказывать Семён Семёныч. – Да только среди наших нашлись депутаты или ещё там какие-то большие шишки, и вот они были дико недовольны тем, куда их хотели определить на постой. Федосееву пришлось пойти на попятную и отдать господам депутатам целый детсад.

– Да, весело стало в Данилово, – покачал головой Еремеев. – Как бы и на нашу базу кто-нибудь не позарился.

– У тебя же там охранник, Володька, кажется, – припомнил я, про себя отметив, что мой бывший однополчанин уже практически полностью ассоциирует себя со всем коллективом. – Выйди на связь, поговори с ним. Чёрт с ним, с ресурсом, как-нибудь зарядим от аккумуляторов.

Озадаченный Николай отошёл в сторону, чтобы переговорить по рации с оставленным на базе охранником, а мы решили просветить даниловских охотников насчёт чужой фауны. Рассказали всё, о чём знали, без утайки. Выслушав о наших приключениях, Семён Семёныч покачал головой и искренне поблагодарил за информацию.

Как оказалось, на фоне глобальных перемен трагедия фермера Макеева как-то незаметно отошла на второй план, и никто из охотников толком и не знал, с чем можно столкнуться на границах своей и чужой земли. Побывавшие на хуторе Макеева мужики не рассказали ничего конкретного, так как сами не владели полнотой информации. Ну да, в дом фермера они не заходили, забрали тела, и до свидания. А мамонтов видели только мы с Марьей Степановной, и никто больше.

Подошёл Еремеев, кратко пересказал доклад Володьки: на базе всё в порядке, а в магазин попытались проникнуть бывшие пассажиры «боинга», наши же соотечественники. Хотели достать спиртного, чтобы снять стресс, но обломались по полной. Антонов уже был в курсе происходящего, сам побывал на месте, усилив охрану стратегического объекта ещё тремя вооружёнными ополченцами.

– Зная наших, можно предположить, что всё ещё впереди, – добавил Николай в конце своего рассказа. – Если народ, не дай бог, раздобудет самогона, то впереди нас ждёт весёлая ночь.

– Нет, не ждёт, если мы предпримем превентивные меры, – возразил я, поворачиваясь к охотникам. – Мужики, мы рассказали вам всё по максимуму. Взамен хотелось бы также кое-что узнать, уточнить детали.

Спустя примерно четверть часа мы знали, кто и где в Данилово гонит самогон, сколько стоит литр первача и многое другое. Семён Семёныч признался, что он и сам иногда балуется для собственных нужд, но не в перебор, и не для торговли. По словам охотников, участковый знал всё и вся, но на самогонование смотрел сквозь пальцы. Что же, логично, любой бы на месте Антонова поступил точно так же. Как говорится: закон – тайга, медведь – хозяин.

– Ладно, мужики, бывайте, – я по очереди пожал руки охотникам. – Если что, связь через капитана Руденко. Он здесь главный.

Оставив даниловцев на окраине, мы погрузились в джипы и поехали к дому тётки Петренко. Через пару минут увидели грузовик и бывшего главу, на пару с водителем загружавшим в кузов машины какой-то агрегат. Выяснилось, что Петренко приехал в Замятино, чтобы забрать у своей тётки дизель-генератор и небольшой запас солярки. Мы помогли Андрею с погрузкой, вручили ему «сайгу», а Еремеев ещё и пообещал лично навешать люлей, если Петренко ещё хоть раз выедет из села безоружным.

– Ну что, парни, бросим жребий, кому оставаться? – предложил Зеленцов, когда грузовик скрылся за поворотом. – Или начальство кого назначит?

– А может, найдутся добровольцы? – возразил Ковалёв, хлопая себя по карманам. – Млин, а ведь спички теперь – стратегический ресурс. Придётся искать соломинку.

– Владимир Иванович, а давайте я останусь, – неожиданно вызвался Костя Григорьев.

– А ты справишься? – оценивающе взглянув на лейтенанта, прищурился Соловьёв. – Худой, тощий, длинный, как жердь... Если вдруг придётся тащить и меня, и пулёмёт, а?

– Костя справится. Он у нас с детства карате занимается, и с выносливостью у него всё в порядке, – Руслан не дал и рта раскрыть Григорьеву. – Добро пожаловать в егеря, Костян.

– Ладно вы, егеря, смотрите в оба, – улыбнулся я. – Дайте одну рацию Семён Семёнычу, проведите работу с населением и берегите Диану – пока что она одна-единственная докторша на всю округу.

– Я же обещал, что буду носить её на руках, значит, так оно и будет, – в глазах Руденко сверкнули бесенята. – Правильно, Костян, что решил остаться. В Данилово сейчас, как в Москве – сто приезжих рыл на один квадратный метр. А здесь – красота, птички поют, тишина, спокойствие.

– Мамонты по деревне бродят, а ещё и тигры людей едят, – съехидничал Барулин, пожимая Руслану руку. – Ладно, бывайте, сеньоры егеря, ни пуха вам и ни пера.

Расставшись со своими товарищами, мы решили не торопиться в Данилово и по максимуму использовать оставшееся светлое время суток. После недолгого совещания свернули на юго-запад, чтобы обследовать границу двух миров в направлении шоссе и моря.

Путь оказался сложным даже для наших внедорожников: почти сплошной лес вперемежку с кустарником не давали возможности ехать напрямик. Приходилось постоянно спешиваться, чтобы найти объезд, выбрать проходимый для техники маршрут.

Мы промучились часа полтора и очень обрадовались, когда наконец увидели перед собой чистое поле и линейку столбов ЛЭП. Спустя четверть часа оба наших заляпанных грязью джипа вырулили на шоссе, и я с облегчением вздохнул.

– Задница кобылы, а не дорога. Но мамонты в эти дебри не сунутся, не дураки же они ломиться сквозь сосняк и густой ельник, где даже человек с трудом протискивается, – подвёл итог нашего рейда Еремеев.

– Зато кто-нибудь помельче просочится и не поморщится, – скептически заметил Ковалёв. – Давайте-ка глянем, что там с разбитой фурой.

Потерпевшая аварию фура лежала на том же месте, где мы её видели в прошлый раз. А вот её груз – продукты, поддоны – исчезли, словно их там и не было. Я только хмыкнул, глядя, как какой-то мелкий зверёк обследует остатки круп и макарон на предмет съедобности. Зверёк походил на бурундука – такой же полосатый, с пышным хвостом, но имел странные уши, делавшие его похожим на зайца. Этаким полосатым заяц с пышным хвостом, совсем не боявшийся людей.

– Федосеев, похоже, выслал сюда толковых работников, – понаблюдав за зверьком, заметил Зеленцов. – Вывезли всё, что смогли, оставили одни крошки. Поехали, парни.

По пути в Данилово решили завернуть заодно и к «илу» с «боингом», которые стояли на другом конце трассы. Там нас встретил патруль из троих вооружённых ополченцев, несущих охрану самолётов. По словам мужиков, закончив разгрузку багажного отделения авиалайнера «Люфтганзы», наши и немецкие лётчики подались в Данилово. Чуть ранее в село уехал и вездеход МЧС, нагруженный бочками с соляжкой. Французов ополченцы не видели, слышали лишь, что те хорошо поработали на своём полуутопленном «аэробусе».

Въехав в Данилово, мы сразу же окунулись в атмосферу спешки и суеты. По улицам деревни шло множество праздного народа, одетого кто во что, говорящего на десятке европейских языков. Почти в каждом дворе появились нежданные постояльцы, зачастую с трудом способные объясниться с хозяевами. Быстро выяснилось, что администрации не удалось, как планировалось, «запихнуть» в здание школы всех иностранцев, и Федосеев попросил жителей села помочь людям. В общем, бедлам, да и только.

Мы нашли Романа Георгиевича в здании правления, вокруг которого продолжал толпиться народ. Задёрганный и охрипший глава вёл переговоры с интернационалом лётчиков, с помощью переводчика – уже знакомой нам Марины, – обсуждая вопрос превращения «боинга» в гостиницу с видом на природу. Иностранцы кивали, соглашаясь друг с другом и со своими российскими коллегами, на ходу составляли список необходимого для работы оборудования и т. п.

Наше появление вызвало бурю эмоций, французы и парни Анисина сразу же засыпали моих оперов массой вопросов, на большинство из которых мы не могли ответить. Сославшись на то, что мы только что приехали и ничего такого не знаем, мы улизнули из правления под предлогом поиска участкового.

Выждав, пока Федосеев наконец-то освободился, переговорили с ним, в подробностях доложив обо всех происшествиях и поездках. Выслушав наши невесёлые новости, Роман Георгиевич тяжело вздохнул и попросил не давить на самогонщиков, а тактично попросить граждан проявить сознательность. Мы с парнями переглянулись, с трудом сдерживая улыбки, и поехали бороться с «зелёным змием». Баталии происходили примерно следующим образом.

– Доброго здоровья вам, Марьянна, – широко улыбаясь во весь рот, Еремеев приветствовал очередную хозяйку (или хозяина) самогонного аппарата. – Времена, Марьянна, настают трудные, в цене каждый гвоздь, каждая крошка хлеба, любая полезная в хозяйстве вещь... Мы и администрация села убедительно просим вас приберечь стратегическое сырьё, которое вы храните дома в подвале, не торговать им, и вообще, никому из приезжих не говорить о своей маленькой тайне... Откуда знаем? Ну, нам же положено всё знать. Мы – и полиция и прокурор в одном лице... В общем, я рассчитываю на наше с вами взаимопонимание и взаимовыгодное сотрудничество.

Пока Николай толкал свои речи, мы стояли за его спиной, делали морды кирпичом и сверлили счастливых обладателей самогонных аппаратов тяжёлыми ментовскими взглядами. Иногда я с трудом сдерживался, чтобы не заржать, слушая перлы своего бывшего однополчанина и глядя на испуганные рожи обывателей.

Самогонщики приходили в ступор – сам Ерёма Безбашенный фактически предлагал им своё личное расположение в обмен на плёвую услугу! Мои опера также прониклись моментом – шумно сопели, когда это было нужно, важно кивали, даже иногда поддакивали. Спектакль под названием «борьба с зелёным змием» удался на славу, хотя мы и убили на эти представления часа два чистого времени.

– Всё, поехали на базу... Надоело мне из себя клоуна корчить, – с облегчением вздохнул Николай, когда закончили со списком Семён Семёныча. – Если кто из пассажиров нажрётся этой ночью – это уже не наш косяк. В самолётах всякого бухла было до ж...ы... Кстати, народ, у меня есть отличный вискарь и неплохой коньяк.

– Всё, как всегда: на самих законников законы не распространяются, – усмехнувшись, буркнул Ковалёв. – Ну, что, нарежемся в стельку или как?

– Граммов двести на брата, не более, – решил я. – И только после того, как каждый сменится из караула.

– Ну, вот, узнаю старину сержанта Иванникова, – скривил физиономию Еремеев. – Устав, дисциплина, порядок. Подъём в пять утра, отбой в двадцать три ноль-ноль.

– Без этого никак, Николай, – совершенно серьёзно ответил я. – Да, дежурить будем парами, во избежание, так сказать.

Нашим благостным планам, однако, не суждено было сбыться. На связь вышел Антонов, сообщив, что глава собирает совещание штаба в восемь часов вечера. Явка, как вы понимаете, строго обязательна. Пришлось наскоро перекусить, распределить задачи между личным составом и ехать к Федосееву. Поехали мы втроём: я, Еремеев и Михаил – мой напарник и заместитель.

Перед выездом Николай пошуровал по шкафам, выудив откуда-то из своих загошников импортный ПНВ. Подумали мы немного и позвали из кухни Владислава – пусть тот прогуляется перед сном до владений отца Серафима. Сграбастав прибор, Зеленцов с одним из охранников отправились к церкви – проверять и налаживать работу наблюдателей, которые вроде сидели на колокольне. Барулин с Новичонковым и двумя остальными секьюрити занялись подготовкой базы к круговой обороне. Так, на всякий случай.

На совещании штаба главы администрации присутствовали человек двадцать: коренные даниловцы, трое лётчиков – командиры воздушных кораблей, выборные от пассажиров, ну и мы втроём. Федосеев говорил тихим голосом, ждал, пока Марина переведёт сказанное на два языка, затем снова продолжал вещать.

Со слов Романа Георгиевича выходило, что без неожиданных гостей Данилово могло продержаться на собственных запасах продовольствия месяца три-четыре. Это без учёта семенных запасов местных аграриев, которые были приготовлены к посевной. Из-за увеличения населения посёлка более чем вдвое, продуктовых запасов в Данилово хватало месяца на два, не более. При этом Федосеев отметил, что при подсчётах ресурсов не учитывалось поголовье молочных

коров у фермеров Савченкова и Чугунова и не считались хрюшки в свинарнике Доренко. Это, как сказал глава, неприкосновенный запас на случай совсем уж большого голода.

Проблему с питьевой водой планировалось решить в ближайшие дни, углубив тем, кому требовалось, их колодцы и выкопав новые. Для этого имелись все необходимые ресурсы: люди, техника, бетонные кольца. Качество грунтовых вод в этом мире, по словам школьного учителя химии, оказалось отличным, выше всяких похвал.

Слушая Федосеева, я внимательно наблюдал за реакцией присутствующих, пытаюсь оценить, что от кого ждать. Ну, с иностранцами было всё ясно с самого начала – бежать им некуда, кушать хочется, и они готовы помогать местной власти в меру своих сил и возможностей. Местные товарищи, представленные группой фермеров из восьми человек, готовы были поделиться своими запасами с обществом, в обмен на защиту от хищников и помощь в работе. Горючее к технике, как вы понимаете, не бесконечно.

Подозреваю, что на позицию местных сильно повлиял пример Еремеева, который сразу же передал в распоряжение власти свои магазины. Этим поступком Николай мигом убил двух зайцев: создал себе репутацию в глазах обывателей и получил возможность влиять на решения администрации. Можно сказать, что мой бывший однополчанин стал неким «серым кардиналом» при Федосееве. А если учитывать, что за «кардиналом» стоял десяток вооружённых бойцов, то Еремеева смело можно было считать визирем при падишахе.

Местный участковый Антонов, хотя и командовал ополченцами, никак не мог сравниться с авторитетом Ерёмы. Кроме того, Петренко, похоже, имевший талант пролезать везде и всюду, уже успел пристроиться замом по хозяйству у Федосеева. Полагаю, что на фоне всеобщего катаклизма бывшие местные тёрки отошли на второй план, а Роман Георгиевич не стал поминать прошлое и разбрасываться кадрами. Столь мудрое и грамотное решение главы ещё больше сближало Федосеева с Николаем, считай, с нами.

На фоне этих нехитрых деревенских раскладов выделялись человек шесть выборных от пассажиров, которых смело можно было назвать тёмными лошадками. Хотя какие они тёмные, нафиг?

Например, депутат госдумы Белоусов иногда мелькал на экранах телевизоров, в основном, когда речь шла о гулянках его непутёвого отпрыска. Питерский депутат Рабинович плотно сидел на откатах, получаемых за разрешения на строительство. Регулярно заводимые против него прокуратурой дела, увы, не приносили никаких результатов – депутат ловко отмазывался от любых претензий в свой адрес. Остальных выборных я не знал, хотя по розам и поведению двух из них предположил, что они являются коллегами Рабиновича.

Депутаты сидели смирно, лишь иногда задавая уточняющие вопросы. Однако интуиция мне подсказывала, что эти чиновники-троглодиты лишь присматриваются к поляне, и стоит нам отвернуться, они тотчас вонзят свои хищнические зубы в шею трудовому народу.

Далее последовало перечисление иных материальных ресурсов и ценностей, техники и оборудования, которые имелись в нашем распоряжении. Признаюсь, я ожидал худшего. В общем, в Данилово и его окрестностях имелось четыре дизель-генератора, некоторый запас горючего, тракторная техника, вплоть до бульдозера, десяток грузовиков. К этому можно было прибавить и тягачи дальнобойщиков, чьи фуры оказались вместе с нами на этом злосчастном шоссе.

Затем Федосеев плавно перешёл к первоочередным вопросам, как он полагал, стоявшим перед всеми нами. Проблема с размещением вновь прибывшего народа была решена. По крайней мере, на эту ночь.

Благодаря запасам со складов Еремеева и грузу из фур, удалось организовать в зданиях школы и детсада пункты питания для пассажиров. В ближайшие две недели голод не грозил никому. Холод, вообще, похоже, остался на старушке Земле, ибо даже после захода солнца

температура воздуха не опускалась ниже двадцати градусов по Цельсию. С моря дул лёгкий и тёплый ветерок, предвещая хорошую погоду и ночью.

По окончании совещания мы отловили Антонова, и, отойдя с ним в соседнее помещение, обсудили вопросы дислокации сил в Данилово и окрестностях. Сразу же вскрылась пара серьёзных просчётов – отправленные на три близлежащие фермы ополченцы не имели связи со штабом, как не имел этой самой связи и пост у самолётов на шоссе. Решив, что жизнь людей ценнее любой солянки, мы объехали все фермы, раздавая рации и инструктируя личный состав на предмет их использования. В результате в нашем непосредственном распоряжении осталось всего три «моторолы», что, честно говоря, вовсе не радовало.

На базе нас ожидал сюрприз – пока мы торчали на совещании и катались туда-сюда, пилоты «ила» попросились на постой в дом Николая. Да не одни, а с Мышкиным, который и привёз их всех на своём вездеходе. Наверное, случись подобное на день раньше, Ерёма Безбашенный послал бы лётчиков пешком в далёкое и увлекательное сексуальное путешествие. Сейчас же Еремеев с улыбкой на устах милостливо разрешил Анисину заселить пустующий гостевой домик. Для Марка в домике для гостей не хватило места, и его определили к нам, в хозяйский дом.

Затем появился Зеленцов и вновь перетасовал все карты. Дело в том, что назначенная Антоновым на колокольню девушка-наблюдатель категорически отказывалась сидеть на вершине всю ночь. Уж не знаю, почему, но девушка боялась тёмного времени суток. Поговорив с нею, Владислав оставил в церкви Витька, еремеевского охранника, а сам вернулся на базу за добровольцами.

Последних пришлось тупо назначить. Подумав, мы решили, что вполне можем отрядить в наблюдатели трёх человек – уже сидящего на колокольне Витька, самого Зеленцова и бортинженера «ила» Сапрыкина. Владислав, естественно, назначался за главного.

Прежде чем вернуться, капитан рассказал о том, что ему поведала местная пацанва. Как и везде, среди мальчишек в Данилово были свои заводицы, которых народная молва считала то хулиганами, то просто трудными детьми. Они не приносили окружающим какого-то особого вреда, но участковый на всякий случай держал все их действия на заметке.

Сразу же после катаклизма сорвиголовые пацаны быстро обнаружили, что взрослым стало не до их мелких шалостей, а вокруг появилось много интересных занятий. Например, разведка незнакомой местности. И если прокатиться на велосипедах в северном направлении не позволили строгие ополченцы, то никто не смог остановить пеший поход ребят на юг – к морю. В общем, пацаны самостоятельно обследовали чужой лес километров на пять вдоль побережья моря, сделав некоторые открытия.

В лесу водилась кое-какая живность – уже знакомые нам зайцы-бурундуки, похожие на уменьшенных хомяков мыши и нечто смахивающее на белку, только зеленоватого цвета. Видели ребята и птиц, но их знаний в орнитологии оказалось недостаточно для описания каких-то больших попугаев, что ли.

На завтра же пацаны запланировали новый поход к морю, уже со вполне практической задачей – попытаться поймать рыбу. Для этого они прошлись по деревне, собирая любые снасти, пригодные для рыбной ловли. Ну, да, дети слышали разговоры взрослых о грядущей продовольственной проблеме и пытались найти решение в меру своих сил и возможностей.

– Во дают, мелкота плюгавая, – выслушав рассказ Зеленцова, с некоторой завистью произнёс Николай. – Парни, у меня где-то на чердаке спиннинги были...

– Еремеев, ты чего, с ума сошёл, что ли? – неожиданно возмутился Ковалёв. – Ладно бы дети, но ты, взрослый мужик, должен же понимать, что пляж и море практически не исследованы, а значит, небезопасны. Ты дашь гарантию, что те тигры не выйдут прогуляться на пляж, а в море не водятся акулы и мурены?

– Чёрт, капитан, вечно ты всё обломаешь, хотя и прав, в общем-то, – шумно вздохнув, пробурчал хозяин дома. – Мужики, пацаны всё равно не усидят на месте, любыми силами станут искать приключения на свои задницы. Чего делать-то с ними?

– Николай прав. Я бы на месте мальчишек первым делом добрался до «аэробуса» и понырлял бы с его крыльев, – вступил в разговор Марк.

– Ладно, народ, поговорим завтра с пацанами, объясним им, какие звери вокруг шатаются, – решил я. – А сейчас пора отдыхать... Хозяин, что на ужин сегодня, а?

– Что сами сготовите, то и есть будем, – пожал плечами Еремеев. – Вспомнил, кстати: участковый упоминал, что видел у местного фермера во дворе лодку, «казанку». Надо будет поговорить завтра с Антоновым и с тем фермером.

– Свен, завтра мы займёмся разведкой, а не рыбалкой, – чуть улыбнулся я. – Проедем в сторону Рясенки, потом повернём на север. Надо подумать о том, чем прокормить народ, подстрелить каких-нибудь слоников или ещё кого.

– Володя, завтра будет завтра, – появление из кухни Александра вернуло нас в настоящее. – Берите, парни, ножи и помогайте мне чистить картошку. Если проголодались, конечно.

Кушать хотели все, и вскоре мы кидали в большую кастрюлю чищеную картошку, а добровольный шеф-повар Барулин колдовал над вырезкой из размороженного холодильника. Процесс приготовления ужина и сам ужин не заняли долго времени. Порядком оголодавшие мужики подмели всё, что сами же и приготовили под руководством Саши.

После ужина мы поведали, что происходило на совещании у главы администрации. Если не считать полной неизвестности глобального порядка, перед людьми стояла одна реальная проблема – необходимость прокормить самих себя в самом ближайшем будущем. Это прекрасно понимали Федосеев и местные мужики, об этом же догадывались пассажиры – наши и иностранцы.

Решение проблемы лежало прямо на поверхности: чтобы выжить всем, каждый должен трудиться в поте лица своего там, где это будет необходимо – в поле или на ферме. В общем, жизнь сама подтолкнула нас к тому, от чего мы старались убежать последние двадцать лет – пришла пора вновь создавать колхоз и частично отменять право на частную собственность. Точнее, не отменять, а ограничивать эту самую собственность до разумных пределов.

В свою очередь, Анисин рассказал о том, что они смогли разглядеть с высоты чуть выше птичьего полёта. Рассказ получился каким-то рваным, так как после происшедшего катаклизма полёт проходил в условиях практически нулевой видимости, и экипаж толком ничего и не разглядел сквозь пелену тумана. Как только взору пилотов открылась земля, те сразу же пошли на снижение, ища место для экстренного приземления. И, слава богу, что сажать машину пришлось на хорошее, асфальтированное шоссе, а не на какие-нибудь сельхозугодия.

Но всё это, как говорится, мелочи жизни – больше всего лётчиков беспокоило непонятное отсутствие радиосвязи. Радиосвязь загадочным образом исчезла сразу же после того, как немецкий «боинг» совершил экстренную посадку. Недоумевавший радист тщетно пытался выйти на связь с теми, кто буквально пять минут назад подавал сигналы SOS, но так и не смог найти их в эфире.

Решив, что радиостанция «ила» каким-то образом получила повреждения, Соломатин отправился с визитом к коллегам из «Люфтганзы», благо их самолёт стоял практически рядом. Немцы с ходу огорошили русского гостя новостью о том, что радиооборудование вышло из строя, и им не удаётся связаться с голландским «бортом», который находился где-то к северо-востоку от Данилово. Голландский транспортник просто исчез, словно в воду канул, как и добрый десяток других источников радиосигналов.

– Понимаете, мужики, аварийные частоты не могут взять и исчезнуть просто так, – отставив кружку с чаем в сторону, возбуждённым голосом вещал радист. – Это противоречит всем

известным законам физики. У меня ощущение, что мы угодили под гигантский колпак, орём, орём, а всё без толку – нас не слышат, и мы не слышим.

– А почему тогда у нас всё работает? – поинтересовался Руслан, выдернув из разгрузки «моторолу». – Если бы нас кто-то глушил, то глушили бы тотально, по всем частотам.

– Саша, не грузи людям голову на ночь глядя. Они устали не меньше нашего, – попросил Анисин, видя, что Соломатин готов прочитать ментам целую лекцию о радиосвязи. – Наше присутствие здесь вообще противоречит всему, что мы знали и знаем о мироздании. Давайте спать, завтра, дай бог, разберёмся, что и как.

Ночь прошла относительно спокойно, хотя каждый из нас ожидал любых неприятностей. Погружённое в темноту Данилово долго не могло притихнуть: кто-то без конца бродил по деревенским улицам, без перерыва лаяли собаки, реагируя на чужаков. Взошла местная луна, осветив ночь более ярким светом, чем наш, земной спутник.

Повыв для приличия на луну, четвероногие сторожа притихли лишь в третьем часу ночи, когда бредуны наконец-то перестали шаркаться в потёмках. Затем с юга подул лёгкий бриз, и до нас донёсся специфический запах моря. Вокруг стояла непередаваемая первозданная тишина, нарушаемая лишь нашими редкими переговорами по рациям.

Ещё вечером, снабжая ополченцев средствами связи, мы оговорили, что перекличка постов будет проводиться раз в час. Если кто-нибудь видит что-то подозрительное, то он обязан немедленно выйти на связь и т. д. В общем, стандартные процедуры. Мы могли, в случае чего, минут за десять добраться до любой из ближайших ферм, и, если не беречь подвеску, за полчаса до Замятино. К счастью, ночных тревог не последовало.

Уже утром, в предрассветное время, на связь вышел капитан Руденко. Тихим голосом Руслан сообщил, что стадо шерстистых слонов подошло со стороны леса к дому Марьи Степановны и вот уже минут десять торчит у околицы. Животные ведут себя спокойно, рассматривают забор и стоящий за ним «уазик». Принохиваются к запахам, доносящимся из деревни.

Затем в эфире послышался голос Семён Семёныча, который возмущённо заявил, что готов завалить минимум штук пять слонов, но капитан, де, не разрешает этого делать. Пришлось подтвердить приказ Руденко, отбросив шальную мысль о быстром решении несколькими пулёмётными очередями нашей продовольственной проблемы.

Часть 2

– Доброе утро, страна! – ровно в шесть ноль-ноль провозгласил Еремеев. – Рота, подъём!
– Утро добрым не бывает, по определению, – позёвывая, заметил Ковалёв, подошёл к окну. – Вот, чёрт, а это всё же не сон. Самое настоящее море.

Мы чуть-чуть посмеялись над удручённым капитаном и принялись готовиться к новому трудовому дню. А трудовой день, как известно, начинается с завтрака. Лучше всего со вкусного, плотного и калорийного завтрака. Наш самоназначенный повар оккупировал кухню сразу же после мыльно-рыльных процедур, из общей массы народа отловил себе пару помощников и принялся дразнить личный состав запахом поджаренного с яичницей бекона.

Чтобы никто не подавился слюной и не стал клянчить кусочек-другой раньше времени, я выгнал весь народ на улицу. Надо же перед завтраком подышать свежим воздухом, размяться на травке, пробежать несколько кругов вокруг особняка. Последнее, впрочем, не обязательно, а по желанию.

Курильщики сразу же жадно задымили своими сосками с никотином, тяжело вздыхая и с завистью посматривая в сторону некурящих. Таковых у нас оказалось пятеро – я, мой напарник, один из лётчиков и двое из охранников Еремеева. Остальные либо постоянно курили, либо, как, например, Николай с Марком, курили, когда хотели, и могли в общем-то обходиться без ежедневной дозы никотина. Я оглядел внешний вид бойцов, провёл рукой по собственному подбородку, поморщился. Да, не мешало бы побриться.

– Кхм... Так, товарищи офицеры и солдаты, заканчиваем портить чудесный воздух прекрасного нового мира смрадным дымом сигарет, берём бритвы и приводим свои физиономии к уставным нормам, – Еремеев проследил мой жест, и в бывшем пограничнике проснулся вредный и въедливый сержант Свен. – «Жилеттов» у меня целая коробка в заглазнике, точно помню, да и крем для бритья найдётся.

– Николай прав – пока у нас есть возможность, мы должны поддерживать цивилизованный вид, – неожиданно для меня Ковалёв поддержал инициативу Ерёмы. – Бороды отпустим позднее, когда израсходуем весь крем и мыло.

– Мыло я вам сварю, если понадобится, – гася окурков, произнёс Анисин. – Было бы из чего. А борода мне не идёт, поэтому давай, старшой, доставай свою заначку.

...Хренассе-мару, товарищ майор, а Мишка-то, похоже, на почве порядка нашёл консенсус с Еремеевым, про себя удивился я. Если эта парочка сядет на своего любимого конька, то уже завтра мы станем подшивать подворотнички, а утро будет начинаться с построения на плацу...

– Босс, там какие-то типы к нам пожаловали, двое! – прокричал от ворот Володька, охранник. – Немцы вроде! Их пускать или как?

– Давай запускай гостей, – переглянувшись со мной, Николай дал отмашку своему человеку. – Чёрт, обломали все планы, немчура небритая.

– Они-то как раз-таки побрились, – заметил я, разглядев лица неожиданных визитёров. – Мда, орднунг у этих мужиков в крови... Марк, пошли, побазарим с фрицами.

Буквально через пару минут выяснилось, что немцы пришли за нашими лётчиками, чтобы немедленно начать претворять в жизнь вчерашние планы по освобождению взлётной полосы от своего «боинга». Как оказалось, позавтракать они не успели, так как ещё не заработала кухня в здании школы, поэтому мы пригласили Карла Мюллера и Феликса Майера к столу. На голодный желудок, как известно, работать влом. Засыпав нас благодарственным «данке», немцы принялись за еду, наворачивая омлет с беконом, словно деревенские пацаны импортные сладости.

С колокольни возвратился Владислав со своей командой проголодавшихся за ночь наблюдателей. Парни сдали дежурство трём девушкам, присланных участковым, научили их пользоваться рацией и приказали вести журнал наблюдений.

Следом за Зеленцовым к воротам усадьбы подошли главные герои вчерашнего дня – пилоты рейса «Эйр-Франс». Как оказалось, французов перехватили по дороге их бывшие пассажиры, предложив присоединиться к какой-то там инициативе русских парламентариев.

Люк с Сержем тактично отказались от странного и непонятного предложения, сославшись на срочную работу по демонтажу двигателей «боинга», и потопали дальше к дому Еремеева. Мы переглянулись друг с другом, усадили за стол слегка опоздавших французов рядом с немцами и нашими наблюдателями, расспросили о том, о сём, а затем вышли на свежий воздух.

– Что ещё за инициатива русских депутатов такая? – с подозрением воззрился на меня Ковалёв. – Что это значит?

– Миша, я знаю не больше твоего, – заметил я. – Поэтому не надо сверлить меня взглядом, словно Ленин ненавистную буржуазию.

– Извини, Володя, это моя профессиональная паранойя среагировала на слово «парламентарии», – пошёл на попятную мой напарник. – Интуиция мне подсказывает, что наши толстомордые «слуги народа» задумали какую-то гадость. А моя интуиция, как ты знаешь, ещё ни разу нас не подводила.

– Финн, капитан дело говорит – тот толстяк с дружками что-то задумал, – озабоченным тоном произнёс Николай. – Посмотрел я вчера на их рожи, и захотелось их сразу... того.

– Хорошо, убедили, верю я в вашу интуицию, верю, – я не стал спорить со своими товарищами. – Сейчас допьём чаёк, перетрём с лётчиками их дела, поедим и предупредим Федосеева о страшных планах и заговорах со стороны потерпевших самолёткрушение депутатов. Довольны?

– Пошли пить чай, а то опоздаем, – совершенно серьёзно отозвался Николай. – Знаешь, Володя, видать, мало ты по жизни общался с родимой номенклатурой. Иначе не был бы таким добрым и пушистым в отношении всяких паразитов.

Я лишь вздохнул, промолчал, не желая продолжать абсолютно бесполезный разговор о паразитизме чиновничества. Каждый слышал, что у нас в России есть две постоянные беды – дураки и дороги. Причём первые всегда умудряются залезть во власть, запустив свои воровские ручонки в закрома госбюджета, что автоматически означает наши вечные проблемы с дорогами. Думаю, если конфисковать всё наворованное нашим чиновничеством хотя бы за год, то всю Россию можно было бы покрыть сетью скоростных автобанов на манер германских.

Эх, зря я не послушал товарищей, зря... Когда лётчики и Мышкин отправились к своим самолётам, а мы уже садились в машины, в усадьбу примчался мальчонка на велосипеде – младший сын Антонова.

– Николай Павлович! Батяня просил передать, чтобы вы скорее езжали к правлению, – скороговоркой выпалил пацанёнок.

– Чёрт, а рацию он куда подевал? – опешил Еремеев. – Эй, малой, говори подробнее, что стряслось?

– Батяня сказал, что ненашенские пассажиры хотят передела власти в свою пользу, – внёс ясность мальчишка. – По рации об этом говорить нельзя.

– Евпатий-Коловратий, да они совсем о...ли, уроды недоделанные, – зло процедил сквозь зубы Ковалёв. – Хрен знает, что вокруг нас творится, а эти козлы всё в демократию играют... Володя, давай, гони прямо к правлению!

– Витёк, ты остаёшься для усиления! – велел Николай одному из своих охранников. – Лёня, в машину!

Когда мы примчались к зданию администрации, там уже собралась приличная толпа народу. Большая часть, похоже, припёрлась из чистого любопытства, чтобы поглазеть на дар-

мовое шоу. Меньшинство же, в количестве примерно тридцати человек, устроило самый натуральный митинг у входа в здание.

Заводилой выступала та самая тощая тётка, которую я заметил ещё вчера на пляже. Её звонкий и приятный на слух голос разносился по всей округе, ей поддакивали ещё две-три ярко накрашенные девицы, а за их спинами гудели представители «сильного пола». Реальные – как мы предполагали – организаторы митинга скромно стояли во втором ряду, улыбались и настойчиво рекомендовали членам чрезвычайного штаба прислушаться к мнению народа.

Я сразу же зацепил взглядом наглую физиономию депутата Белоусова, рядом с которым тёрлись двое накачанных парней. Рабинович оказался во втором ряду, прячась за плечом смазливой девицы с внешностью фотомодели. Та безмятежно работала челюстями, перекатывая во рту жвачку, время от времени кривляясь и выкрикивая слова поддержки после очередных перлов главной ораторши.

Мне почему-то показалось, что эта фотомодель сильно смахивает на марионетку и подаёт голос тогда, когда пан депутат Рабинович щиплет её за задницу – настолько велико было несоответствие внешнего вида девушки и её поведения. Наверное, всё дело в том, что девица куталась в какую-то простыню, доходящую ей до бёдер. Подобным же образом были одеты ещё две девушки, стоявшие в самом первом ряду.

На нижней ступеньке крыльца здания, метрах в семи-восьми напротив митингующих, стояли их главные визави – Антонов и Федосеев. За спиной главы возвышался Петренко, рядом с ним топтались двое незнакомых мне ополченцев с ружьями. В дверях правления то появлялась, то исчезала испуганная физиономия Елены Васильевны, любительницы приложиться к бутылке качественного вискаря.

На груди Евгения Мироновича стволом вниз висел автомат – один из тех укороченных «калашей», которые мы отдали ополченцам, а в поясной кобуре виднелся табельный ПМ. В отличие от участкового, глава администрации не имел никакого серьёзного оружия, если не считать трости, на которую он опирался.

Роман Георгиевич, похоже, спал этой ночью часик-другой, не более, и выглядел очень замотанным. Чувствовалось, что Федосеева угнетает не столько тот шум и гам, который поднимали митингующие, а сам факт того, что он вынужден тратить драгоценное время на бесплодную болтовню о выборах и демократии.

– ...Светлана Михайловна, милая, ну, поймите же вы, наконец, что нельзя устраивать выборы агронома, как вы только что предложили, – глава по-отечески объяснял тощей тётке элементарные истины управления хозяйством. – Агроном – это же не просто должность, но ещё и профессия, в которой требуются определённое образование, опыт и профессионализм, в конце концов... Да, согласен – это недемократично и противоречит конституции, зато проверено практикой и соответствует здравому смыслу.

Вокруг правления, на всякий случай, дистанцируясь от митингующих, собирались иностранцы, привлечённые необычным шумом в столь ранний час. По своему обыкновению европейцы активно работали фотоаппаратами и айфонами, запечатлевая в цифре нашу местную экзотику.

Отдельно кучковались местные, в основном пенсионерки, чьи дома располагались поблизости. Даниловских мужиков, как я заметил, практически не было – большинство из них охраняли окрестные фермы или занимались другой реальной работой.

Поначалу наше появление на площади оставалось незамеченным для митингующих. Затем кто-то из них повернул голову, чтобы посмотреть, кто там приехал, ткнул локтем соседа.

Секунд пять спустя тощая девица неожиданно замолчала на полуслове, вылупив зенки в сторону идущего впереди нашей группы Еремеева. Мы обошли толпу, подойдя с правой стороны к крыльцу здания администрации.

– Что за шум, а драки нет? Бузим, господа, да? – с весёлой издёвкой в голосе поинтересовался мой бывший однополчанин. – Какого чёрта вы вообще здесь собрались? Власть делить? Так она, власть эта, принадлежит народу – тем, кто живёт на этой земле и на ней же горбатится, пашет, чтобы прокормить вас, дармоедов.

– Вы, господин Еремеев, вместе с вашими поделщиками создали незаконное вооружённое формирование, что противоречит конституции, – с пафосным апломбом произнёс из второго ряда Рабинович. – И теперь силой оружия вы насаждаете свои собственные порядки в обход закона, позабыв про свободу волеизъявления граждан. Вы провели антидемократические выборы, в которых не участвовали целых две сотни избирателей. Наконец, ваша клика сорвала со знамени администрация государственный флаг и надругалась над ним. Это – уголовно наказуемое преступление, господин Еремеев.

– Стоп, притормози-ка, уважаемый, – поднял вверх руку Николай. – Евгений Миронович, когда это ты успел флаг сменить? А главное – зачем?

– Да ещё вчера вечером, взяли и заменили, – пожал плечами участковый. – Роман Георгиевич распорядился.

– Товарищи, ну, неужели у вас совсем не осталось совести? – укоризненно покачал головой Федосеев. – Наши с вами отцы и деды сокрушили фашизм, подняли красный флаг Победы над поверженным Рейхстагом. Красное знамя стало символом того громаднейшего рывка вперёд, что совершила наша Родина после революции, символом всех достижений и побед Советского Союза. Неужели мы забудем свою историю?

– Вы узурпатор, сталинист и ретроград! – резанув нас злым взглядом, взвизгнула тощая девица. – Долой! Долой! Долой!

Толпа мгновенно подхватила клич, громко скандируя на все голоса «долой», а затем... Словно по команде, вперёд выскочила троица тех самых красивых девушек в накидках, что стояли в первом ряду. Подскочив к крыльцу почти вплотную, они сбросили наземь свои одеяния... оставшись в одних туфлях и трусиках. Тряся в прямом смысле этого слова грудями, они принялись визжать и кривляться, словно мартышки на баобабе. Поперёк их – чего уж крикнуть душой – весьма привлекательных персей красовался написанный чем-то чёрным лозунг «долой».

Атакованный голыми женскими бюстами, весь наш чрезвычайный совет застыл в ступоре, не сводя глаз с неожиданного стриптиза. А затем глава и участковый совершили одну очень большую ошибку – они спустились с крыльца, в надежде урезонить девиц, накинуть на их плечи валяющиеся на земле одежды. Антонов присел, подбирая шаль, Федосеев нагнулся, цепляя рукой другую.

Девки оглушительно завизжали, словно их насильовало стадо шерстистых носорогов, и толпа пришла в движение. На нас и на местных товарищей сразу же бросилось человек десять мужиков, вооружённых ножами, топорами, дубинками. Полагаю, они надеялись на внезапность и на своё подавляющее численное превосходство, плюс на то, что полиция испугается применить оружие.

Едва девки сбросили свои тряпки, я сразу же сообразил, что начинается финал представления под названием «мирный митинг». Обернувшись к своим, демонстративно передёрнул затвор автомата, одновременно щёлкая переводчиком на «огонь короткими». Наверное, это и спасло нас. Рискнувшие сойтись врукопашную митингующие на мгновение заколебались, оценивая угрозу, и потеряли шанс застать нас врасплох.

На меня сразу же налетели двое относительно молодых парней с занесёнными для удара палками. Видимо, надеясь сбить с ног, чтобы завладеть оружием. Решив не мудрствовать лукаво, я ударил одного из них правой ногой в грудь, отступил, уворачиваясь от просвистевшей над плечом дубинки.

Коротко ткнул второго нападавшего стволом «калаша» прямо в шею. В кадык, к сожалению, не попал, но мужик схватился за горло, роняя дубинку. Сгруппировавшись, я заехал этому сраному борцу за демократию левой ногой по уху.

Противник повалился наземь, а я дал очередь поверх голов тех, кто ещё лелеял надежду завладеть моим оружием. Слева у крыльца стрекотнула короткая очередь из «калаша», и я резко обернулся, успев заметить, как оседает на землю одна из девиц и падает вниз кто-то из толпы нападавших.

Почти одновременно с очередью захлопали выстрелы из ПМа, и оказавшийся слева от меня Еремеев пошатнулся, перегибаясь и заваливаясь на землю. Затем за моей спиной ударили сразу из нескольких автоматов, заорали, заматерились трёхэтажными выражениями. Как потом выяснилось, застрелив в упор парочку самых храбрых из нападавших, тех, кто бросился вперёд с топорами, мои опера открыли огонь поверх голов толпы митингующих. Впереди же, у ступенек крыльца, ситуация складывалась не в нашу пользу.

На застигнутого врасплох участкового прыгнули сразу двое, неожиданно помешав друг другу в попытке одним махом завладеть оружием. Антонов успел немного побороться за автомат, прежде чем ему сунули нож в спину и сбили с ног. В борьбе за «калаш» и прозвучала та самая короткая очередь, выпущенная не понять кем вслепую куда-то в сторону и поверх толпы. Три пули из пяти нашли свои цели.

Второй из нападавших атаковал сзади, пару раз ударил Марковича ножом, выдернул пистолет из его кобуры и, прикрываясь участковым и своим подельником, открыл огонь. Первой жертвой этого чертова снайпера стал Федосеев, пытавшийся угостить тростью первого нападавшего. Затем стрелок выпустив три пули в моего армейского товарища, попал дважды, всадил пятую пулю в ногу одному из ополченцев, который пытался вскинуть ружьё, и перенёс огонь на моих парней. Всё это произошло примерно за те пару секунд, пока я разбирался с прямой фронтальной угрозой.

Прямо передо мной метрах в четырёх лежал Роман Георгиевич, за ним навзничь наш участковый. Первый из нападавших наконец-то сдёрнул автоматный ремень с тела Антонова и оборачивался в мою сторону, разгибался, одновременно вскидывая «калаш». Второй посылал пулю за пулей в кого-то за моей спиной, а с крыльца скатывалось вниз тело раненного в ногу ополченца.

Справа орала благим матом одна из девок, догадавшаяся присесть на корточки и зачем-то прикрыть голову руками. Другая бросилась убежать сразу же, как только раздалась первые выстрелы, была сбита с ног ринувшимися ей навстречу нападавшими, и лежала где-то под кучей тел барахтавшихся на земле мужиков. Те даже и не пытались подниматься на ноги, напуганные жёстким отпором со стороны моих парней.

Поймав на прицел нападавшего с «укоротом», я плавно нажал на спусковой крючок, слегка приподнял автомат, и дал вторую очередь, свалив второго, того, который стрелял из антоновского ПМа. Затем вновь обернулся вправо, отпихнул стоявшую на коленях девку, подошёл к депутату госдумы Белоусову и от души заехал ему в челюсть прикладом «каланикова». Изделие знаменитого конструктора не подвело: стоявший с открытым ртом и серым лицом Белоусов рухнул словно подкошенный.

– Заткнись, мочалка крашенная! – рявкнул за моей спиной Ковалёв, от души закатив девке крепкую затрещину. Бабский вой оборвался, вместо него послышался чей-то тихий скулёрж, стоны и хриплые ругательства от крыльца.

– Мёртв, – проверив пульс у главы администрации, произнёс Михаил. – Чёрт... Володя, Ерёма, кажись, тоже того...

– Жив я... – тихим, но отчётливым голосом произнёс Николай. – Сам виноват... Стрелять надо было... Замешкался...

Еремеев закашлялся, захлёбываясь кровью, и я бросился к нему, попутно отметив, что подстреленная девка с обнажённым бюстом также подаёт признаки жизни. Получивший пулю ополченец попытался было пошевелить раненой ногой, вскрикнул от боли и заматерился во весь голос.

– «Невский», это «замок», – неожиданно прохрипела рация. – Что у вас там за стрельба?

– «Замок», хватайте любую тачку, запирайте ворота и пулей к правлению! – узнав голос Витька, распорядился я. – Возьмите медикаменты, все, что найдёте в доме! У нас много «трёхсотых», срочно нужна помощь!

– Так, Лёня, Толик, держите этих! Дёрнутся – стреляй не раздумывая! – увидев, что мы с Ковалёвым переключились на раненых, Влад взял инициативу по обыску сдавшихся в свои руки. – Сань, что с тобой?

– Да, чёрт подери, откуда-то сбоку прилетело, прямо в рукоятку «макарова» попало, – глянув в сторону крыльца, отозвался Барулин. – Походу, если бы не табельный, то валяться бы мне сейчас в пыли.

– Да, почти в подмышку всадил, – глянув, куда угодила пуля, произнёс Зеленцов. – В рубашке ты, Сашка, родился!

– Японский городской, а кто это у нас такой меткий-то? – зло прищурился капитан, окидывая взглядом лежащие у крыльца тела. – Надо бы глянуть на его рожу!

– Всё, всё, Саня, не заводись, – удержал напарника Владислав. – Вовка погасил того снайпера, причём наглухо... Барулин, приди в себя, чёрт возьми! Раненые вокруг, им, млять, помогать надо!

– Влад, лови! – вынув фляжку из внутреннего кармана еремеевской куртки, я бросил её Зеленцову. – Пусть Сашка хоть всю выдует! Толик! В багажнике моего джипа лежит синяя сумка. Тащи её сюда, быстрее, там аптечка!

– Хрена вы там торчите?! – обернувшись в сторону крыльца, Ковалёв внезапно заорал на Петренко и поселковых. – Где, мать его, фельдшер?!

– Спокойно, Миша, – положив руку на плечо друга, я вновь достал рацию. – «Лиговский», «Лиговский», ответь «Невскому»... «Лиговский», «Лиговский»...

Руденко отозвался почти мгновенно, выслушал указания и пообещал примчаться в Данилово через четверть часа. Привезти единственного нашего доктора на всю округу. Между тем к правлению подъехал грузовик с группой вооружённых даниловцев, с поста на окраине пробежал парный патруль ополченцев, у нас появились другие добровольные помощники. Промелькнула парочка знакомых лиц – те самые дамочки, что позаботились о давешнем водителе фургона. Петренко наконец-то вышел из ступора, засуетился, развил бурную организаторскую деятельность.

...Итак, мы имеем пять трупов, в том числе главу администрации, и четверых очень серьёзно раненных, – я командовал и отдавал распоряжения на автомате, как это уже не раз бывало при задержаниях и на местах преступлений. Хотя... Этот, как его, Ванька, что ли, отделался легче всего – Диана вытащит пулю из ноги на раз-два... Даже без анестезии и медикаментов... А вот что будет с Колькой?.. Блин, ну, как же так ты, Николай, подставился, а? Ведь не пацан же, стрелять надо было, стрелять! А ты побоялся зацепить участкового... Эх, Маркович, Маркович, как же так, а?

Кроме двух тяжелораненых с нашей стороны имелись двое сильно пострадавших из числа митингующих. Шальная пуля из «укорота» угодила в грудь девке, трясшей своими голыми сиськами – залитое кровью входное отверстие находилось чуть ниже ключицы. А Рабинович – гримаса фортуны – получил ранение в голову по касательной другой пулей из той же очереди, потерял много крови и находился без сознания. Ещё одна пуля чиркнула по шее какой-то бабе, во всё горло оравшей лозунг «долгой». Баба была в сознании, возле неё уже хлопотал Зеленцов, останавливая кровотечение.

Остальных пострадавших можно было считать «лёгкими», хотя сикуха, получившая от Михаила затрепину, по-прежнему валялась без сознания, да и депутат Белоусов не спешил приходить в себя. Эти оба, скорее всего, получили сотрясение головного мозга. Хотя в случае с девахой сомневаюсь, что у неё вообще есть мозг как таковой.

– Марина! Подойдите, пожалуйста! – заметив ещё одно знакомое лицо, я решил не откладывать расследование в долгий ящик. – Влад! Влад, бери переводчицу и конфискуй у иностранцев фотки и айфоны. Объясните им, что это временное изъятие в интересах следствия. Потом всё вернём.

– Да, какое, к чертям собачьим, следствие?! Володя, ты в своём уме!? – капитан уставился на меня, словно увидел перед собой снежного человека. – Они все виновны! Все!

– Согласен, виновны все, – кивнул я. – И мы как раз, просто обязаны установить степень вины каждого. Обязаны, понимаешь?

– Вовка прав: организаторы и исполнители нападения – это одно, а идиотки с голыми грудями – совсем иное, – поддержал меня Михаил. – Нельзя валить всё в одну кучу.

– Сиськи, как показала практика, страшнее ножей и топоров будут, – зло сплюнул Зеленцов, глянув на остывающие у крыльца тела. – Мариночка, пойдёмте, поработаем с иностранцами.

Тем временем народ всё прибывал и прибывал. Подъехал «хаммер» с еремеевскими охранниками, пара грузовиков с ополченцами, подтягивались старички из другого конца посёлка. Количество добровольных помощников росло, раненые, тьфу-тьфу, держались.

Пошли запросы по рации насчёт стрельбы. Я переговорил с гарнизонами на ближайших фермах, информировал ополченцев о происшествии в деревне и приказал им смотреть в оба. Чтобы не расслаблялись.

Наконец, примчался Руденко, привёз докторшу, а заодно и половину замятинского отряда с пулемётом. Диана сразу приступила к осмотру тяжелораненых и вскоре выдала свои первые вердикты. Неутешительные.

– Николаю нужна срочная операция, – откинув со лба слегка растрепавшиеся волосы, произнесла казашка. – Той девушке – тоже, иначе она скоро умрёт. Ранение дружинника – относительно лёгкое, его жизни нет никакой угрозы... У меня нет ни хирургических инструментов, ни опыта подобных операций, нет никаких серьёзных медикаментов. Всё.

– Диана, вы здесь единственный доктор, поэтому командуйте, говорите, что надо делать, – произнёс я умоляющим тоном. – Мы поможем всем, чем сможем. Иного выхода у нас нет.

– Хорошо, мне нужны операционный стол, освещение, ассистенты, – подумав, Диана прикусила губу. – Так, перевязочный материал есть... Анестезия – отсутствует... Инструменты – фельдшер обещал принести.

Операционную решили организовать здесь же, в здании администрации, в зале для совещаний. Там стоял массивный стол, по словам докторши, подходивший в качестве операционного. Кто-то из жителей принёс инструменты – большой хирургический набор ещё советского производства, отличного качества и хорошо сохранённый. Местный фельдшер – большой поклонник «зелёного змия» – трясущимися руками протирал спиртом скальпели и прочие там зажимы. Петренко помчался за переносным дизель-генератором, тем самым, что давеча привёз от тётки.

Тем временем незадействованные в медицинских делах опера по горячим следам снимали показания у участников митинга. Успевшие немного остыть Зеленцов с Барулиным изъяснялись у свидетелей полтора десятка всяческих цифровых устройств. Витёк сгонял обратно на базу, привёз ноутбук и принялся копировать фото и видео с изъятых гаджетов. Иностранцы терпеливо стояли рядом, и вот уже первый из них получил обратно свой драгоценный фотоаппарат.

– «Невский», «Невский», по дороге от Рясенки на Данилово идёт колонна чужих машин! – неожиданно на связь вышел фермер Савченков. – Четыре штуки, не наши, военные, впереди самый натуральный бэтээр.

– «Васильевский», я «Невский», не понял тебя, повтори ещё раз, – на секунду я буквально опешил от такого поворота сюжета. – Что значит не наши? Чьи? Бэтээр какой марки?

– «Невский», не наши означает, что это не российские машины, а чьи-то другие, – отозвался собеседник. – Чей бэтээр – мне неизвестно, говорят, что он восьмиколёсный. Ещё видели два джипа и грузовик с тентом.

– Погодь, ты сам видел чужих, или их видели твои люди? – уточнил я.

– Я сам никого не видел. Патруль ополченцев обнаружил чужих минут двадцать назад, – ответил Савченков. – Наблюдали примерно с полукилометра или с чуть большей дистанции. Лишь сейчас добежали, рассказали мне, а я сразу передал вам.

– Если прошло двадцать минут, то, по идее, гости уже должны быть на подъезде к Данилово, – нахмурившись, произнёс стоявший рядом мой напарник. – Наш наблюдательный пункт молчит, никто не поднимал тревоги.

– Там же девки сидят, толку от них, – поморщился я. – Так, парни, все по машинам – выезжаем! Андрей, Петренко, ты остаёшься за старшего! Задержанных не бить, лишний народ отправляй по домам!

Минуту спустя три наших джипа уже мчались в сторону окраины. Вызвав по рации наблюдательный пост на колокольне, я с горечью понял, что в очередной раз недоглядел за ситуацией. Точнее, повёлся на поводу у местных, и допустил ошибку с кадрами – взволнованные девушки наперебой затрещали о четвёрке незнакомых машин, которые едут к посёлку. На мой вопрос – почему они молчали об этом раньше – захныкали и сказали, что всё их внимание отвлекли события у здания администрации. В общем, бабы есть бабы, проворонили приближение неизвестно кого.

Джип резко, с заносом, затормозил, поднимая пыль. Сзади взвизгнули тормоза «лэнд-крузера», развернувшегося боком практически поперёк дороги. За ним остановился и «гелендваген» с еремеевскими охранниками.

– Евпатий-Коловратий, амеры, что ли? – искренне удивился Ковалёв, увидев наших «гостей». – Не, млин, натуральные пиндосы, вылитые.

– Разберёмся, – буркнул я, открывая дверь. – Чёрт, без переводчика не обойтись... Костя! Григорьев! Ходи сюда – толмачом будешь!

Метрах в ста пятидесяти впереди нас дорога делала небольшой поворот, изгибалась вокруг зарослей осинника. На этом повороте стояли четыре единицы техники, во внешнем виде которых с ходу угадывалось их североамериканское происхождение.

Вот из типично американских «хамви» повылезали несколько человек, с виду – типичные солдаты армии США. Таких, как мы их обычно себе представляем – в камуфляже, с обвесом, в характерных для американцев шлемах, с вариациями на тему М-16 в руках. Один из «хамви», кстати, также смотрелся, как типичный для американцев джип – с пулемётом на турели, какими-то мешками, принайтованными к бортам.

Второй «хамви» не имел никакого вооружения, а на его борту красовался красный крест в белом круге. Оба армейских джипа встали так, чтобы преградить нам дорогу, при этом турельный пулемёт первого «хамви» был направлен куда-то вверх и в сторону. Пулемётчик рассматривал нас, и вроде бы не проявляя никакого желания нашпиговать мой «мерс» свинцом.

Сразу за джипами стоял какой-то бронетранспортёр с тонкоствольной пушкой. Прямо на наших глазах башня БТРа пришла в движение, развернув основное вооружение машины в сторону осинника. В конце колонны находился грузовик, такой же типично американский, угловатый, с брезентовым тентом, на котором красовался всё тот же красный крест в белом круге.

– Идём, Миша, – скомандовал я, увидев, что от маленькой группы амеров отделились двое переговорщиков. – Костя, иди рядом, чуть сзади. Если что – работаем короткостволом в упор. Тэтэшки должны пробить ихние хваленые бронежилеты.

– Ну, чисто стрелка в стиле начала девяностых, млять, – сплюнул мой напарник. – Не хватает лишь «шестисотых» «меринов» и красных пиджаков.

Мы встретились с американцами где-то посередине дороги, чуть ближе к нашим машинам. Остановившись метрах в пяти друг от друга, секунд двадцать с интересом рассматривали своих визави. Американцы – высокий худой офицер и упитанный солдат среднего роста – были вооружены лишь пистолетами в кобурах на бедре, держали свои руки на виду и, похоже, не собирались устраивать перестрелку на ровном месте.

– Подполковник медицинской службы Корпуса морской пехоты Соединённых Штатов Америки Дэвид Коллинз, – помедлив ещё пару секунд, представился загорелый высокий седоватый мужик с бесцветными глазами. – Рядом со мной – старший сержант морской пехоты Рон Мак-Кинли. С кем имею честь разговаривать?

– Он случайно не родственник одного из ваших президентов? – слегка улыбнулся я. – Того, в честь которого названа одна из горных вершин Аляски.

– Нет, не родственник, – отрицательно покачал головой подполковник. – Ваш переводчик неплохо знает английский, но говорит с жутким акцентом. Поэтому я попрошу его говорить помедленнее, чтобы было понятно.

– К сожалению, наш переводчик имел мало разговорной практики, – я признал сей очевидный факт. – Он будет стараться... Позвольте представиться: майор полиции Иванников Владимир Иванович, можно просто Владимир, или товарищ майор. Капитан Ковалёв... Лейтенант Григорьев... Энское УВД из Санкт-Петербурга.

– Вы русские? – почему-то удивился Коллинз. – Мы думали, что поляки или другие восточноевропейцы... Никогда не верил сказкам, что русская полиция ходит с автоматами, в шлемах и в бронежилетах.

– Мы ехали на задание, когда произошло нечто невероятное, – я сразу же начал рассказ о катаклизме с нашей легенды. – Повернули назад...

Я уложился со своим повествованием минут в пять, не более – сработал многолетний опыт коротких и информативно ёмких докладов, когда необходимо показать начальству и результат, и подчеркнуть ключевые моменты дела. В свою очередь, американец лаконично поведал о злоключениях его подчинённых – приехали на ночные учения на полигон, в пустынную и холмистую местность, неожиданно пропала вся связь и навигация, утром поехали искать своих, потеряли почти весь день... Вокруг полигона простиралась совершенно незнакомая, и очень странная местность, которую никто до этого момента не встречал.

Переночевали на полигоне, а утром решили двинуть на восток, сквозь незнакомый лес. Во время путешествия сквозь заросли подверглись нападению неизвестного хищника кошачьей породы. Пострадал капрал, который стоял за турельным пулемётом в головном «хамви». Хорошо ещё, что морпех успел пригнуться и спасти свою собственную голову от челюстей «тигра».

Хищника расстреляли из пушки бронетранспортёра, разнесли мускулистое тело буквально в клочья. Важный момент: зверюга не боялся техники, стоял напротив БТРа, рычал, скалил зубы, и, скорее всего, раньше никогда не встречался с людьми. Американцам пришлось изменить порядок движения транспорта, поставив четырёхосную «броню» в голову колонны, и не высовывать свои морды из «хамви».

Пару часов назад морпехи подъехали к границе миров, и после небольшой разведки местности углубились во вполне земной ландшафт. Обнаружив торчащую на горизонте колокольню с крестом, поначалу хотели проехать мимо, затаиться, разведать, что и как. Но, услышав стрельбу, решили не прятаться, и поехали прямо к колокольне, пока не встретили нас.

– Господин подполковник, я правильно понял, что вы – доктор, а ваши люди – медики по специальности? – больше всего я опасался, что Григорьев ошибся с переводом, или подполковник решил пошутить.

– Вы всё правильно поняли, майор, – кивнул Коллинз. – Моя специальность – хирург, а большинство моих солдат прошли специальную подготовку для спасения жизней солдат на поле боя.

– Похоже, сам Бог вывел вас к Данилово, – теперь я боялся, что мы опоздаем, и раненые умрут, прежде чем им помогут. – Господин подполковник, нам очень нужна, прямо жизненно необходима ваша помощь...

И я быстро поведал американцу, что у нас произошло... внутреннее недоразумение, закончившееся нападением на полицию и непредвиденными жертвами среди мирного населения. Организаторы беспорядков – как это и положено в цивилизованных странах – задержаны до выяснения их роли в кровавых событиях. Имеются многочисленные свидетели, в том числе иностранные граждане, фото- и видеоматериалы происшедшего.

– Едем, майор, – Коллинз не медлил ни секунды. – Что же вы сразу не сказали, что вам требуется хирург?

Американец включил связь, командным голосом произнёс несколько быстрых фраз, и минуту спустя объединённая колонна помчалась к зданию правления. Подполковник сразу же предупредил, что он и его люди не собираются лезть в дела русских, но и не потерпят посягательств на их собственное имущество и оружие. Затем попросил меня с переводчиком пересечь в «хамви» и подробнее рассказать о характере ранений у пострадавших. Сообразив, что Коллинз не желает терять ни минуты, уже прикидывает в уме очерёдность и сложность предстоящих операций, мы согласились ехать с амером. Костя старался с переводом, запинался, постоянно встречая незнакомые слова и термины.

Сигналя, чтобы никто не попал под колёса, мы влетели на площадь, и я сразу же побежал в правление. Оказалось, что Диана ещё не приступила к операциям, тянула время из-за отсутствия анестезии и донорской крови. Следом за мной в импровизированной операционной появился Коллинз, а за ним ещё пара американцев, в том числе женщина-капитан медицинской службы. Подполковник сразу же взял власть в собственные руки, стал отдавать распоряжения, его подчинённые засуетились, забегали, принялись таскать необходимое из грузовика и второго «хамви».

Я вышел на улицу, вновь отыскал нашу незаменимую Марину, попросил её, чтобы она обеспечила перевод в ходе операций. Диана, конечно, говорила по-английски, но отнюдь не на уровне профессионального переводчика. Коллинз кивнул, сразу принялся задавать вопросы, выясняя всё и вся, одновременно облачаясь в зелёный халат, затем принялся мыть руки в тазике с горячей водой. Рядом с ним переодевалась капитанша и один из сержантов, тот, что сидел за рулём грузовика. Ещё двое морпехов готовили к операции первых пациентов – Еремеева и ту девку, чьи голые груди использовали в качестве отвлекающего средства во время митинга.

– Надевайте халат, вы будете мне помогать, – выслушав всё, что наговорила наш доктор, американец назначил Диану своим ассистентом. – Это будет полезная для вас практика. Попрошу всех, кроме переводчика, покинуть помещение. Не волнуйтесь, майор, я не раз вытаскивал людей с того света.

Мы вышли на улицу, где к этому времени собралось не менее полутысячи человек. Весть о происшествии у здания администрации разнеслась по всей округе, и в центр посёлка потянулся народ с окраин. Люди заняли все соседние дворы и переулки, терпеливо ожидая какого-нибудь исхода в эпопее с мятежом.

Петренко, похоже, не пользовался серьёзным авторитетом среди населения, и на многие его распоряжения, мягко говоря, забили. Даниловское ополчение возглавил Василий Ники-

тин – один из наиболее успешных фермеров в районе, имевший большой авторитет и влияние среди местных жителей. Имея опору в лице своих трёх сыновей и зятя, до сегодняшнего дня Никитин был правой рукой погибшего Антонова. Его уважали и, похоже, побаивались практически все мужики в здешней округе. В общем, в отсутствии прежних авторитетов власть в Данилово постепенно перетекала в руки совершенно незнакомых нам людей.

Ополченцы слегка постраждали задержанных, обрисовав им вовсе не радужные перспективы, но не били и не применяли к ним никаких методов физического воздействия. Тем не менее к нашему возвращению большая часть бунтовщиков изъявляла желание пойти на сделку со следствием. Думаю, что поклонники демократии попросту осознали, что если их просто отдадут народу, то ни у кого из них не будет ни единого шанса уцелеть.

Бунтовщиков окончательно добило то, что появившиеся словно с неба американцы не обратили на них никакого внимания. Да, да, важно расхаживавшие возле своей техники лейтенант и пара морпехов не обращали никакого внимания на потуги задержанных пожаловаться на зверства и жестокость российской полиции. Граждане самого демократического государства старого мира попросту плюнули на стремление кучки дармоедов воплотить эту самую демократию в отдельно взятом посёлке. Более того, американцы пообщались с иностранцами – пассажирами самолётов, глянули собранное на ноутбуке видео, покачали головами и стали смотреть на задержанных с осуждением. Как говорится, гримасы демократии в действии.

Чтобы не терять время зря, ожидая результатов от медиков, мы занялись формальной стороной расследования. Снятие показаний, допросы, опрос свидетелей, просмотр доказательной базы. Может, кому-то наши действия покажутся пустой тратой времени, но мы сразу же дали понять даниловцам, что не допустим никакого самосуда над задержанными. Никто не должен пострадать сверх содеянного.

Поразмыслив, Никитин и ополчение встали на нашу сторону, после чего Василий объявил о создании народного трибунала. Учитывая ситуацию, решили обойтись без адвокатов и прокуроров – свидетелей и доказательств хоть отбавляй. Оставалось лишь выяснить, кто конкретно организовал всю эту заваруху с митингом.

Часов через пять, когда часть народа отправилась по домам, на крыльце здания администрации появился Коллинз. В окровавленном халате, немного уставший, с непроницаемым лицом. Мельком взглянув на накрытые брезентом тела – их ещё не унесли в церковь – он подождал нас с Ковалёвым и своего лейтенанта.

– Я прооперировал наиболее тяжёлых пациентов – мужчину и женщину, сейчас их уже зашивают, – сообщил американец. – Теперь я вытащу пулю из ноги вашего добровольца, а затем займусь раной на голове мятежника. Господин майор, организуйте мне и моим людям возможность помыться и отдохнуть после работы.

– Доктор, тот раненый мужчина поправится? – сразу же спросил я. – Это мой хороший товарищ, мы вместе служили на афганской границе.

– Я сделал всё, что в моих силах, майор, – во взгляде подполковника промелькнуло что-то похожее на уважение. – Дальше на всё воля Божья, господа.

Американец удалился в операционную, а мы вновь приступили к прерванному занятию. Переговорили с одним из охранников Еремеева, выяснили, что некоторые подвальные помещения нашей базы можно использовать как временный изолятор для содержания задержанных. Захватив с собой Витька и Лёню, Зеленцов поехал осматривать будущие застенки для борцов за демократию на предмет невозможности выбраться из-под замка.

– Шеф, я вот никак не пойму, какого хрена вообще эти уроды полезли свергать власть прямо сейчас, а? – спустя какое-то время ко мне подошёл Руденко. – Они что, не могли зататься на время, подождать недельку, месяц, наконец? Ведь не идиоты же круглые, должны были понимать, что и как?

– Ты прав, Рус, они отнюдь не идиоты и очень хорошо всё понимали, – ответил я. – Именно поэтому они пошли ва-банк сразу, не медля ни дня.

– Володя, я не умею читать мысли, не научился ещё, – уточнил капитан. – Объясни, наконец, толком, без намёков и иносказаний.

– Ну, смотри: большая часть из этих ребят либо ничего не умеет делать, либо никогда не работала руками, – полистав стопку бумаг, я нашёл нужный бланк. – Представь себя на месте менеджера солидного банка или в кресле крупного чиновника. Представил? А теперь прикинь, что завтра тебе придётся идти работать на ферму, навоз кидать или сажать картошку.

– Если надо работать, чтобы прокормить себя, то надо идти и пахать безо всяких разговоров, – пожал плечами Руденко. – Хоть на ферму, хоть куда. Жрать-то, как ни крути, хочется.

– Это потому, Рус, что тебе не надо терять свой общественный статус, и ты не стал рафинированным засранцем. Ты не боишься испачкать руки, не боишься натереть мозоли, – усмехнулся я, глянув на капитана. – А вот они – испугались. Испугались, что потеряв всё, никогда не сумеют вновь достичь того положения в обществе, которое они имели в старом мире. Испугались того, что с каждым днём они окажутся всё дальше и дальше от власти, и никогда не смогут насладиться ощущением своего бывшего могущества. Страх, Рус, – это мотивация не хуже основного инстинкта.

– Да ты прямо-таки психолог, товарищ майор, – раздалось у меня за спиной. – Вона как грамотно разложил всё по полочкам, и про страх правильно подметил, и про положение.

Я обернулся: позади меня стоял, улыбаясь, Василий Никитин вместе с небольшой группой ополченцев. Среди них выделялись двое, внешне чем-то похожие на нового главу местной власти, и обритый наголо здоровяк в полинявшем и затёртом камуфляже.

Никитин улыбался, шутил, но взгляд его зелёных глаз свидетельствовал о холодной решимости идти до конца к поставленной цели. Возникало ощущение, что при разговоре Василий изучает своего собеседника, словно смотрит на него в оптический прицел.

– Профессия обязывает быть разносторонне подкованным во многих сферах человеческого бытия, – я постарался улыбнуться как можно дружелюбнее. – Есть один очень важный нерешённый вопрос, товарищ Никитин – по какому закону будут судить бунтовщиков? По УК РФ или как?

– Хороший вопрос, Владимир Иванович, – хмыкнул Василий. – Думаю, что законы России, в силу сложившихся обстоятельств, можно считать утратившими свою юрисдикцию. Нам нужны иные законы – простые, действенные и справедливые, которые невозможно повернуть, словно дышло... Давай, кстати, перейдём на «ты». Так проще, удобнее, когда говоришь с мужиком.

– Принято, – кивнул я, протянув собеседнику руку. – Так что будем делать с законодательной базой? Принимать новую конституцию, новый УК и прочее?

– Почти угадал, – обменялся со мной рукопожатием Никитин. – Юрий Александрович, директор школы и учитель по совместительству, уже готовит новое законодательство. Сидит со вчерашнего дня, корпит над бумагами. За образец, как я слышал, он взял Устав ООН... Ладно, что у вас со следствием? Выяснили, кто организовал всю эту бойню?

– Работа практически завершена. И, знаешь, мы очень удивились, когда вышли на заказчика, – заинтриговал я собеседника. – Как не нелепо это звучит, но депутат Белоусов и его шайка оказались исполнителями, орудием в руках одной хитрой бабы. Тебе имя Валерии Рынской что-нибудь говорит?

– Нет, впервые слышу, – пожал плечами фермер. – Кто это?

– Вот, мне тоже ничего не показалось странным, пока Михаил не припомнил кое-что «из прошлой жизни», – я кивнул в сторону своего напарника, который сортировал показания свидетелей. – Валерия Максимовна Рынская, три высших образования, дочь олигарха Быстрова, постоянно проживает в Лондоне, с малых лет обретается в кругах весьма интересных людей.

– Володя, да не тяни ты с главным, – поднял голову от бумаг Ковалёв. – Лесбиянка она, эта Валерия, плюс – связана с организаторами всяких «цветных» революций в ближнем зарубежье и прочих майданов для даунов.

– Ну, вот, Миша, ты обломал всю интригу, – я покачал головой. – Рынская – внимание – магистр психологии Оксфорда, способная и попойкой повертеть, когда это требуется, и жёстко схватить за причиндалы. Короче, эта сучка со своей любовницей «развели» Белоусова и прочих чиновников, словно завзятые лохотронщики.

– Етить-колотить, майор, – Никитин, похоже, никак не ожидал подобного результата расследования. – Ты хочешь сказать, что две бабы обвели вокруг пальца полтора десятка не самых тупых мужиков, и на раз-два организовали натуральную революцию?

– Не веришь мне – на, сам читай показания и протоколы, – я демонстративно сунул Василию стопку бумаг. – Смотри видео, которое наснимали иностранные граждане, поговори с Белоусовым, с Рабиновичем, когда того отпустят медики.

– С чего бы мне не доверять тебе, майор? Ты здесь человек новый, практически посторонний, ни в чём особо не заинтересованный, в симпатиях не замеченный. А то, что ты и твои парни задавили в зародыше бунт приезжих – так куча народа видела, что вы защищались и стрелять начали, когда те упыри положили Федосеева с участковым, – Никитин взял бумаги, прочитал чуть-чуть, пролистал, протянул обратно. – Я верю тебе, не как своему, конечно, но верю. Работайте дальше, а нам надо убрать погибших. Похороны будут завтра, после чего по жребию выберем судью, дюжину заседателей, и к вечеру огласим приговор. Всё по закону, как и должно быть.

– Интересно, знает ли он, что за основу Устава ООН была взята сталинская Конституция? – задумчиво произнёс мой напарник, наблюдая, как ополченцы грузят в машину тела погибших. – Я тут кое-что слышал об ихнем директоре школы. Юрист по образованию, имел успешную практику, уехал в деревню, когда заболела его дочка, пошёл работать учителем в школу. Уважаемый человек, между прочим.

– А мне, Миша, сейчас интересно иное – почему американцы поехали на восток? – отозвался я. – Не на запад, не на север, а именно на восток?

– Ну, ты и спросил, Вовка, – сплюнул Ковалёв. – Этот Коллинз хрен чего нам скажет – твёрдый, как кремь, умён, грамотный профессионал. Я бы посидел с ним, попробовал бы поговорить по душам, но, боюсь, перепьёт он меня, грешного.

– Думаешь? Надо бы вечером попробовать, за знакомство, – решил я, припомнив, что у Еремеева имелся солидный запас выпивки в личном баре. – Думаю, Николай не обидится, если мы напьёмся за его здоровье.

Спустя какое-то время на пороге правления наконец-то вновь появился американский хирург. Усталый, в очень грязном халате, но с довольным выражением на лице. Следом за Коллинзом вышла Марина, присела на ступеньках крыльца, попросила закурить и чего-нибудь спиртного. Подполковник пристально посмотрел на нашу переводчицу, но ничего не сказал, лишь недовольно дёрнул уголком рта.

Не обращая внимания на мнение морпеха, я велел своим организовать сигарету, сам дал девушке фляжку с вискарём, а затем усадил Марину в машину. Переводчица провела несколько часов в темной операционной и имела полное право подымить в своё удовольствие и даже напиться вдрызг. Вскоре в дверях показалась Диана и другие американские медики, выглядевшие словно зомби из фильмов ужасов.

– Господин майор, все операции прошли успешно, – произнёс Коллинз, когда я вместе с Костей подошёл к крыльцу. – Теперь вам следует обеспечить заботу и уход за наиболее тяжёлыми из пациентов. Имейте в виду – перевозить их пока нельзя. Девушка вообще практически вернулась с того света. Я понимаю, что она участвовала в бунте, но можно считать, что Бог уже наказал её за все грехи.

– Я понял вас, господин подполковник. Даже не знаю, сможем ли мы как-нибудь отблагодарить вас и всех ваших людей за доброту и самоотверженность, – ответил я. – Мы предоставляем в ваше полное распоряжение дом господина Еремеева, которому вы недавно спасли жизнь. Там есть душ и прочие санитарные удобства.

– О да, душ был бы сейчас как раз кстати, – снимая халат, высоким голосом произнесла капитанша. – Дэвид, вы позволите дамам первыми принять душ?

– Конечно, Джулия. Так и быть: вы с Кейт примите душ первыми. Постарайтесь не израсходовать всю горячую воду – она теперь жуткий дефицит, – чуть улыбнулся американец. – Владимир, вы слышали когда-нибудь о клятве Гиппократы? Возможно, я придерживаюсь старомодных принципов, но стараюсь поступать так, как бы поступил Христос. Мы не могли не помочь раненым, так как имели возможность это сделать.

Я подозвал местного фельдшера, полдюжины местных женщин, вызвавшихся поработать добровольными сиделками, представил им Дэвида. Диане хватило знаний её английского, чтобы объяснить женщинам, что от них требует заграничный хирург. Поразмыслив, мы оставили старшей из сиделок рацию, наказав докладывать каждые полчаса, и немедленно бить тревогу в экстренном случае.

Появился Никитин со своими приближёнными, отрядил четверых бойцов, чтобы отнести домой раненого товарища. Рабиновича заперли в какой-то камерке в здании правления, выставили часового. Остальных задержанных ополченцы погнали пешком почти через всю деревню, предварительно пообещав мне пристрелить любого, кто дёрнется бежать.

– Странный он какой-то, этот Коллинз, – задумчиво произнёс Ковалёв, когда мы вели за собой колонну американской техники на нашу базу. – Рассуждает о Христе, словно проповедник, следует древним клятвам. Чудно.

– Иное мышление, иное воспитание, иной образ жизни, – пожал плечами я. – Тот образ тупых и бессовестных американцев, который тщательно навязывается с помощью СМИ, не всегда соответствует реалиям. В жизни вообще часто все бывает не так, как это кажется поначалу.

– Ну, то, что эти амеры вояки не особо серьёзные – видно невооружённым глазом, – вступил в разговор Соловьёв. – Автомат держать, конечно, умеют, но не более.

– Зато умеют работать скальпелем, на что способен отнюдь не каждый, – возразил я. – Будь на их месте крутые спецназеры – лежать бы сейчас Кольке в церкви, рядом с Антоновым и Федосеевым.

– Твоя правда, майор, – согласился со мной тёзка. – Чёрт, ну, как же вы так, мужики, а?

– А вот так – какомверху. Лопухнулись мы, и всё тут, – зло отозвался Михаил. – Сам завтра увидишь видео, когда суд будет. А сейчас не бреди рану, и так тошно.

Мы потеснились, перебравшись, кто куда, расселили вновь прибывших с комфортом. Дом у Николая, конечно, не маленький, но в нём никак не помещались дополнительные семеро человек, а именно столько было гостей-американцев. Семь морпехов, среди которых пара женщин и один легкораненый боец. Женщины, впрочем, казались способными за себя постоять, и, как показала практика, были привычны к виду крови.

Прикинув количество едоков, Саша Барулин вздохнул и попросил помочь ему с готовкой. Пришлось почти всей толпой топтать на кухню. Вскоре туда же заглянул лейтенант-американец, и, не говоря лишних слов, присоединился к чистке картошки. За ним появились и другие морпехи, принялись помогать, кто чем, толкаясь и мешая друг другу.

Капитан посмотрел на этот бедлам и отобрал себе пятерых «поварят». В результате я оказался лишним, вышел во двор, где и столкнулся с Коллинзом. Тот общался со слегка подвыпившей Мариной и, что удивительно, не смотрел на девушку с осуждением, как это было у здания администрации.

Американец, похоже, успел расспросить Марину про полёт «аэробуса» и его посадку на воду, про то, что на шоссе приземлились ещё два авиалайнера, и про многое другое. Девушка

ничего не скрывала, говорила и говорила, Коллинз лишь качал головой, уточняя какие-то детали. Мда, морпех – он и в Африке морпех, даже если полевой хирург.

– Владимир, можно ли нам съездить на побережье, а затем посмотреть самолёты? – увидев меня, поинтересовался подполковник. – Мы возьмём с собой эту замечательную девушку, если она будет не против.

– Хорошо, Дэвид, сейчас пообедаем, дадим задачи личному составу и съездим на море, – подумав, я согласился с предложением американца. – А затем я бы хотел проехать к тому месту, где вы пересекли границы миров – когда выехали с полигона и когда вновь вернулись в «наш» мир.

Спустя примерно час с небольшим я ехал к морю вместе с Коллинзом на его «хамви». Для начала подполковник попросил показать ему дорогу к церкви, где он поднялся на колокольню и зафиксировал весь окружающий ландшафт на свою видеокамеру. Затем американец проложил весьма сложный маршрут, в результате чего мы посетили место аварии фуры с удовольствием, а затем прокатились по пляжу, огибая лесистый мыс.

Вскоре впереди показался полузатонувший «аэробус», какие-то обломки на песке, следы гусениц «витязя», тянущиеся к пробитой сквозь лес дороге. Мы свернули на этот путь и уже через три минуты выехали на шоссе, где повернули налево, в сторону «аэропорта Данилово». Так со вчерашнего дня величали место стоянки на трассе двух успешно приземлившихся самолётов – «боинга» и «ила».

Работавшие в поте лица лётчики не ждали никаких гостей, но были в курсе всех новостей посёлка. Получив известие о жертвах среди мирного населения, Анисин отослал в Данилово пару ополченцев, выставленных погибшим участковым для охраны авиалайнеров. Затем из посёлка примчались несколько пацанов, которые до стрельбы крутились вокруг да около, и рассказали, что произошло. Рассудив, что лётчики ничем не помогут ни раненым, ни погибшим, пилоты продолжили снимать двигатели с «боинга».

После появления американских морских пехотинцев работа застопорилась. Немцы и французы – отличные работяги, по словам наших пилотов – втянули подполковника в длительную беседу. Марина едва успевала переводить, я слушал, узнавая для себя множество интересных моментов и технических подробностей.

В общем, оказалось, что самолёт «Люфтганзы» практически не имеет шансов вновь подняться в воздух – повреждённая при посадке стойка носового шасси требовала заводского ремонта. Чудо, что она ещё полностью не накрылась. Лётчики трёх стран изучили проблему и решили, что «боинг» может стать кладезем запчастей и материалов, которые однозначно понадобятся нам, землянам.

Наш же «ил» был в рабочем состоянии и мог взлететь в любой момент. Оставалось лишь освободить взлётную полосу, для чего требовалось столкнуть «немца» с трассы. Дело в общем-то не особо сложное, но состояние почвы вокруг шоссе не позволяло просто так выпихнуть многотонную машину в чистое поле. Поэтому экипажи занялись облегчением «боинга» – снимали с самолёта двигатели и другие ценные девайсы. Кроме этого, французы надеялись в перспективе вытащить на берег и собственный «аэробус», чтобы разобрать его. Планы, как говорится, наполеоновские, и оставалось надеяться, что возможности лётчиков не разойдутся с их намерениями.

– Владимир, я многое повидал и имею полное право утверждать, что эти люди – самые настоящие герои, – заявил мне Коллинз, когда мы распрощались с пилотами и уехали с шоссе. – Да, да, не я, не мы, медики, а они – спасшие сотни жизней. Я надеюсь, что их знания и опыт будут востребованы в этом новом мире.

– Согласен, Дэвид, – кивнул я. – Предлагаю сегодня вечером посидеть всем коллективом, отметить наше знакомство, помянуть погибших и просто подлечить нервы.

– А ты хитрец, товарищ майор, – улыбнулся подполковник. – Ладно, будь по-твоему – посидим, выпьем водки – русского национального напитка.

– Будешь смеяться, Дэвид, но бар у Ерёмы забит вашим виски и французским коньяком, – засмеялся я. – Там всего лишь пара бутылок водки, да и та шведская.

– Расскажи мне, Владимир, про своего друга Ер-йоу-му, – попросил Коллинз. – Вы, как и мы, воевали с талибами, да?

– В те времена их называли «духами», – помолчав, я решил рассказать американцам, как мы лазили по горам, сидели в засадах, ставили минные поля, ели из одного котелка. – После развала Союза в Таджикистане началась гражданская война...

Как-то незаметно я втянулся в повествование и вскоре обратил внимание, что подполковник очень внимательно меня слушает. Стоявший за турелью сержант Мак-Кинли спустился вниз, притих на своём сиденье и даже перестал жевать жвачку. Марина переводила, причём делала это с куда большим интересом, чем беседу морпехов с пилотами.

– Мы приехали, Владимир, – неожиданно прервал меня Коллинз. – Вот это место, где мы пересекли границу с Россией. Там, дальше – чужой лес, чужие звери, абсолютно не наша земля. Я не рискну ехать туда на этой «жестянке». Туда надо ехать на бронемашине.

– Дэвид, а сколько километров вы проехали по чужой земле между полигоном и нами? – поинтересовался я, удивляясь про себя неожиданной трусости американца. Впрочем, на нас никакие «тигры» не нападали, и мы углублялись в чужой мир метров на двести, не более. – Меня интересует расстояние по прямой.

– Сколько по прямой – я не знаю, – подумав, ответил подполковник. – Мы покружили по чужому лесу около часа, прежде чем выбрали более-менее проходимый маршрут. Думаю, полоса чужой земли тянется на двенадцать-пятнадцать... эээ, километров.

– Десять-двенадцать километров, сэр, – уточнил сидевший позади сержант. – Я почти всегда стоял на месте, пока вы с лейтенантом искали дорогу, поэтому примерно запомнил, сколько мы проехали без блужданий.

– Да, да, Рон вёл грузовик, к которому мы возвращались раза четыре, – кивнул Коллинз.

– Ладно, поехали обратно в Данилово, – решил я, поглазев на пробитую американцами дорожку сквозь кустарник. – Дэвид, я всё-таки хочу проехать по вашему маршруту, посмотреть ваш полигон. Никогда не был в Штатах – хочется побывать.

– Хорошо, Владимир, ты побываешь в Америке. Мы, кстати, также никогда не бывали в России, – усмехнулся хирург. – Имей в виду, что на нашем полигоне расставлены мишени для боевых стрельб – корпуса старой и разбитой техники, годной лишь на металл. Поэтому ничему там не удивляйся.

Когда мы приехали обратно на базу, ко мне подошёл Михаил, извинился перед гостями и отозвал меня в сторону для частного разговора. Я удивился такой конспирации, сказал американцам, что сейчас подойду, и последовал за капитаном.

– Володя, знаешь, что я видел у ополченцев? Автоматы! Самые настоящие ПэПэШа. Не шучу, – Ковалёв действительно был обеспокоен не на шутку. – Пока тебя не было, Никитин прислал вестового на велосипеде, и тот передал записку. Вот она. А у вестового за спиной был «шпагин», я отвечаю.

– Ну, и что из этого? У нас же есть пулемёт, немецкий, почему бы и Василию не раскопать старый схрон, – заметил я, читая записку от нового главы. – Странно, почему он послал из-за ерунды вестового, когда бы мог просто вызвать по рации.

– Вот и я не понимаю, зачем присылать автоматчика, когда есть рации, – нахмурился мой напарник. – Это ещё не всё. Американка Кейт заперлась в ихнем броневике и разговаривала с кем-то по радио. Сам я не видел, но мне Лёня сказал, охранник. Не к добру это, что-то они затевают, эти чёртовы америкосы.

– Может, Коллинз не сказал нам всей правды, и на их полигоне оказалось крупное подразделение «кожаных воротников», и те вскоре пожалуют вслед за разведчиками? – предположил я. – Хм, это не объясняет, почему отряд подполковника двинулся в путь... По идее, медики должны сидеть в тылах, а не лезть вперёд, вместо разведчиков. Если бы у этих семи амеров были товарищи, то они давно бы пожаловали в Данилово. Нет, в этом нет логики, здесь что-то другое.

– Ну, как знаешь, – насупился Ковалёв. – Я доложил тебе о своих подозрениях, а ты решаешь, что теперь делать.

– Не будем спешить, Миша, – решил я, вновь пробежав глазами записку Никитина. – Полагаю, что ты уже поделился подозрениями с парнями, а наших оперов никакие морпехи не обведут вокруг пальца.

– Да, мужики держат ухо востро, – хищно оскалился капитан. – Если что, мы уделаем пиндосов первыми, причём по-тихому.

Около часа спустя мы с Ковалёвым отправились на разговор с новым главой, решив на обратном пути завернуть к «госпиталю». Двор Никитина нашли быстро, благо заранее знали, куда свернуть. После известных событий глава решил не тревожить покой раненых и перенёс штаб в своё собственное жилище.

– Проходите, товарищи, почувствуйте себя, как дома, – в ответ на приветствие кивнул Василий, сразу же представляя коренастого дядьку в камуфляжной кепке. – Знакомьтесь: Александр Матвеевич Доценко, с сегодняшнего дня отвечающий за возрождение покинутых деревень.

– Смотри, ты не верил, – пихнул меня локтем Михаил. – Вон, у Александра Матвеевича «шпагин» на плече, готов поставить, что не муляж и не игрушечный.

Действительно, на плече гостя висел автомат Шпагина с дисковым магазином. Держался Доценко свободно, уверенно, как и полагается вооружённому человеку, не боящемуся никого и ничего. Дядька пожал нам руки, пристально оглядел с ног до головы, словно впервые видел. Хотя, может, так оно и было.

– Присаживайтесь на диван, мужики. А ты, Матвеич, не тани, излагай свою просьбу, – Никитин присел на стул напротив нас. – Наташа! Принеси нам чего-нибудь перекусить, гостей угостить.

– Дела у нас не самые весёлые, товарищи, – Доценко погладил свои пышные усы, бросил острый взгляд в нашу сторону. – Чтобы всем выжить, надо немедленно начать посевные работы. Для этого требуется земля, горючее, техника, семенной фонд и рабочие руки. В достатке у нас лишь последнее и предпоследнее. Земля, к сожалению, частично запущена, а солярки для тракторов хватит на месяц-другой.

– В посёлке есть несколько лошадей, – напомнил новый глава. – Пахать, кстати, можно и на коровах. В войну, Матвеич, и не такое бывало.

– Придёт время – будем пахать и на коровах, – вполне серьёзным тоном произнёс собеседник. – А пока надо выжимать максимум из техники. В общем, с завтрашнего дня мы начинаем распахивать заброшенные поля, и заново отстраивать покинутые деревни. Для этого нужен ваш вездеход, без которого нам никак.

– И нафига вам «витязь»? – поинтересовался мой напарник. – Это же не трактор, на нём пахать как-то не очень.

– Никто не собирается пахать на «витязе», он нужен нам как самоходный дом для бригады строителей, – Доценко, похоже, совершенно не имел чувства юмора. – Вы были на ферме Макеева, и лучше нас знаете, какие звери бродят в чужих лесах. Мужикам, которые первыми начнут работу в покинутых деревнях, придётся ежедневно рисковать своей собственной шкурой. У нас есть автобус, пара бытовок на колёсах, но это не совсем то, что нужно.

– Что же, «витязь» подходит на роль самоходной крепости, – я согласился с железной аргументацией Матвеича. – Работать, как понимаю, будете вахтовым методом?

– Да, нет никакого смысла кататься туда-сюда, да попусту жечь горючее, – ответил собеседник. – Поедем сразу целой бригадой, человек пятнадцать, восстановим наиболее сохранившиеся дома, потом перейдём к следующей деревеньке. Даст бог, за пару недель управимся, начнём расселять народ.

– Я всё-таки спрошу: а где вы раздобыли свой Пэ-ПэШа, Александр Матвеевич? – не удержал любопытства мой напарник. – Уж больно он хорошо сохранился, ажно завидно.

– Где взяли, там, к сожалению, больше нет, – вместо Доценко отозвался Никитин. – Мы же не спрашивали вас, где вы отрыли ЭмГэ.

– Михаила интересует, каким образом удалось обеспечить столь хороший внешний вид оружия, – усмехнувшись, уточнил я. – С патронами, кстати, как – не сгнили?

– Секрет сохранности прост: герметичная бочка, солидол, отсутствие перепадов температур, – улыбнулся в ответ Василий. – Патроны ещё толком не отстреливали, не до того было. Наташа! Гости, что, так и уйдут голодными?

Появилась хозяйка, вполне симпатичная женщина около сорока лет, принесла большой поднос с разно-образными холодными закусками. Затем на столе появился чайник, домашний пирог, банка с малиновым вареньем. Пожелав всем приятного аппетита, супруга Никитина удалилась, шурша юбкой. Василий хмыкнул, гордо глянув в нашу сторону, мол, хороша Маша, да не ваша.

За трапезой поговорили практически обо всём, обсудили многие вопросы, согласовав некоторые позиции с местной властью. В частности, новый глава реорганизовал работу наблюдателей на колокольне, заменив местных девушек квартетом пенсионеров уже непризывного возраста. Кроме этого, Никитин послал в Замятино ещё пятерых ополченцев, чтобы усилить отряд Семён Семёныча. На эту деревеньку, как мы поняли, местные власти возлагали огромные надежды в плане расселения народа.

Попутно мы решили вопрос о замене «витязя» парой грузовиков, чтобы лётчики смогли демонтировать двигатели с «боинга». Василию ещё раньше понравилась идея превратить авиалайнер в комфортабельное общежитие, но он сразу же предупредил, что без помощи местных пилоты сразу же сядут в лужу. Почти в прямом смысле этого слова, так как почва вокруг того участка шоссе очень вязкая.

Самолёт можно было столкнуть с трассы, лишь построив бетонные дорожки под его шасси. Материал для этого – бетонные плиты – как оказалось, имелся, и, по идее, в достаточном количестве. Не так давно в Данилово началось возведение двух особняков для каких-то не самых бедных горожан, материалы для стройки подвозили весь апрель, в том числе кирпич, арматуру, бетонные перекрытия. Теперь местные планировали использовать всё это добро для ремонта домов в Замятино и в заброшенных деревнях.

Кроме этого, Никитин намекнул, что еремеевский забор построен из очень хороших плит, которым нашлось бы и иное применение. Я согласился с идеей Василия, предложив для приличия дожидаться одобрения со стороны хозяина этого забора. А то как-то неприлично ломать постройки в доме человека, который приютил тебя и многочисленных незваных гостей. Начнёшь с забора, а там и до брусчатки руки дойдут, и до прочего.

В конце разговора, уже под чаёк, обсудили американцев, которые оставались «тёмной лошадкой», непредсказуемой, но с очень хорошими зубами. Никитин предложил идею интегрировать морпехов в силы самообороны Данилово, чтобы амеры не оказались в стороне от общественных процессов и не стали бы источником каких-нибудь проблем. Коллинз в этом случае назначался бы главным по медицине, с весьма широкими властными полномочиями. Я пообещал подумать, прозондировать позицию Дэвида на этот счёт, обставить данное предложение так, чтобы подполковнику сложно было бы пойти в отказ.

– Василий, думаю, ты прекрасно понимаешь, что завтра трибунал вынесет десяток смертных приговоров, которые надо будет приводить в исполнение, – я решил заранее расставить все точки над «і». – Имей в виду: ни я, ни мои люди в палачи не пойдут. Одно дело убить, когда на тебя нападают, и совсем иное – казнить, пусть даже преступников. Поверь, я знаю, о чём говорю.

– Умеешь ты под конец обломать, майор, – тяжело вздохнул глава. – Думаешь, если мы деревенские, то нам пофигу, кого закалывать – кабанчика или человека? Да у меня самого эта мысль о казни не выходит из головы, постоянно давит и давит, как не знаю, что. Не знаю я, кому поручить это дело! Не знаю!

– Смягчить приговор, как я понимаю, невозможно? – на всякий случай закинул удочку Ковалёв. – Ну, типа, заменить «вышку» пожизненным или каторгой?

– Нет, Миша, не в данном случае, – отрицательно покачал головой я. – Да никто и не пойдёт на такое, не тот мир и не то время.

– Есть один вариант, товарищи начальники, – неожиданно заговорил Доценко. – Даст бог, никому из наших не придётся проливать кровушку и брать лишний грех на душу.

– Говори, Александр Матвеевич, что за вариант такой? – сразу же оживился Никитин. – А то хоть самим в палачи идти.

– Тех, кого приговорят казнить, надо попросту запереть в подвале старой водонапорной башни, не кормить их и не поить, – промолвил гость, очень внимательно наблюдая за нашей реакцией. – Остальное они сделают сами. Жестоко, конечно, но Романа Георгиевича нам никто не заменит, да и Антонову они не дали ни одного шанса.

– Жестоко. Жестоко, но справедливо, – помолчав, согласился глава. – И я не вижу никакого иного решения. Наверное, так и поступим, если никто не захочет марать руки о всякую грязь.

– Ладно, товарищи, будем считать, что вопрос решён, – глянув на часы, я поднялся на ноги. – Нам ещё надо американцам застолье выкатить, напоить, накормить и в печь посадить. Шучу. Удачи, мужики.

– Чёрт, да этот Доценко хуже маньяка, – уже на улице произнёс мой напарник. – Интересно, не сидел ли он, часом? А если сидел, то по какой статье?

– Да пофигу, Миша, – отозвался я, садясь за руль. – Забудь и забей. Жизнь пошла другим путём, и всем нам дали второй шанс. Наше прошлое осталось в другом мире. Извини.

Ковалёв ничего не сказал, лишь громче обычного хлопнул дверью. Мы поехали на базу через «госпиталь», проведали раненых, поговорили с сиделками. Выяснили, что ни Николай, ни девушка ещё не пришли в себя, а полчаса назад пациентов провела американская докторша-капитан, приехавшая с переводчицей на «хамви». Джулия, как я понял, намеревалась заступить на ночное дежурство, чтобы лично контролировать состояние пациентов. Американцы взяли очередные очки в свою пользу.

Вечером пили почти все, невзирая на национальность, звания и пол. Кто-то выпил чуть больше, кто-то – часовые на воротах – лишь пригубил символически. Зато все поели, сколько хотели, никто не остался голодным. Во дворе дома развели большой костёр, пару костров поменьше для шашлыков и барбекю, пустили по кругу пару бутылок отличного виски. Зеленцов распорядился, чтобы Костя сгонял в «госпиталь» с угощением для Джулии и сержанта Мак-Кинли, которые следили за состоянием раненых.

Пока народ отдыхал и расслаблялся, я улучил момент, отловил Марину, а затем попросил Коллинза улизнуть для беседы тет-а-тет. Дэвид, похоже, несколько не удивился и пошагал с нами к мостику через ручей. Предупредив переводчицу, что отныне она включена в круг посвящённых, я приступил к беседе с подполковником.

Американец удивил. Как оказалось, он сам хотел занять какое-то место в местной иерархии, чтобы форматировать многонациональную толпу пассажиров во что-то более похожее на

коллектив. Надо сказать, что иностранные граждане сразу же прониклись уважением к Коллинзу и его людям, признали влияние и авторитет морпехов и прислушивались к мнению подполковника.

В то же время Коллинз не хотел давать никаких обещаний сейчас и здесь, отшучивался, предлагал для начала освободить шоссе и совершить облёт хотя бы ближайших окрестностей нового мира. Американец не исключал, что кроме всех нас в чужом мире оказалось множество землян, среди которых могут оказаться самые разные люди и сообщества. К примеру, подполковник не хотел бы встречаться с китайцами, с вьетнамцами, не желал бы жить по соседству с арабами и с любыми другими мусульманами.

Я быстренько прикинул национально-религиозный состав населения Данилово и стал активно расписывать Коллинзу, как ему повезло с русскими. Дэвид не спорил, соглашался, но продолжал гнуть свою линию. В конце концов, мне удалось выжать из американца обещание, что тот подумает денька три и примет какое-либо решение.

Марину этой ночью я так и не отпустил. Как-то само собой получилось, что после ухода Коллинза мы остались на мостике одни и продолжили разговор о нас. Затем уединились в одной из запирающихся на ключ комнат еремеевского особняка и перешли к сладкому. Девушка оказалась горячей, достаточно опытной, жаждущей ласки и ощущений после пережитых стрессов. А стрессы, как известно, хорошо снимаются интимной близостью с особями противоположного пола.

Под утро меня разбудил Толик и, страшно зевая, сообщил, что шефу пора бы отправляться на дежурство, а не почивать с красавицей под боком. Я шутливо погрозил Новичонкову кулаком, тихонько, чтобы не разбудить Марину, улизнул из комнаты, вышел во двор. Стоял тот предрассветный час, когда ночь постепенно сдавала свои права нарождающемуся дню, таяли сумерки, а по низинам стлался туман. В почти полной тишине с моря доносился лёгкий шум прибоя, обычно не слышный в дневное время.

Дежурили на пару с Марком, эмчезником из Архангельска. До этого момента у меня как-то не получалось пообщаться с этим парнем, и я постарался восполнить данное упущение. Как оказалось, Марк имел в своём послужном списке военное прошлое – служил на Кавказе в спецназе внутренних войск, о чём предпочитал не распространяться.

Я припомнил, что Барулин упоминал о командировках Мышкина, имевшего звание капитана, но по какой-то причине эта информация влетела мне в одно ухо, а через другое вылетела. Мда, старею. На вид Марк – тихий скромный парень, даже немного стеснительный, и никто бы не подумал, что он владеет практически всеми видами стрелкового оружия, водит БТР, умеет работать с ножом, сапёрной лопаткой. Кроме этого, не понаслышке знаком с миномётом, АГСом, различными минами и взрывными устройствами.

В общем, я подумал и предложил Мышкину на выбор автомат или снайперскую винтовку. Марк подумал и выбрал СКС с оптикой, а как дополнительное оружие – старый, проверенный временем ТТ. Тот самый, с глушителем, из еремеевского запаса. Попутно наш новый снайпер намекнул, что неплохо бы стянуть что-нибудь зачётное у американцев, уж очень у них навороченные стволы, ажно завидно. Я засмеялся и ответил, что морпехи скоро перейдут из разряда гостей и союзников в статус нашего личного состава.

Ночь не принесла никаких проблем или неожиданностей. Всё те же ежечасные переключки по рации, спокойные доклады ополченцев с ближайших ферм, очередные нервы Семён Семёныча, вновь увидавшего на околице Замятино слонов. Я вновь запретил бывшему военному стрелять в этих животных, чтобы не провоцировать их ответной ненависти. Если слоны не трогают нас, то и людям нет особой необходимости бить зверей, пусть даже ради мяса. Мы ещё не настолько голодаем, чтобы устраивать форменную бойню этих миролюбивых животных.

Новый день начался с визита целой толпы даниловских мужиков, под предводительством уже знакомого нам Доценко. Народ, как я понял, пожаловал почти всей бригадой – и себя показать, и на американцев посмотреть. Последние, похоже, оценили наличие у ополченцев семи автоматов – пары «ксюх» и пяти ППШ. Это, не считая других стволов, в основном охотничьего оружия. Сразу было видно, что Доценко подошел к предстоящему делу на полном серьёзе и подобрал к себе в бригаду не менее ответственных товарищей.

Пока Марк передавал мужикам материальную часть, я выяснил, что ополченцы планируют немедленно заняться модернизацией «витязя» по своему проекту, а затем сразу же выехать на место. По словам Доценко, никто из его бригады не собирался присутствовать на предстоящем суде. Мужики нисколько не сомневались, что народный трибунал примет единственное справедливое решение, и не хотели зазря тратить драгоценное время. Ну да, всё правильно – если сейчас не позаботиться о будущем, то через какое-то время мы коллективно положим зубы на полку.

Следом за вездеходом усадьбу покинули лётчики, направившись к Никитину за обещанными вчера бетонными плитами и техникой взамен «витязя». Когда я сообщил Анисину, что отныне Марк вливается в наше боевое ядро, Юрий погрузился – ему жаль было терять такого классного специалиста. Попытался было отвоевать эмчээсника обратно, но потерпел фиаско – я стоял намертво.

На помощь Анисину неожиданно пришёл Коллинз. Заинтересованный в самолёте американец предложил лётчикам двух своих подчинённых – сержанта Мак-Кинли и ещё одного капрала. Эти двое морпехов, по словам подполковника, могли разобрать и собрать любую технику, от компьютеров до танка «Абрамс». Подумав, Юрий согласился с предложением Дэвида и уточнил, чтобы американцы захватили себе сухой паёк на целый день. Пилоты также не собирались тратить время на судебное заседание, исход которого был предreshён заранее.

Спустя примерно полчаса на связь вышла Джулия, она же капитан Санчес, сообщив нам хорошую новость – Еремеев пришёл в себя. Мы с Михаилом прервали участие в приготовлении завтрака, захватили с собой Лёню, прыгнули в джип и помчались к «госпиталю». Зря, конечно, неслись, словно на пожар, всё равно не успели: Николай уснул, напичканный новыми медикаментами. Следом за Ерёмой пришла в себя и девушка, едва не отправившаяся вчера на тот свет. Обвела взглядом помещение, понаблюдала за фигуристой капитаншей в экзотическом камуфляже и погрузилась в сон, когда Джулия добавила в её капельницу какого-то там препарата.

Ожидая, пока с базы приедет дневная смена в лице Дианы, мы переговорили с капитаном Санчес о состоянии всех её пациентов и возможных сроках их излечения. Затем, прихватив задержанного Рабиновича, поехали к церкви, куда уже постепенно стекался народ. Вскоре своим ходом прибыли остальные обвиняемые, в сопровождении конвоя из ополченцев и моих парней. Я слегка удивился, увидев среди своих Коллинза с сержантом Мак-Кинли, которые внимательно слушали, что им рассказывала Марина.

Появился Никитин со своим отрядом из родственников и приближённых, группа присяжных, выбранных по жребию из числа местных жителей и граждан РФ, волей случая оказавшихся в Данилово. Новый глава, как я понял, стремился к скорейшей интеграции пассажиров в местное общество, поэтому расширил круг избираемых присяжных, включив в него всех русскоязычных. Иностранцам Василий не доверял, интуитивно чувствуя чуждость их менталитета и буржуинские замашки. Исключение составляли лишь пилоты обеих западных авиакомпаний и американские морские пехотинцы, делом доказавшие, по выражению Никитина, свою способность носить штаны в любой ситуации.

Последним появился судья – им оказался директор школы, Юрий Александрович Вышинский, он же составитель новой Конституции и УК для даниловского анклава. Папочку

с копиями этих самых Конституции и УК Вышинский, кстати, вручил мне сразу же, как только поздоровался.

Я полистал новоиспечённый Кодекс, пробежался глазами по статьям, количество которых сократилось в разы, и понял, что Юрий Александрович прямо-таки натуральный анархист – учитель ни словом не упомянул ни государство, ни общественно-политический строй, ни тему оскорблений чести и достоинства местной власти. Может, оно и правильно: единственная в Данилово власть не страдала комплексом неполноценности, могла постоять и за свою честь, и за честь народа, продемонстрировав, кхм... своё достоинство любому желающему.

С другой стороны, я не заметил каких-либо вопиющих неточностей и неясностей – всё было сформулировано чётко и юридически грамотно. Украл – возмести причинённый тобой ущерб, убил человека – будь готов отправиться вслед за покойным, организовал какое-нибудь преступление – получи на всю катушку по совокупности и распишись в доставке. Преступления в составе группы квалифицировались как совершённые с отягчающими обстоятельствами.

Заглянул, пока было время, и в текст Конституции. Здесь Юрий Александрович также пошёл по пути предков – власть в Данилово и его окрестностях принадлежала народу, народное вече избирало главу посёлка и его помощников, то есть администрацию. Все ресурсы и богатства из старого мира объявлялись общественной собственностью, и могли быть экспропрированы в случае чрезвычайных ситуаций, список которых прилагался чуть ниже.

Одновременно сохранялся и принцип неприкосновенности частной собственности, владения движимым и недвижимым имуществом. Ну да, здешние фермеры, мигом выросшие в масштабах чуть ли ни до олигархов, не желали выпускать из рук рычаги управления обществом. Разрешалось и поощрялось свободное ношение оружия, как огнестрельного, так и холодного. Более того, в обязанности каждого гражданина буквально вменялась забота о собственном вооружении и готовность постоять за себя и за других.

Дочитав текст до конца, усмехнулся про себя: по всему выходило, что у даниловских граждан всего лишь две обязанности перед обществом – позаботиться о собственном пропитании и вооружаться до зубов, кто чем может и как может. Практически жизнь по принципу: не до жиру – быть бы живу.

Далее начался хорошо организованный спектакль. Судья зачитал пункты обвинения каждому из обвиняемых, предварительно «поздравив» их всех с тем, что их будут судить по новому законодательству. Затем Юрий Александрович приступил к опросу свидетелей, коих оказалось не менее двух десятков, на очереди был просмотр фото- и видеоматериалов, показания самих обвиняемых.

Ночь, проведённая в заточении, похоже, совершила настоящее чудо – большая часть обвиняемых раскаивалась в содеянном до глубины души, «закладывая» организаторов только так, просила о снисхождении. Впрочем, раскаивались не все.

Хотя руки депутата Белоусова тряслись, а личико заметно побледнело, он всё ещё пытался держать марку, стараясь доказать, что суд не имеет полномочий его судить, и т. д. Его подельник Рабинович размазывал по физиономии слёзы, давил на жалость, утверждая, что они никого не хотели убивать.

С девками, сыгравшими своими персями отвлекающую роль, случилась тяжелейшая истерика, и их пришлось связать. В принципе, подобную реакцию можно понять: ещё пару дней назад их красивые попки и ножки открывали путь к обладанию массой материальных ценностей, а теперь их жизнь отсчитывала последние часы. И никакие попки и ножки вкупе с кое-чем иным не в состоянии разругать сложившуюся ситуацию. Не те времена, не тот мир.

Лишь четверо обвиняемых вели себя полностью противоположно, чем основное большинство – они ни о чём не сожалели и ни в чём не раскаивались. Лера Рынская демонстративно целовалась со своей красавицей-подружкой, обещая встретиться со всеми даниловцами в аду, где местные поменяются с нею местами, и все мы окажемся на сковородках.

Двое мужиков зрелого возраста, похоже, отсидевшие в прошлом, проявили характер и держались с достоинством обречённых. Свою вину признавать и не думали, открыто заявляя, что и суд и мусора – конченные, ну, вы поняли, кто. Полагаю, в другой ситуации такое поведение на суде зачлось бы этим двум офигенным бонусом в камере, но сейчас... Как уже говорилось, в Данилово уже действовал совершенно иной закон.

В общем, присяжные приговорили шестерых организаторов убийства и беспорядков к высшей мере наказания, без каких-либо отсрочек и волокиты с апелляциями. Десять человек, в том числе и пару недалёких умом фотомоделей, приговорили к пожизненному труду на благо общества, с возможностью помилования лет через десять, если те покажут себя стоящими людьми. Оставшейся «группе поддержки» вклеили по «десятке» каждому на трудовом фронте, с аналогичной возможностью досрочного помилования лет через пять.

Наш народ встретил объявления приговора гулом одобрения, пассажиры-иностранцы помалкивали, удивлённые нейтральной позицией главных «борцов за права человека» старого мира – американцев. Видя, что на него обращено общественное внимание, Коллинз пожал плечами и, подойдя к судье, демонстративно пожал тому руку. После этого морпехи и вовсе удалились к шоссе – крутить гайки вместе с лётчиками и своими коллегами.

– Володя, если ты с операми не шибко занят, то помогите нам с погрузкой стройматериалов, – обратился ко мне Никитин, когда приговорённых повели (и потащили) обратно в импровизированную «тюрьму». – Мне надо бы, наверное, поприсутствовать на отпевании, но не хочу терять ещё два часа светлого времени. Нам сообщат, когда начнут выносить из церкви, так что, успеем подъехать. Пусть уж Роман Георгиевич и Антонов простят меня, грешного, но сейчас надо думать о живых.

– О чём разговор, Василий, давай дорогу показывай, – кивнул я и обернулся к своим. – Парни, едем работать, все по машинам.

Проехав примерно половину посёлка, мы свернули в неприметный переулок и через сотню метров оказались на самой натуральной стройплощадке. Здесь, как нам объяснил глава, состоятельные горожане планировали построить пару коттеджей со сдвоенными гаражами и прочими хозпостройками. Новые хозяева успели залить фундамент, завезти стройматериал для стен и даже начать их возведение.

Кроме штабелей плит и блоков, на участке стоял вагончик для охраны и строителей. Сами строители остались в старом мире, а пожилой охранник, по словам Никитина, сразу же влился в ряды сельчан, так как ещё раньше успел познакомиться со здешней женщиной. Сейчас этот дядька вместе с отрядом Семён Семёныча сидел в Замятино, прямо на форпосте нашей цивилизации.

Техники не хватало, горючее экономилось, поэтому мы занялись погрузкой строительных блоков вручную. Это не самая тяжёлая работа для дюжины крепких мужиков, и спустя какое-то время под погрузку подошла вторая машина. Затем из церкви примчался посыльный, сообщив, что отец Серафим заканчивает отпевание, и нам пора бы явиться на похороны. Как ни крути, а новый глава обязан сказать речь, отдать дань памяти и уважения погибшим. Да, и товарищи полицейские с некоторых пор уже не чужие. Василий, работавший наравне со всеми, сказал, что успеем, и, поднажав, мы загрузили и вторую машину.

Затем мы поехали на кладбище, которое располагалось в полутора километрах севернее посёлка. Церемония прощания прошла относительно быстро, и через часик с небольшим мы возвратились обратно в Данилово, чтобы продолжить работу грузчиками. На сей раз под руководством седобородого старичка грузили кирпич, который планировалось отправить в Замятино для ремонта и возведения новых печей в пустующих хатах. Старичок оказался спецом по части печного дела, очень беспокоился, что мы работаем без должной аккуратности, с риском разбить его драгоценные кирпичи.

– «Невский», «Невский», ответь «Гдову», – неожиданно заверещала рация в самый разгар работы. – «Невский», отвечайте же, мать вашу!

– «Невский» слушает, – отозвался я, отметив, что у Семён Семёныча слишком взволнованный голос. – Что стряслось, «Гдов»?

– «Невский», к Данилово идёт колонна военной техники, и это не наши, не русские, – командир замятинского гарнизона, похоже, был близок к панике. – Васька Симаков видел танк и несколько броневинов, штук пять, не менее. Повторяю – это не наши, а чужаки!

– Млять, как чуял, что америкосы свинью подложат! – Ковалёв с силой запустил кирпич куда-то в кусты. – Вовка, надо грохнуть Коллинза, пока ещё можем!

– Что ж ты, ирод, кирпичи бьёшь? – дед-печник, похоже, оскорбился до глубины души. – Кирпич нынче в дефиците, где его брать, если каждый начнёт раскидывать его налево-направо, а?

– Да заткнись ты, старый! – вспыхнул мой напарник. – Задолбал уже со своими грёбаными кирпичами!

– Спокойно, Миша, – рядом оказался Руденко. – Что, а если это и не пиндосы вовсе? Сначала надо разобраться, не рубить сгоряча.

– Поехали на базу, заберём Витька с Володькой, а дальше – по обстоятельствам, – решил я. – Извини, дед, у человека совсем нервы сдали.

– У всех нервы, но никто кирпичи попусту не разбрасывает, – отозвался в ответ старик. – Удумали, мне, тоже – кирпичи по кустам раскидывать.

Неожиданно ополченцы-наблюдатели на колокольне ударили в колокол, и тотчас вышли на связь по рации. Спустя полминуты мы уже знали, что по грунтовке со стороны Замятино идёт колонна военной техники, неизвестно чьей. Затем наблюдатель сообщил, что американцы вывели со двора нашей базы две единицы своей техники – БТР и грузовик. Со стороны трассы появился один из «хамви», тот, с турелью, на котором ездил подполковник Коллинз.

– Евпатий-Коловратий, не, ну и дураки же мы! – выслушав доклад наблюдателей, сплюнул Ковалёв. – Сами пустили врага в свой дом, а теперь враг возьмёт нас тёпленькими!

– Успокойтесь, товарищ капитан, – обернулся в сторону моего напарника Соловьёв. – Пиндосы, конечно, те ещё суки, но и у них есть определённый кодекс чести. Уверен – к посёлку едут не их дружки, а кто-то другой.

– Сейчас разберёмся: вон, «хамви» Дэвида впереди нас, – произнёс я на подъезде к повороту на базу. – Что-то не вижу четвёртой машины, той, на которой катается Джулия.

– Ага, капитанши нема, – подтвердил Руденко. – А Кейт здесь, вон, у грузовика.

– Вечно ты одних баб замечаешь, – со злостью буркнул Михаил.

– Миша, остынь! Не заводись на пустом месте, – я посмотрел прямо в глаза своему напарнику. – Рус, он не со зла.

– Проехали, – отозвался с заднего сиденья оперативник. – Эх, надо было пулемёт на колокольню поставить.

Больше всего я опасался, что американский БТР развернёт башню и превратит из своего «бушмастера» наши машины в дуршлаг, набитый остывающим мясом и сочащийся соляной кровью. Однако морпехи лишь взглянули в нашу сторону, но даже не притронулись к своим М-16. Мы подъехали почти вплотную к «хамви» подполковника, остановились примерно в десятке метров.

– Костя!!! Бегом! – вылезая из машины, рявкнул я. – Друг Дэвид! Ты ничего не хочешь нам сказать? А то, млять, народ в полном ауто от таких финтов! Костя, последнее не переводи, не надо.

– Хай, Владимир, – Коллинз шагнул мне навстречу, поднимая вверх обе руки. – Товарищи, не пугайтесь, всё в полном порядке – сюда едут наши союзники.

– Какие, к чёрту, Дэвид, союзники? – я готов был испепелить американца взглядом. – Это ваши морпехи? Натовские войска?

– Нет-нет, не морская пехота США, и даже не солдаты Альянса, – отрицательно покачал головой хирург. – Сюда идёт колонна южноафриканских наёмников, такие, же как и мы, бедолаги, угодившие в иной мир.

– Чего? Какие наёмники? Откуда? – я был буквально ошеломлён новостью, так как ожидал совершенно иной ответ. – Дэвид, ты лично знаешь этих наёмников, или нет?

– Нет, сам я не знаком ни с одним из них, – Коллинз покосился на переводчика. – Я лишь знаю, что этот отряд наёмников дислоцировался где-то на границе Конго и Замбии, а потом они оказались здесь.

– Стоп. Костя, спроси-ка, как он узнал о наёмниках? – я глянул на Григорьева, а затем бросил быстрый взгляд в сторону американцев. – По рации?

– Да, сразу после катаклизма мы буквально просеивали весь эфир, и среди множества отрывочных контактов смогли установить нормальную связь с отрядом «солдат удачи», – подтвердил подполковник. – Затем мы поехали на соединение с наёмниками, но по пути слышали стрельбу. Дальше ты знаешь, Владимир.

– Вы связывались с юаровцами вчера, прямо перед вечеринкой, – я не спрашивал, я утверждал. – И знали, что они приедут сюда.

– Да, вчера вечером мы связались с ними по рации, сообщили, что задерживаемся на некоторый срок, – не стал отрицать Коллинз. – Они ответили, что утром вышлют нам навстречу колонну машин. Владимир, тем парням, как и вам, так же нужны доктора, нужны медикаменты. И, кстати, они вовсе не юаровцы – просто белые.

– Предлагаю прокатиться и встретить гостей на окраине, – поняв, что амеры переиграли нас по всем статьям, я решил, если что, использовать Дэвида в качестве заложника. – Пусть ваш бэтээр с грузовиком останутся здесь, а я поеду в твоей машине.

Коллинз не стал спорить, отдал необходимые распоряжения и сел в «хамви», ожидая меня. Я кивнул своим парням, которые слышали нашу беседу почти слово в слово, и когда те подошли, попросил их внимательно следить за эфиром. Если услышат, что я пошлю кого-нибудь... пешком в увлекательное сексуальное путешествие – пусть валят пиндосов и делают ноги прочь из Данилово. Отряд «диких гусей», увы, нам не по зубам. Хорошо было бы отобрать у янкесов их БТР, но, боюсь, без базуки его не вскрыешь. А внутри него – одним местом чую – засел лейтенант из числа морпехов, готовый покрошить незваных трофейщиков в мелкий фарш.

– Костя, есть вероятность, что мы сгинем ни за хрен собачий, – прикинув, я предложил Григорьеву сделать выбор. – Поедешь со мной?

– Так точно, Владимир Иванович, – на лице старшего лейтенанта проступила холодная решимость идти до конца. – Я готов ко всему.

Мы отъехали примерно на полкилометра и остановились, увидев впереди головную машину новых «гостей». «Гости», в свою очередь, углядев комитет по встрече, на ходу перестроили свою колонну. Идущая впереди помесь ежа с ужом притормозила, пропуская относительно небольшой трёхосный броневичок с очень серьёзной для его размеров пушкой. Проехав с десятков метров, броневик повернул и остановился, своим корпусом перекрыв почти половину шоссе. Башня пришла в движение, и орудие взяло на прицел близлежащий кустарник.

...Как же его звали-то: «сарацин» или «саладин»? – я припомнил, что уже видел похожую технику где-то в Интернете. Наследие британского колониализма, давным-давно снятое с вооружения в бывшей метрополии. Пушка, похоже, не родная, слишком здоровенная для такой машины... Вон, какой мощный дульный тормоз. Плюс крупнокалиберный пулемёт на башне. Всё по-взрослому, господа, всё по-взрослому...

Следом за сарацинистым салатинном, или салатинистым сарацином – потом разберёмся – появился второй шестиколёсный броневичок, шустрый, с маленькой башенкой, из которой торчал ствол пулемёта. БТР прокатил разделяющие нас метров двести, остановился, заглушив мотор.

На башне откинулась крышка люка, и оттуда показалась чья-то загорелая до черноты лысая голова с тактическими очками на носу и в наушниках с микрофоном у рта. Несколько секунд незнакомец рассматривал нас, словно мартышек в зоопарке, затем буркнул что-то в гарнитуру связи и исчез в люке.

Раздался лёгкий скрежет металла, и из чрева БТРа появился новый персонаж – облачённый в тропический камуфляж поджарый мужик лет сорока пяти. Загорелый, с гладко выбритым лицом, причёской «суперкороткий ёжик», с кобурой на бедре и ножом на поясе. Покрутив головой, мужик пошагал прямо к нам мягкой, пружинистой походкой очень опасного человека.

– Жерар ван Клейст, капитан в отставке, бельгиец, – подходя, на неплохом английском первым представился наёмник. – Вы – подполковник Коллинз?

– Да, Дэвид Коллинз, морская пехота США, – кивнул американец. – Рядом со мной русские полицейские – майор Иванникофф и старший лейтенант Григорьев. Они представляют местные силы самообороны.

– Русские? – на лице бельгийца не дрогнул ни один мускул. – Знаком с вашими – крепкие ребята, дерутся отменно, умеют пить, безжалостные, любят деньги. В моём отряде есть один тип с Украины, тоже русский.

– Жерар, майор здесь старший, он считает, что мы хотим оккупировать его землю, – Коллинз сразу же перешёл к главному. – Объясни ему, пожалуйста, что это не так.

– Зачем мне его земля? Она запущенна, необработанна, требует вложений труда и времени, – ван Клейст моментально положил нас на лопатки. – В лучшем случае вы начнёте возделывать каждый клочок земли, и едва сумеете прокормить самих себя, в худшем – сдохнете с голоду в ближайшие же полгода.

– Кхм... У нас ещё есть море, – я решил не сдаваться и бросил на стол предпоследний козырь. – Если станет совсем плохо, то прокормимся рыболовством.

– У вас есть траулеры, сети, опыт рыбной ловли в открытом море? – наёмник окончательно загнал меня в угол. – У вас остаётся лишь одна охота, но в этом мире нет огромного поголовья мясных животных.

– Откуда вам это известно, капитан? – поинтересовался я. – Вы уже исследовали этот мир вдоль и поперёк?

– Увы, лишь ближайшие окрестности, – ни голос, ни взгляд серых глаз бельгийца не выражал абсолютно никаких эмоций, словно ван Клейст был каким-то инопланетным роботом. – И это стоило нам пяти пострадавших от местной фауны.

– Мы отделались всего одним раненым, – переглянувшись со мной, заметил подполковник. – А русские вообще не понесли никаких потерь.

– Не совсем так, Дэвид, – поморщился я. – Какие-то «тигры» растерзали семью фермера Макеева, убив его жену и дочь. Сын каким-то чудом умудрился спастись, но, похоже, полностью замкнулся в себе от испуга.

– Неудивительно. Скорее всего, ваших людей убил леозавр – так мы называли этот вид хищников, – ван Клейст сунул руку в карман, вытащил айфон и протянул его мне. – Вот так выглядит этот зверь.

– Да, да, точно такой напал и на нашу колонну, когда мы ехали по местному лесу, – кивнул Коллинз, посмотрев изображение. – Ужасный зверюга, бесстрашный и наглый.

– Мда, ситуёвина, – произнёс я, возвращая айфон хозяину. – А шерстистые слоны вам не встречались? Ну, почти как мамонты?

– Нет, мои люди не видели подобных животных, – отрицательно качнул головой бельгиец. – Перейдём к нашим делам: подполковник, вы готовы ехать с нами, или русским всё ещё требуется помощь?

– Нет, Жерар, теперь русские обойдутся собственными силами, – ответил американец. – Владимир, вашим раненым уже не требуется моё непосредственное присутствие. На всякий случай я попрошу сержанта Райли задержаться на денёк-другой, пока бойцы капитана не съезжают на наш полигон.

– Не понял. Дэвид, ты же говорил, что на полигоне вы были одни, – прищурившись, я наблюдал за реакцией собеседника. – Зачем туда возвращаться?

– Господин майор, вскоре настанет время, когда любая железка из старого мира станет огромной ценностью, – не меняя интонации и взгляда, произнёс ван Клейст. – Пока у нас есть топливо и боеприпасы, необходимо вывезти с полигона несколько единиц старой и разбитой техники. Надеюсь, вы, русские, не будете возражать, если мы сократим путь через вашу землю?

– Ага, значит, вам нужен транзитный коридор через Данилово? – усмехнулся я. – А если мы будем против этого?

– У вас нет выбора, – доставая рацию, пожал плечами наёмник. Бельгиец произнёс несколько слов на незнакомом мне языке и отошёл чуть в сторону.

Взревели сразу несколько двигателей, и вот уже второй броневик покатился в нашу сторону. Следом за ним двинулась остальная колонна, поднимая лёгкое облако светлой пыли. Чёртов Жерар решил продемонстрировать нам бронированные мускулы.

Да, вблизи этот второй миниатюрный БТР наёмников смотрелся солиднее американского LAV-25 с его автоматической скорострелкой. Следом за этой машиной мимо нас прокатился очередной вариант скрещивания различного оружия – родимая БМП-2 с серьёзным орудием в неродной башне, и с парой блоков НУРСов, возвышающихся над этой самой башней. Подобные блоки, помнится, я не раз видел на пилонах наших вертолётов в Таджикистане, где НУРСы применяли по наземным целям. Предприимчивые «солдаты удачи» соорудили некий гибрид РСЗО и лёгкого танка, способный решать определённые тактические задачи.

Третьей и четвёртой машинами в колонне шли трёхосные БТРы юаровского производства, «ратели», кажется. Вполне удачная техника для перевозки бойцов по саванне или в буше, слабо бронированная, конечно, и вооружённая в первичной конфигурации двадцатимиллиметровыми автоматическими пушками. Здесь же имел место очередной вариант модернизации относительно посредственной техники – оба «рателя» были перевооружены на скорострельные «вулканы» вместо своих оригинальных «пукалок».

Замыкал колонну танк – английский «центурион», похоже, серьёзно модернизированный в плане усиления вооружения, да в довесок ещё и оснащённый бульдозерным отвалом. Как позднее оказалось, в двух точках маршрута колонны сей «центурион» действительно поработал бульдозером – сделал проходы для техники на границах миров. Кроме этого, танк играл роль не бьющегося ничем джокера, рядом с которым наш МГ в лучшем случае смотрелся голимой «шестёркой».

– Господин майор, мне бы не хотелось проливать кровь русских, которые не сделали нам ничего плохого, – глядя мне в глаза, произнёс ван Клейст. – Дайте отбой своим полицейским, которые засели с пулемётом у поворота дороги.

– Хорошо, ваша взяла, господин капитан, – мне пришлось признать, что наёмники нам не по зубам. – У вас очень весомые аргументы.

Я вызвал своих парней и приказал им даже не думать о том, чтобы вступить в бой с «солдатами удачи». Объяснил, что «гости» вооружены на несколько порядков лучше амеров, не говоря уже о нас, грешных. Наши «калаши» никак не катят против танка и БТРов с их «металлорезками», да и с пехотой наёмников, похоже, лучше не ссориться. Вон, как те быстро

доложили бельгийцу, что Соловьёв выбрал позицию за поворотом дороги. Без тепловизора здесь не обошлось. Профи, чёрт подери, да ещё и оснащённые по последнему слову техники.

– Владимир, если ты не доверяешь Жерару, то его колонна не станет входить в посёлок, – Коллинз решил подсластить мне горечь бессилия и поражения. – Техника дойдёт до поворота к особняку твоего друга, а затем обойдёт Данилово по окраине.

– У меня нет никаких причин доверять, либо не доверять господину ван Клейсту, – я решил вновь поиграть с бельгийцем в гляделки. – Если господин капитан хочет, чтобы мы доверяли ему и его людям, то пусть он покажет, что с ним можно ходить в разведку.

– Хорошо. Я возьму вас, майор, в разведку, – похоже, Костя перестарался с переводом. – Прямо сегодня, на полигон морской пехоты. Готовьте своих людей и транспорт.

Выслушав командира наёмников, подполковник слегка поморщился, но ничего не сказал. Я практически не обратил на эту гримасу никакого внимания, развернулся и занял место в машине Коллинза. Американец сел за руль и, не проронив ни слова, погнал «хамви» обратно.

Видели бы вы лица моих оперов, когда мы подъехали к повороту в усадьбу. Парни, похоже, успели подготовиться к своему последнему бою, и даже придумали, как нейтрализовать американский БТР – решили его таранить и опрокинуть пиндосовским же грузовиком. Организовали засаду, разобрали между собой морпехов, приготовили отвлекающий маневр, и тут... я вышел на связь и всё испортил. А затем вообще привёл за собой целую армию незваных гостей с серьёзной «бронёй», которую хрена лысого возьмёшь тараном грузовика.

А дальше произошло то, чего я никак не ожидал. Ван Клейст подождал, пока из «рателей» выберутся десяток его бойцов, подошёл к нам, представился и, проявив прямо-таки дипломатический этикет, попросил несколько минут внимания. Мы не нашли весомых причин отказать бельгийцу в его просьбе, и тот неожиданно блеснул ораторским искусством. Слушая речь Жерара, я осознал, что командир наёмников разбирается в стратегии на порядок выше нас и американцев, обладает высоким уровнем интеллекта, отлично знаком с людской психологией. Видимо, только такой человек и мог встать во главе двух-трёх сотен безбашенных мужиков, плюющих на законы и готовых резать кого угодно ради прибыли и острых ощущений.

Коротко поведав, кто он, откуда и как угодил в ряды «солдат удачи», ван Клейст перешёл к рассказу о том, что делали наёмники после того, как их база угодила в чужой мир. Если точнее, то угодила не только их база, но и приличный кусок земного ландшафта в несколько десятков квадратных километров. Далее бельгиец буквально шокировал нас заявлением о том, что американцы и мы не единственные земляне, с кем уже успели пообщаться наёмники. После этих слов капитан достал из нагрудного кармана нарисованную от руки карту, развернул её на капоте джипа и принялся нас просвещать.

– Вы находитесь вот здесь, на побережье моря, – с этими словами ван Клейст ткнул пальцем в один из кружочков, расположенных на карте в шахматном порядке. – Чуть восточнее вас, примерно в десяти километрах по прямой, оказался кусочек Польши с частью их деревушки. Всего несколько десятков человек, крестьяне. Вчера мы заключили с поляками договор: защита и помощь в обмен на продовольствие.

– Позвольте спросить, господин капитан, а паны добровольно перешли под ваше крыло, или вы их, как и нас, убеждали в своих благих намерениях? – усмехнувшись, ехидно спросил Ковалёв. – Костя, переведи точнее.

– После того, как леозавры растерзали несколько деревенских коров, поляки готовы были носить моих парней на руках, – без какой-либо тени сарказма ответил бельгиец. – Восточнее поляков – ещё через десять километров по прямой – расположена немецкая ферма и часть железнодорожного полотна.

– Извините, господин капитан, а что это за звери такие – леозавры? – мой напарник, похоже, решил достать Жерара вопросами.

– Леозавры выглядят так, – ван Клейст протянул Михаилу айфон, а сам продолжил. – В момент катаклизма по железной дороге проходил товарный состав, и теперь мы имеем некоторое количество отличных рельсов, плюс три покорёженные цистерны. Фермер-немец посидел взаперти целые сутки и перешёл под нашу опеку, чтобы не оказаться жертвой местной фауны. У немца очень хорошее хозяйство и ему требуются рабочие руки. Поляки, кстати, также готовы принять поселенцев.

– Всё ясно. Вы намерены забрать у нас всех пассажиров-иностранцев, – я мгновенно сложил два и два. – Могу заверить, что мы не станем вам препятствовать в этом деле.

– Вообще-то мы планировали предложить спасшимся переселиться в добровольном порядке. У вас, насколько я вижу, попросту не хватит ресурсов, чтобы прокормить столько людей, – произнёс бельгиец. – Поляки и немец готовы предоставить людям еду и кров, если те согласятся работать в поле. Кроме этого, рабочие руки в скором времени понадобятся и общине амишей, которые с частью Пенсильвании оказались севернее нашей базы.

– А это ещё кто такие? – искренне удивился Лёня, один из охранников Еремеева.

– Это такие сектанты, живущие восемнадцатым веком, миролюбивые до невозможно-сти, – секунду подумав, ответил капитан. – У нас не было времени вникнуть в подробности их религии, но думаю, что они наиболее приспособлены к этому миру, чем остальные земляне. Если не станут добычей хищников, конечно.

– Снова леозавры? – спросил Ковалёв, возвращая наёмнику айфон.

– Не только они. Амиши оказались ближе всех нас к здешней реке, – ван Клейст указал на извилистую линию на карте. – В прибрежных зарослях этой реки водятся большие нелетающие хищные птицы, наверное, такие же, как и в древности на Земле. Сектанты уже потеряли шесть человек погибшими, и, думаю, это ещё не конец. Птички намного опаснее леозавров. Кроме этого, в реке водятся местные крокодилы и подобные им твари. Мы подстрелили в воде одного из них, но он был сожран его же сородичами.

– Река, как я понимаю, впадает в море, – я чуть склонился и стал рассматривать карту. – А что здесь, по соседству с нами?

– Какой-то земной ландшафт, похоже, необитаемый. Густой лес, европейского типа, – ответил бельгиец. – Мы решили на какое-то время отложить разведку данной местности. На всё не хватает сил, да и необходимо экономить топливо.

– А к нам пожаловать горючее нашлось, – вновь съехидничал Ковалёв.

– Ещё раз уточню то, что сказал майору Иванникову: русские нас абсолютно не интересуют. У вас много необработанной земли, есть заброшенное поселение и очень много голодных ртов, – во взгляде наёмника проскользнуло сочувствие, что ли. – Моя цель – как можно скорее сопроводить отряд подполковника Коллинза на нашу базу, а затем посетить полигон американской морской пехоты. Всё.

– Спокойно, Миша, не заводись, – произнёс я, видя, что мой напарник готов начать перепалку с бельгийцем. – Жерар прав: у нас полно пустующих полей и есть проблемы с жилищным фондом. Ну, и запасы еды не бесконечны. Костя, это переводить не надо.

– Ладно, Володя, хорош разводить лирику. Стрелять друг в друга, как я понимаю, никто не собирается, – вступил в разговор Саша Барулин. – Чего конкретно хотят наши гости?

– Нам нужен беспрепятственный транзит через русскую территорию, – ван Клейст сунул свою самодельную карту обратно в карман. – У вас есть оружие, поэтому не думаю, что вам требуется защита от местной фауны. Считаю, что мы могли бы наладить взаимовыгодные коммерческие отношения, но у вас нет ничего, что могло бы нас заинтересовать. В то же время я не нахожу причин для конфликтов.

– Согласен, между нами нет никаких проблем, – решив, что не стоит тянуть кота за хвост, я рискнул сделать шаг навстречу наёмникам. – Посему готов гарантировать господину капитану свободный транзит через Данилово. В обмен на невмешательство ваших бойцов, Жерар,

в нашу жизнь. Кроме этого, я бы предложил заключить оборонительный союз между нашими анклавами. Кто знает, какие проблемы появятся у землян завтра?

– Предложение принимается, – подумав пару секунд, бельгиец протянул мне руку. – Белые не должны проливать кровь таких же людей, как и они сами.

... Чёрт, похоже, мы начинаем дружить с расистами, подумал я, пожимая руку ван Клейсту. В Данилово вроде нет ни азиатов, ни негров, да и среди пассажиров я не встречал цветных...

Пока мы перетирали вопросы с командиром наёмников, я игнорировал все вызовы по рации. Поэтому неудивительно, что осведомлённый наблюдателями с колокольни Никитин послал вестового на мотороллере с одним-единственным вопросом: что, чёрт возьми, происходит? Пришлось выйти на связь и успокоить нервничающего Василия, чтобы тот не натворил каких-нибудь глупостей.

Сразу же после разговора с главой со стороны Замятино показался «уазик», с торчащими из окон стволами ружей. «Солдаты удачи» оперативно засекли приближение незнакомой машины, ещё до её появления развернув башню одного из «рателей», и сразу же взяли УАЗ на прицел. Лишь теперь мы сообразили, что где-то поблизости затаилась разведгруппа наёмников, так и не обнаруженная нами. Это вновь напомнило нам, что бойцы ван Клейста имеют очень солидный боевой опыт, и, слава богу, мы не довели дело до боестолкновения. Я сообщил бельгийцу, что это едут свои, вызвал по рации Семён Семёныча и пересказал мужикам все новости.

Тем временем по Данилово растеклись слухи, что пожаловали очередные пиндосы – весть об этом разнесли вездесущие пацаны – и в сторону усадьбы Еремеева потянулся любопытный народ. В основном иностранные граждане, которых ещё не успели распределить на работы. Мы и глазом не успели моргнуть, как какая-то бабёнка бросилась ван Клейсту на шею, вопя, что она родом из Бельгии. Затем кто-то из наёмников произнёс пару фраз по-итальянски, и это вызвало новый всплеск энтузиазма среди спасшихся пассажиров. Господа иностранцы искренне радовались, встретив соотечественников, пусть и с сомнительным родом занятий.

Видя, что количество гражданских всё увеличивается, Жерар отдал несколько отрывистых команд на незнакомом нам языке (позднее выяснилось, что это бурский), и его парни мигом разбежались по своим машинам. К этому моменту американцы перегрузили в грузовик коробки с медикаментами из «хамви» женщины-сержанта Райли, определились, кто едет на полигон, а кто отправляется вместе с Коллинзом. Подполковник забирал с собой четверых, в том числе и пострадавшего от когтей леозавра бойца. Лейтенант Мэтт Фридман и ещё один морпех получили приказ взять БТР и сопровождать наёмников на полигон.

Затем Дэвид тепло попрощался с каждым из нас, попросив, чтобы российская полиция как зеницу ока берегла и охраняла хорошую девушку из Монтаны по имени Кейт Райли. Пришлось пообещать, что сержантшу никто и пальцем не тронет, хотя фигура у неё самая та для начинающих голодать по сексу мужиков.

Взревев моторами, колонна разнородной техники двинулась в обратный путь к базе наёмников. Помимо американского «хамви» с турельным пулемётом грузовик с драгоценными медикаментами сопровождала пара трёхосных броневых автомобилей английского производства – «сарацин» и «саладин». Полагаю, ни один леозавр не рискнул бы связываться с подобным эскортом, даже самый оголодавший.

– Господин майор, ваши люди готовы к рейду? – подойдя, поинтересовался ван Клейст.

– Да, господин капитан, мы готовы, – я кивнул, подтверждая наше согласие участвовать в поездке на американский полигон. – Мы поедем вчетвером на моём «мерсе».

– Хорошо, в путь, – командир наёмников энергично помахал рукой своим людям и нырнул в одну из колёсных БМП.

Мы тронулись в путь, обходя Данилово по окраине. Головным шёл американский БТР, экипаж которого знал маршрут. Следом за LAV-25 катили оба «рателя» наёмников, затем мы, и замыкала колонну гусеничная техника – модернизированная в штурмовую самоходку БМП-2, и танк «центурион». Последний, как уже говорилось, играл роль вооружённого и бронированного бульдозера, без наличия которого, по словам американцев, было сложно пересекать границы миров. В этом мы вскоре смогли убедиться на собственном опыте, когда подъехали к той самой границе, где и задержались примерно на полчаса, пока танк ровнял и укатывал слишком крутой спуск.

– Володя, а тебе не кажется, что амеры нас дурят? Вот скажи, зачем им нужна здесь хорошая дорога? – спросил Ковалёв, глядя, как «центурион» срезает верхний слой почвы. – Поясняю: их «хамви» способны залезть на метровую вертикальную стену, бэтээр так же без проблем преодолевает подобное препятствие. Когда они ехали сюда, то провели через подъём даже набитый тяжестью грузовик. Зачем им понадобился пологий спуск?

– Хороший вопрос, господин капитан, – учитывая, что в машине сидела девушка, я решил немного поприкалываться. – Может, американцы настолько привыкли к асфальту на своих авеню, что решили соорудить здесь настоящий хайвэй?

– Да ну тебя. Я серьёзно, а он шутить вздумал, – Михаил сделал вид, что жутко обиделся.

– Пиндосы хотят провести здесь колонну с грузом, – произнёс сидевший у меня за спиной Руслан. – Другого объяснения нет.

– Мужчины дорогие, объясните, пожалуйста, ещё раз, зачем вы меня похитили? – задала вопрос переводчица, которую мы действительно... почти похитили. – Словно маньяки, взяли и заманили девушку в машину, пообещав интересное и незабываемое путешествие. От вас, товарищ майор, я не ожидала ничего подобного.

– Мариночка, золотце, ну, прости, нас, неотёсанных. Честно, совершенно не было времени, чтобы объяснять, куда едем и зачем, – я извинялся уже, наверное, в десятый раз. У нас действительно не было времени уговаривать девушку, и Ковалёв просто посадил её в машину. – Ты единственная, кто в совершенстве владеет несколькими языками, и нам без тебя никуда. Вон, Костик допереводился до того, что мы практически навязались Жерару в попутчики. Или в разведчики, теперь уже и не разобрать.

– Марина, вы, главное, внимательно слушайте, кто и о чём будет говорить, и всё запоминайте, – мой напарник вновь стал наставлять переводчицу. – А мы потом разберёмся, что важно, а что нет.

Девушка возмущённо фыркнула, тряхнув гривой рыжих волос, и на её лицо легла гримаса недовольства. В то же время в глазах Марины промелькнули весёлые искорки, которые она не смогла скрыть. Переводчица, как быстро выяснилось, имела склонность к поездкам и приключениям, была, как говорится, легка на подъём.

– А если они заговорят на незнакомом мне языке, на каком-нибудь африканском наречии? – подумав, девушка задала весьма коварный вопрос. – Бурского, например, я совершенно не знаю.

– Ну, это вряд ли, – прищурился Михаил. – Тот лейтенант, Фридман, что ли, не владеет бурским и ни в зуб ногой по-зулусски... Поехали, Володя.

«Центурион» завершил укатывать спуск, и мы, наконец, тронулись вперёд, держась за «рателями». Двигаясь по следам американской колонны, углубились в местный лес и почти сразу же ощутили чуждость этого мира нашей цивилизации. Нас окружали огромные деревья незнакомых пород, под колёсами и гусеницами хрустел чужой подлесок, в воздухе стоял непривычный запах какой-то плесени или ещё какой-то здешней сырости. Ревущая дизелями техника никак не вписывалась в это царство величественных древесных исполинов, словно атоллы, окружённые синеватыми морями мхов и лишайников. Даже здешний кустарник имел совершенно другой вид, чем тот, что произрастал на побережье.

– Смотрите, чем наёмники придумали помечать дорогу, – прервав молчание, я указал на впереди идущую машину. – Просто и гениально.

– Подумаешь, пукалка от пейнтбола и шарики с краской, – поморщившись, буркнул Ковалёв. – Были бы крутыми – могли бы какие-нибудь хитрые чипы по деревьям развешать.

– Чипы стоят приличных денег, – усмехнулся я, не отрывая взгляда от ландшафта. – А краска, скорее всего, несмываемая, да ещё и светящаяся в темноте. Я бы использовал именно такую.

– Ой, ящерица! – неожиданно пискнула Марина. – Смотрите, какая большая!

– Етижи-пассатижи, да в ней будет метра два, не меньше, – произнёс Руслан, проводив взглядом зверушку. – Маскировка отличная... Мариночка, как ты её увидела, а?

– Мне показалось, что на корнях дерева какой-то странный нарост, – переводчица только сейчас сообразила, что встреча с ящерицей один на один не предвещала бы ничего хорошего. – Ой, вторая! Ещё больше первой!

– Да у них тут целая колония, – наводя на цель айфон, заметил мой напарник. – А зубки приличные, как раз для того, чтобы рвать мясо. Интересно, на кого они здесь охотятся?

– Спросим при личной встрече, – усмехнулся я. – Чёрт, встали... Мэтт, похоже, решил заработать орден имени Сусанина.

– Тогда уж орден имени Моисея, а не Сусанина, – хмыкнул Михаил. – Слушай, Володя, а у наёмников, похоже, радиостанции лучше, чем у наших летунов.

– Это ты к тому, что ван Клейст свободно «базарит» с морпехами, а наши пилоты немые, как рыбы? – я мгновенно сообразил, куда клонит Ковалёв. – Да, странно как-то и не логично.

– Анисин, помнится, рассказывал, что в эфире стоял сущий кавардак, а потом неожиданно заглохли целые диапазоны, – припомнил Руденко. – Соломатин вот уже двое суток транслирует эфир, пытался наладить связь хоть с кем-нибудь... Может, уже наладил, но скрывает от нас – не доверяет тем, кто водит дружбу с пиндосами... Надо Марину к лётчикам подослать, чтобы она разговорилась с этими тихонь и молчунов.

– А Марина-то согласится? – не удержался от подколки мой напарник.

– Алло, мужчины, я вообще-то всё ещё здесь, – сразу же вскинулась девушка. – Если хотите со мной сработаться, то не держите за бабу-дурочку, вся ценность которой заключена в том, что с ней приятно в постели. Договорились?

– Уделала. Считай, что ты прошла проверку, и теперь официально в команде, – произнёс я, посмотрев в зеркало на переводчицу. Ох, красива, чертовка, когда злится. – Вернёмся на базу, выдадим тебе оружие – основное и вспомогательное. С экипировкой, правда, пока туго.

– Должны бы знать, товарищ майор, что основное оружие переводчика – это его знания языков, – скривив рожицу, Марина показала мне свой розовый язычок, а затем демонстративно отвернулась к окну.

– Шах и мат, – во весь голос захохотал Руслан. – Шеф, сдавайся.

– Гитлер капут, – под общий смех ответил я. – Так... Мэтт определился, куда ехать. Не видать ему орденов имени Сусанина и Моисея.

Мы проехали чужой лес примерно за час с небольшим, накрутив, если верить спидометру, чуть более десяти километров. Лейтенант Фридман останавливал головной БТР ещё раз три, чтобы убедиться в правильности маршрута. Всё это время наёмники продолжали маркировать дорогу, а мы рассматривали окрестный ландшафт.

Думаю, не надо объяснять, что крупные животные – если здесь таковые водились – заранее убрались с пути рычащего и воняющего железного стада. Поэтому нам пришлось довольствоваться той флегматичной фауной, которая не видела для себя никакой угрозы – пернатыми, ящерицами, грызунам, и насекомыми. Последние, впрочем, имели малые размеры и не были особо заметны. Что же касается местной флоры, то мы лишь порадовались, что среди нас

не оказалось специалистов в данной области – настолько велико было разнообразие неземных видов растений любых размеров.

– Похоже, приехали, – произнёс я, когда колонна остановилась перед полутораметровым обрывом. – Ага, нас обгоняет «центурион»... Прямо как в анекдоте про «гайцов» из Нижнего Тагила, которых обгоняет танк.

– Володя, надо бы и нам занять такую машинку, – заметил Михаил, наблюдая, как танк без особого труда забирается на склон. – Как думаешь, он единственный у Жерара или нет?

– Думаю, у бельгийца много чего есть на их базе, – ответил я. – А вообще, странно, что ван Клейст до сих пор не ухватился за наш самолёт. Я бы на его месте сразу же предложил сделку по «илу». Неужели Коллинз скрыл от наёмников инфу по самолётам?

– На месте «солдат удачи» я бы подождал, когда мы сами предложим «ил» к обмену, – заметил Руслан. – К примеру, на этот танк.

Между тем «центурион» сгладил и укатал спуск, и американский БТР въехал на полигон. Следом за ним на бывшей территории США оказалась и остальная техника нашей небольшой колонны. Мы увеличили скорость и дистанцию, наглухо закрыв окна «мерса», чтобы не глотать пыль от впереди идущего «рателя».

Вокруг простиралась холмистая местность, практически начисто лишённая какой-либо растительности. Почти сразу же стали попадаться воронки явно искусственного происхождения и какие-то бесформенные железяки подле них. Затем мы увидели то, что хотя бы смогли идентифицировать – обгоревший до черноты разбитый корпус БТРа советского производства. Может, «шестидесятка», может, «семидесятка», издалека так и не разобрали. Вскоре попалась ещё пара аналогичных корпусов, сгоревшие и разбитые, лежащие неподалёку от ряда воронок. Увеличилось и количество разнообразного железа, не поддающегося опознанию и идентификации.

Мы молчали, с грустью глядя на угробленный труд множества советских людей, которые с любовью и тщательностью создавали боевую технику, надеясь, что она принесёт пользу в защите их отечества. Однако дебилоидная кремлядь, эти одурманенные бредовыми идеями всеобщего равенства старпёры, щедрой рукой стали раздавать вооружение налево, направо, каждой обезьяне, пообещавшей со своим племенем макак пойти по пути строительства коммунизма. Зачастую эти же самые мартышки сидели на финансировании ЦРУ, других западных разведок и не собирались слезать с деревьев, чтобы даже сходить по нужде.

В результате миллиарды советских рублей пошли на ветер, а тысячи единиц военной техники оказались трофеями более хитрых аборигенов, тех, кто не собирался расставаться со своими традициями и шагать по пути построения коммунизма. Затем заокеанские хозяева победивших туземцев выбрали себе столько трофеев, сколько хотели, превратив их в мишени на полигоне.

Проехав пару километров, мы обогнули большой холм и выехали на бетонку, протянувшуюся метров на пятьсот, не менее. Пыль почти исчезла, а колонна рассыпала строй – оба «рателя» разошлись по флангам, похоже, чтобы охватить темнеющее впереди капитальное строение из железобетона. БМП-2 наёмников поравнялась с джипом, обгоняя меня, а «центурион», наоборот, приотстал, а затем вообще остановился. Спустя ещё пару минут я тормознул свой «мерс» прямо перед запертыми воротами огромного ангара капитальной постройки, рядом с американским БТРом.

Лейтенант Фридман покинул LAV-25, огляделся по сторонам и, подойдя к ангару, стал громко стучать рукояткой пистолета по металлической створке ворот. Через минуту внутри что-то лязгнуло, и створка ворот медленно поехала в сторону, обнажая внутреннее помещение ангара.

Лейтенанта встречали. Сразу же за порогом ангара стояли двое в форме американской морской пехоты – низенький, можно сказать, коротышка, и среднего роста дядька. Последний,

похоже, являлся каким-то местным авторитетом, сразу же задав Фридману несколько вопросов. Лейтенант вступил в беседу, а я обратил внимание, что дядька держится так, словно он минимум генерал или маршал.

– Смотрите, парни, а здесь есть хорошо замаскированные видеокамеры, – указав на угол ангара, произнёс Руденко. – Они нас увидели, когда мы ещё появились из-за поворота.

– Угу. Не мешай, Руслик, – словно про себя, пробурчал Ковалёв. – Хм... Интересно девки пляшут.

– Что там, Миша? – мне с водительского места было плохо видно, что происходит внутри ангара.

– Там наш Мэтт базарит с каким-то младшим чином, причём впечатление, словно лейтенант в подчинении у того типа, – пояснил мой напарник. – Уж поверь, я насмотрелся на подобное, когда служил на складе РАВ.

– Ага, козырной тыловик-снабженец, – догадался я. – Всё знает, всё имеет, а зачастую он главнее самого комдива.

– Мужчины, объясните бедной девушке, что это за зверь такой – козырной тыловик-снабженец? – попросила Марина. – Я ничего не поняла, если честно. А их разговор я не слышу, лишь обрывки фраз.

– Мариночка, позже, когда будем у себя дома, – увидев, как спешиваются бойцы ван Клейста, подобрался я. – Наш выход, парни.

Мы вылезли из джипа, но не стали сразу соваться в ангар, подождали, пока первым представят бельгийца и его отряд. Отряд, кстати, уже собрался у ворот, закончив осмотр ангара с тыла и изучив подходы. Прямо напротив ворот встала БМП-2 наёмников, словно невзначай наведя орудие с блоками НУРСов на внутреннее помещение ангара. Видимо, ван Клейст не полностью доверял лейтенанту Фридману и американским морпехам, либо хотел сразу же показать, у кого на руках все козыри.

– Это русские полицейские, мои союзники, – подзвав нас, бельгиец повернулся к одному из обитателей ангара. – Их кластер оказался по соседству с полигоном. Майор Иванникофф... Капитан... Старший лейтенант... А девушка – их переводчик.

– Мастер-сержант Глейман, – с подозрением сверля нас взглядом, американец всё же пожал мне руку. – Это капрал Джонсон, мой помощник.

– Майор и его парни помогут с погрузкой, – командир наёмников перехватил взгляд собеседника. – Успокойся, Дональд, я им доверяю.

– У нас был чёткий уговор, Жерар, – сварливым тоном произнёс мастер-сержант. – Я сдаю тебе всё хранилище в обмен на соответствующую должность в твоём отряде.

– Дональд, ты бы взял, высунул нос из своего ангара, прогулялся бы по чужому лесу. Лучше всего ночью, когда леозавры выходят на охоту, – в тоне ван Клейста чувствовалась открытая насмешка. – Я держу слово – должность твоя, плюс полное довольствие и прочее. Но отрядом командую я, а не Марсель и не Мортенсон. И я решаю, кто будет нашим союзником, а кого мы сотрём с лица земли.

– Хорошо, Жерар, ты командир, тебе и решать, – не стал спорить Глейман. – Генератор сломался, электричества нет, лифт не работает, поэтому подгоняйте свою самоходку, если не хотите перебирать трос руками. Кто-нибудь из твоих рейнджеров соображает в моторах?

– Человек десять, не меньше, – усмехнулся бельгиец. – Нужна помощь?

– Нужна. Капрал Джонсон покажет, что надо сделать, – всматриваясь вдаль, кивнул мастер-сержант. – Это «центурион», что ли? Подгоняйте его сюда, пусть возьмёт на буксир русский тягач. А лучше – два.

Надо сказать, что без Марины мы бы поняли из этого разговора с пятого на десятое в лучшем случае половину. Девушка перевела всё практически дословно, с подбором аналогич-

ных фразеологизмов из русского языка. Кроме этого, дополнительно сделала свои собственные выводы, которыми поделилась уже на обратном пути.

Итак, судьба забросила нас туда, где обычно не ступает нога русского человека – в ангар для хранения техники и амуниции на полигоне американской морской пехоты. И не просто в ангар (или бокс, как кому нравится), а в старый ангар, построенный ещё во времена «холодной войны», в шестидесятые годы. В те времена, когда строили всерьёз, можно сказать, на века, на случай серьёзной войны.

Набитый разнообразным военным имуществом ангар имел два яруса – наземный и подземный. Для перемещения грузов и лёгкой техники с одного яруса на другой использовался подъёмник-платформа, наподобие того, что ставят на авианосцах. Кроме этого лифта имелась ещё пара бетонных лестниц, ведущих на нижний уровень.

По левую сторону от ворот стояли пять грузовых автомобилей, среди которых выделялся седельный тягач с прицепом-транспортёром для тяжёлой техники. Справа стояли три МТЛБ советского производства, с пулемётами в маленьких башенках, похоже, законсервированные до поры до времени. Сразу за этими тремя машинами стояли ещё четыре трофея американцев – четырёхосные БТР-70, без положенного им штатного вооружения. Позднее выяснилось, что эти машины должны были в ближайшее время послужить мишенями для вертолётчиков корпуса морской пехоты. То тут, то там возвышались штабеля ящиков, причём самых разнообразных габаритов и размеров. Кроме этого, с тыльной внешней стороны бокса стоял трофейный Т-62 без башни, используемый на полигоне в качестве внештатного тягача.

Нас поставили на самый трудоёмкий и очень ответственный участок – с помощью системы блоков и талей вручную поднимать грузы с подземного яруса, а затем набивать ими подъезжающие грузовики. Мы работали не одни, а вместе с тройкой наёмников, которые, похоже, имели поверхностные знания о двигателях внутреннего сгорания. Иначе им бы поручили расконсервацию бронетехники или ещё какую-нибудь относительно сложную работу, связанную с умением крутить гайки.

Мне понравилось, что ван Клейст не отлынивал, не слонялся туда-сюда, подгоняя подчинённых, а сам включился в трудовой процесс. Бельгиец занимался осмотром, сортировкой и маркировкой поступающих с нижнего яруса ящиков. Работал на пару с бывшим хозяином всего этого добра мастер-сержантом Глейманом, который мгновенно, без гроссбуха и компьютера перечислял содержимое каждого ящика. Работёнка не особо пыльная, но Жерар совал нос в каждый ящик без исключения, словно заправская тыловая крыса.

Учитывая, что ван Клейст действовал, согласно пословице «доверяй, но проверяй», мы невольно прикинули и оценили количество оружия, боеприпасов и прочей амуниции, оказавшейся в руках наёмников. И до этого не самые слабые в военном отношении «солдаты удачи» оказывались вооружёнными до зубов, причём вооружёнными самым современным оружием. Я мысленно ахал, когда видел в очередном ящике «стингеры», в другом – какие-то управляемые ракеты, в следующем – новенькие, в заводской смазке, американские ручные пулемёты. Кроме штатовского оружия попадались советские и европейские образцы, в основном побывавшие в употреблении. Мои опера многозначительно переглядывались, никак не комментируя запасы полузабытого ангара морской пехоты.

Как выяснилось позднее, Дональд Глейман начинал службу рядовым в должности складского клерка ещё во времена президентства Буша-старшего. Постепенно обрастая связями, проявил свой талант во время операции «Буря в пустыне», загоняя тонны армейских грузов арабам, и даже врагам США – иракцам. Будущий мастер-сержант не жадничал и грамотно использовал хрустящие бумажки с портретами американских президентов для «подарков» вышестоящим чинам, от которых зависело его благополучие.

Для достижения своих целей Глейман не брезговал ничем, в том числе и интимными отношениями с нужными людьми, военнослужащими и женского и мужского пола, лишь бы

это приносило гешефт. После возвращения из Кувейта занялся ещё более прибыльным бизнесом – транзитом героина, установил связь с колумбийской наркомафией, стал снабжать картели современным оружием. В общем, заслуженный мастер-сержант абсолютно не страдал никакими комплексами и шёл на всё ради своего личного обогащения.

В момент катаклизма Глейман находился в отдалённом боксе, о котором непосредственное начальство мастер-сержанта знало лишь в общих чертах. Дело в том, что построенный на случай войны ангар имел подземный уровень, и информация о нём «случайно» исчезла из компьютерной сети Пентагона. Поэтому данный бокс служил личным складом Дональда, где он хранил для продажи отхомяченные оружие и амуницию. А торговал Глейман с размахом, в чём мы смогли сами и убедиться.

Вся эта подноготная braveго американского морпеха всплыла позднее, благодаря нашей незаменимой Марине, великолепно сыгравшей роль шпионки и аналитика. Именно благодаря переводчице мы смогли разобраться в хитросплетении отношений мастер-сержанта с наёмниками, выяснить, что Глейман некогда имел связи с кое-кем из «солдат удачи». Это дало нам определённое преимущество, и чуть позднее мы сделали правильную ставку в нарождавшейся местной политике.

Пока мы честно работали грузчиками, другая часть наёмников занималась расконсервацией трёх МТЛБ и четвёрки бронетранспортёров. Быстро выяснилось, что для «оживления» БТРов требовалось слишком много времени и средств, поэтому усилия бойцов сосредоточились на многоцелевых вездеходах. Наёмникам удалось завести все три машины, но лишь одна из них могла совершить длительный марш по пересечённой местности. Остальная техника требовала небольшого ремонта, и ван Клейст принял решение тащить две «маталыги» на жёсткой сцепке. За «семидесятыми» Жерар планировал вернуться чуть позднее, что, кстати, его бойцы и сделали уже на следующий день.

– Майор, берите вот этот, этот, те два ящика и грузите в свой джип, – где-то к концу работы неожиданно произнёс ван Клейст. – Извини, пока больше дать не могу – впереди у нас полная неизвестность.

– Жерар, да нам и не надо больше, – зная, что находилось в указанных ящиках, я поначалу не поверил своим ушам. – Спасибо тебе за стволы, от всего анклава спасибо.

– Владимир, я даю вам оружие не по доброте душевной, а с расчётом, – внёс ясность бельгиец. – Как только ваши крестьяне столкнутся с местной фауной, они сразу же поймут, что их дробовики годны лишь для охоты на уток. Поверь мне, майор, я чувую, что здешние леозавры и хищные птицы – это не самые опасные звери. А моё чутьё никогда меня не подводит.

Я был полностью солидарен со сказанным ван Клейстом – до сих пор мы практически не встречали на своём пути серьёзных хищников, и это не могло продолжаться вечно. Рано или поздно нам придётся столкнуться с гигантами, на которых не выйдешь даже с картечью, не говоря уже о дробе. Взять, к примеру, тех же самых шерстистых слонов. До сих пор эти травоядные гиганты не проявляли агрессии в отношении людей, но всё могло измениться в один миг. И если, не дай бог, эти мамонты нападут на нас, то я бы хотел иметь в руках автомат, а не дробовик.

Милостью командира наёмников нам досталось три пулемёта ПКМ и дюжина «калашей», не новые, конечно, но хорошо ухоженные, в нормальном состоянии. Плюс – навскидку – по десятку магазинов боекомплекта на каждый автомат и примерно по пять лент патронов на каждый пулемёт. Негусто, конечно, но, учитывая, чем были вооружены даниловские ополченцы, это был настоящий прорыв. Теперь, случись что, мужики могли постоять за себя и не трястись над каждым патроном.

Подарки Жерара оперативно перекочевали в мой «мерс», а примерно спустя час мы подняли с подземного уровня последний ящик с оружием. К этому времени наёмники уже сформировали колонну и ожидали возвращения танкового транспортёра, на котором куда-то ука-

тили Глейман с тремя бойцами. Мастер-сержант появился ещё где-то через полтора часа, когда ван Клейст уже начал поглядывать на положение местного светила.

Кстати, о циклах времени. Как оказалось, в новом мире сутки почти соответствовали земным, но были короче на пятьдесят шесть минут. Кроме этого, планета имела угол наклона своей оси в двадцать градусов и обращалась вокруг местного светила ровно за триста шестьдесят дней. Обо всём этом нам поведал уже знакомый директор школы, по совместительству преподававший географию и астрономию, и неожиданно для себя ставший в новом мире выборным судьёй и законодателем. Чуть позднее он же шокировал нас ещё одним своим открытием, заявив, что вокруг планеты вращаются сразу три луны, а не одна, как это предполагалось поначалу.

Танковый транспортёр привёз, наверное, самый ценный груз из всего, чем располагал мастер-сержант морской пехоты – лёгкий двухмоторный самолёт с демонтированными крыльями. Крылья, кстати, были надёжно принайтованы к полуприцепу. Думаю, не нужно объяснять, зачем Глейман прятал сей самолётик в отдельном хранилище подальше от основного бокса. Данный аппарат мог взлететь с любого импровизированного аэродрома, с любой ровной площадки. Да и для посадки ему не требовалась бетонная полоса длиной в километр, а то и более.

Посоветовавшись с мастер-сержантом, ван Клейст принял решение пока не оставлять для охраны ангара собственный гарнизон. Во-первых, «солдаты удачи» практически полностью вычистили бокс, погрузив все запасы оружия и боеприпасов. Оставшееся барахло – шмотки и обувь – имело для наёмников второстепенную ценность, и для него попросту не хватило места в машинах конвоя. Во-вторых, похоже, у бельгийца не хватало людей для обороны амишей, польского и немецкого анклавов, да ещё и отдалённого от основной базы ангара. Жерар не хотел дробить свой отряд на мелкие подразделения, справедливо полагая, что командир должен иметь под рукой козырного туза в виде тяжёлого бронированного кулака.

Получив в свои руки солидные запасы стрелкового оружия, ван Клейст намеревался создать отряд самообороны в польской деревне, чтобы освободить часть своих бойцов для более серьёзных задач. Бельгиец несколько не беспокоился об обороне Данилово, бросив мимоходом фразу, что вооружённые русские всегда способны постоять за себя. А вот сектанты из Пенсильвании, к примеру, очень сильно больны на голову своим дурацким миролюбием, и их придётся пасти, словно стадо овец.

Обратный путь занял почти в два раза больше времени, чем дорога на полигон морской пехоты. Загруженные по завязку грузовики несколько раз буксовали на сырой почве чужого леса, и «рателям» приходилось брать их на буксир. Кроме этого, громоздкий транспортёр с личной «птичкой» мастер-сержанта Глеймана имел отвратительную маневренность, с трудом протискивался между огромными деревьями чужого леса. Наёмникам даже пришлось подорвать пару гигантских стволов, распугав всю местную живность на несколько километров вокруг.

Переговорив на одной из вынужденных остановок с ван Клейстом, мы решили не тащиться по просёлочной грязи вокруг Данилово, а провести колонну по асфальту через населённый пункт. Кроме этого, бельгиец хотел заключить соглашение с главой администрации анклава, которого он именовал мэром, взглянуть на самолёты на траассе, познакомиться с их пилотами. Подозреваю, что уже в тот момент командир наёмников задумывался о возможности использования нашего шоссе в качестве аэродрома.

Как я и предполагал, едва конвой въехал на русскую землю, фермер Савченков сразу же оповестил Никитина о нашем появлении. Поэтому на окраине села нас ожидал смешанный комитет по встрече, состоявший из ополченцев, моих парней и охранников Еремеева.

И те и другие, похоже, успели обменяться любезностями друг с другом и демонстративно стояли по обе стороны дороги. Ну да, наша поездка вместе с наёмниками организовалась спон-

танно, без согласования с Василием, и местная власть была просто поставлена перед фактом. Любой бы на месте даниловцев посчитал, что приезжие менты замутили за спинами местных какой-то заговор хрен знает с кем. А если учесть, что со связью у нас было не очень, по селу вновь поползли самые невероятные слухи. И мои опера, похоже, оказались под подозрением во всех грехах.

– Володя, имей в виду, что Никитин слегка на тебя обижен, – шепнул мне Зеленцов, когда колонна тормознула напротив перегородившего дорогу трактора Т-150. – Я пытался ему объяснить, что у нас не было времени на базары, но мужики на эмоциях. Да, ещё и Доценко приехал, начал мутить воду.

– Не нравится он мне этот Доценко, – поморщился я. – Ладно, у нас есть кое-что, что понадобится ополчению. Кроме того, наёмники предложили союз и сотрудничество. А хорошие отношения с центровыми парнями никогда не бывают лишними.

Тем временем ополченцы убрали с дороги трактор, и конвой двинулся дальше. Даниловцы проводили головной «центурион» взглядами, в которых явственно читались зависть и страх. Млять, ну когда же у нас начнут думать мозгами – если бы наёмники хотели войны, то давно бы разнесли весь посёлок на раз-два. Сплюнув, я прыгнул в свой «мерс» и, обогнав танк, занял место во главе колонны. Так, на всякий случай, чтобы предотвратить всяческие нежелательные эксцессы.

Въехали в посёлок. Народ – кто оставался в Данилово – высыпал на улицу, глаза на проходящую колонну. Кто с испуганным выражением на лице, кто с улыбкой на физиономии, и лишь немногие – с безразличием.

– Здравия желаю, товарищи бойцы и командиры, – я подкатил прямо к крыльцу нашего «госпиталя», на котором стоял Никитин с несколькими мужиками. – Чего это вы такие напряжённые-то? Идите-ка сюда, принимайте подарунки из старого мира. Добро стоящее, как раз для таких, как мы, незнаек в новом мире.

Лязгая гусеницами, и ревя моторами, на площадь одна за другой вползали машины нашего конвоя. Вот появилась трижды трофейная «маталыга», которая без проблем преодолела весь путь своим ходом, «ратель» командира наёмников. Следом за ними тащился Т-62 без башни с ещё одним МТЛБ на жёсткой сцепке, танковый транспортёр, грузовики.

– Чёрт, майор, ну, не можешь ты без циркачества, – помогая выгружать ящики из джипа, буркнул Василий. – Не мог, что ли, заехать утром в штаб? Или по радиации объяснил бы подробнее, с кем, куда.

– Млин, Василь, не сыпь хоть ты мне соль на сахар, – я подхватил из верхнего ящика пулемёт Калашникова. – Красота-та какая! А по радиации, товарищ Никитин, такие дела не решаются. Мы не знаем обстановки вокруг, и не дай бог, если нас кто слушает. Вон, под боком неожиданно-негаданно и амеры очутились, и «солдаты удачи».

– Ага, а не намудри утром Костик с переводом, хренушки бы мы пополнили наш арсенал, – усмехнулся Руденко, отыскал взглядом Григорьева. – Костян, в следующий раз переводит так, чтобы добыть танк, пару БМП и много-много соляры к ним.

– Радиации беречь надо, Василий, аккумуляторов к ним нет даже на складе у Глеймана, – хрустя сухариком, произнёс Ковалёв. – Вова, к нам Жерар топает.

Действительно, в нашу сторону направлялся командир наёмников, и не один, а в сопровождении мастер-сержанта Глеймана. Последний, кстати, едва не уронил челюсть, увидев развешивающийся над «госпиталем» серпасто-молоткастый флаг. Американец что-то недовольно буркнул, обращаясь к ван Клейсту, но бельгиец лишь флегматично пожал плечами.

– Господин капитан, перед вами глава нашей администрации Василий Никитин, – широко улыбаясь, я принялся представлять даниловцев. – Товарищ Вышинский – местный судья, товарищ Доценко...

– Жерар ван Клейст, – бельгиец по очереди пожал руки представленным персонам. – Мастер-сержант Дональд Глейман... У нас мало времени. Владимир, ты проинформировал своих боссов, что я вам предложил?

– В общих чертах, – кивнул я. – Было бы лучше, Жерар, если бы ты сам озвучил все предложения.

– Хорошо, – командир наёмников глянул на часы, а затем подозвал одного из своих людей. – Мне не хотелось бы вести конвой через чужой лес в темноте, поэтому я задержусь, а колонна пойдёт на базу.

– Да, и я не желал бы оказаться ночью в чужом лесу, – я был полностью солидарен с доводами бельгийца.

Пока народ решал неотложные проблемы, появилась Диана, сообщила, что утром Еремеев пришёл в себя. Спрашивал меня, интересовался делами в Данилово, просил кого-нибудь из своих бойцов. Докторша разрешила лишь одно посещение, и Николай переговорил с вызванным вестовым Леонидом. Затем, после ввода через систему очередной дозы какого-то препарата, мой бывший однополчанин вновь погрузился в сон. Я поблагодарил Диану, попросив её дать знать, когда Ерёма придёт в себя в следующий раз.

– Так, господин Глейман интересуется, каким образом мы намерены приводить в исполнение приговор суда? – перевела Марина. – Расстреляете или отправите на эшафот?

Вопреки моим первоначальным опасениям, переговоры с наёмниками завершились на мажорной ноте. Быстро переведя разговор на практические рельсы, хитрозадый мастер-сержант выведал, что способны производить даниловцы, и даже провернул несколько бартерных операций. В частности, Глейман договорился с Доценко о налаживании поставок наёмникам свинины и об обмене приговорённых к смерти на американское обмундирование и обувь. Эх, слышало бы в старом мире непосредственное начальство мастер-сержанта заявление Дональда, что тот не видит ничего плохого в рабовладельческом строе. Глядишь, и задвинуло бы этого бессовестного ворюгу куда-нибудь в Антарктиду, пасти пингвинов.

– Жерар, имей в виду, что среди осужденных женщин есть парочка лесбиянок, – я честно предупредил бельгийца, когда выяснил, что наёмники намерены обратить баб в сексуальное рабство. – Думаю, что они доставят твоим парням некоторые проблемы.

– Владимир, в ситуации, когда ближайший бордель остался чёрт знает где, мои парни готовы трахать даже шимпанзе, – беззаботно пожал плечами ван Клейст. – Будет куда больше проблем, если полторы сотни голодных солдат начнут тискать девок у амишей, либо ловить одиноких баб у вас или у поляков. Кстати, и у фермера-немца есть пара дочек. Красивые.

Я представил себе Леру Рынскую, к которой стоит очередь из оголодавших наёмников, и усмехнулся. Очередная гримаса фортуны – за какие-то двое суток расфуфыренная и всемогущая светская львица превращается в солдатскую подстилку. Пройдёт совсем немного времени, и девка проклянет и саму себя, и своего богатенького папочку, со всеми его миллиардами.

Переговоры завершились на мажорной ноте. Никитин и ван Клейст демонстративно пожали друг другу руки и даже выпили по стопочке за успешное и взаимовыгодное сотрудничество. Затем бельгиец отлучился для общения с пассажирами-иностранцами, выразившими желание поскорее убраться из Данилово. Наша очаровательная Мариночка наострила свои ушки, и вскоре выяснилось, что господа европейцы опасаются оставаться среди свирепых русских.

Оказалось, что толерантные иностранцы в массе своей считают даниловские законы суровыми и недемократическими, а суд присяжных – чуть ли не трибуналом времён НКВД. И это после того, как буквально на глазах десятков европейских граждан произошло зверское убийство главы администрации и участкового. А ещё говорят, что Россию умом не понять. Попробуйте, вон, понять Европу, с их завихрением умов в области толерантности и человеколюбия.

Жерар, к счастью, самостоятельно допёр, что его кормят сказками и небылицами, и не стал дискутировать о правах человека в отдельно взятом анклав. Бельгиец попросту отмахнулся от пары-тройки назойливых типов, подозвал кого-то из наёмников и быстренько поставил своим людям задачу. Затем ван Клейст предложил Никитину и другим товарищам посетить базу «солдат удачи», проехаться по ближайшим соседям, организовать совместный осмотр земного лесного массива в соседнем с Данилово кластере. Василий не кочевряжился и согласился прокатиться по гостям. Визит запланировали совершить через пару-тройку дней, когда жизнь посёлка войдёт в более-менее спокойное русло.

Забегая вперёд, скажу, что кроме большей части европейцев Данилово покинули примерно с дюжину наших соотечественников. Видимо, эти люди настолько пропитались европейскими ценностями, что уже не могли жить бок о бок с русским народом, предпочтя скитания в поисках истинной демократии. А немного позднее выяснилось, что добровольные «эмигранты совести» не ужились с сектантами-амишами, не нашли общего языка с польскими крестьянами и на какое-то время осели на довольствии немецкой фермы. Затем жизнь в лице ван Клейста раскидала эту группу болтунов-дармоедов, словно кучку гнилой картошки, по опорным пунктам наёмников, где нашим соотечественникам пришлось отрабатывать поедаемый ими паёк. В конечном итоге уцелевшие поклонники демократии вновь оказались в Данилово, где о них практически уже и не помнили.

Я уже собирался поторопить бельгийца с поездкой к самолётам, когда неожиданно нас вызвали по рации. Доценко сообщил, что при восстановлении колодца в одной из брошенных деревенок обнаружены человеческие останки, и запросил дальнейшие инструкции. Минутку подумав, я попросил своего напарника взять нашу неразлучную капитанскую пару, кого-нибудь из молодых, и съездить на место. Если уж местные жители признали нас властью, то стоит держать марку, соответствовать образу и поступать в соответствии с принятыми в цивилизованном мире нормами.

Едва Ковалёв со своей группой уехали, к правлению примчались трое пацанов на великах и, перебивая друг друга, стали рассказывать о трупах, выброшенных морем на пляж. Я поначалу подумал, что речь идёт об участке побережья, напротив которого лежал на отмели французский «аэробус», но вскоре выяснилось, что мальчишки говорят о неисследованном пляже юго-западнее посёлка. К слову, тот участок находился километрах в трёх от «нашего» пляжа, и, по идее, пацаны не имели разрешения туда лезть.

Выслушав мальчишек, Никитин крикнул, выругался от души, замысловато и многоэтажно, а потом пообещал разведчикам-самозванцам экскурсию в чужой лес, в котором живут трёхметровые ящерицы и леозавры. Мальчишки, похоже, не возражали против подобной поездки, если бы не одно «но» – глава администрации обещал рейс в один конец. Обратным непослушным детишкам пришлось бы возвращаться на своих двоих... Я отвернулся, чтобы не засмеяться, глядя, как бледнеют лица всех трёх храбрых велоразведчиков: репутация у Василия была ещё та, и он всегда держал своё слово.

– Владимир, я готов ехать к лётчикам, – появление командира наёмников прервало моральную порку мальчишек. – Ты с нами или на своей машине?

– Жерар, мы едем на своём джипе, – я кивнул в сторону «мерса». – Ещё один момент: нам потом придётся прокатиться по пляжу километра на три – там пацаны нашли чьи-то тела, выброшенные морем. Если хочешь – езжай с нами, не хочешь – возвращайся обратно.

– Они нашли чьи-то трупы? – прищурился ван Клейст. – Знаешь, Владимир, давай сначала прокатимся и посмотрим на утопленников. Хорошо?

– Ладно, сначала трупы, – пожал плечами я и решил подыграть Никитину в его воспитательной работе. – Ну всё, мелюзга, мы договорились с соседями, что продадим вас в рабство. Будете сидеть на цепи, очищать кокосы, а родители будут рыдать по вам.

– А вот и неправда, товарищ майор Иванников, – подняв голову, неожиданно возразил один из троих пацанов. – Вы только что договорились с господином Жераром, что сначала поедете смотреть на жмуров, а потом – к лётчикам. У меня по английскому пятёрка, я понимаю в разговоре практически каждое слово.

– Ну, мужчины, этот малец вас «сделал», как маленьких, – переведя тираду мальчугана, Марина рассмеялась от всей души. – А ты, малой, молодец, прямо полиглот. Если захочешь научиться испанскому или французскому – найди меня, не стесняйся. И других ребят позови – знание языков нужно каждому.

– Спасибо, тётяшка, – шмыгнув носом, мальчишка уставился на ладную фигуру нашей переводчицы. – А вы – красивая. И добрая, не то что наша «англичанка».

– Всё, Мариша, пора ехать, – поторопил я девушку, решив, что ей не нужны столь малолетние поклонники. – Рус, Толик, берите «крузак» – мы поедem на двух машинах. Заберёте на базе Марка с Соловьёвым, а потом догоняйте нас.

– Два – один в мою пользу, товарищ майор, – сев в джип, Марина неожиданно чмокнула меня в щёку. – Знаешь, Володя, меня заводит, когда ты ревнуешь. Но на будущее имей в виду: я никуда от тебя не уйду. Никогда.

– Мм... кхм, – я оказался полностью сбит с толку. Пойми этих женщин, с их неожиданными финтами и сменами настроения. – Давай поговорим об этом позднее, да?

– Так точно, мой командир, – игриво улыбнулась девушка, кладя мне на бедро свою руку. – Этой ночью, при свете луны...

– Маринка, я сейчас совершу аварию, – «мерс» вильнул в сторону, перепугав сидевшего на обочине кошака. – Ну, ночью ты у меня получишь...

– Жду не дождусь, мой милый, – промурлыкала в ответ девушка. – Между прочим, кто-то обещал камуфляжную форму и оружие. Я не могу постоянно ходить в одежде в парижском стиле – вон, даже сопливые пацаны начинают пускать слюни.

– Ну, я их понимаю, – я скосил глаза на грудь девушки. – Потерпи, моя дорогая, завтра что-нибудь придумаем с формой. Подберём амеровский камуфляж и тебе, и остальному личному составу.

Так, ведя разговоры на отвлечённые темы личного и бытового характера, мы пересекли шоссе, свернули на проложенный бульдозером просёлок и выехали на пляж прямо напротив самолёта «Эйр-Франс». Я остановил джип, подождал, пока подтянутся наш «крузак» и выбранный Жераром для путешествия БТР морской пехоты. Минуту спустя на песок вырулил LAV-25 и, заложив широкую дугу, тормознул у самого уреза воды. Руслан не стал повторять пижонский маневр лейтенанта Фридмана, а сразу же повернул джип вправо, по направлению к цели нашей поездки.

– Эх, с детства обожаю тёплое море, – войдя в воду почти по колено, ван Клейст рассмеялся, впервые проявив какие-то человеческие эмоции. – Бойд, тащи сюда свой тощий зад и не бойся замочить ноги.

– Моему тощему заду хорошо и на берегу, – сплюнув жвачку, отозвался загорелый до черноты наёмник, похоже, телохранитель или адъютант бельгийца. – Эй, лейтенант, твой броневик вроде плавающий, да? Сходим на нём за горизонт? Или, хотя бы до самолёта?

– Да, бэтэр плавающий, но это не «амтрэк», и он не выдержит сколь-нибудь серьёзного похода по морю, – Фридман сразу же расставил точки над «i» касательно мореходных качеств LAV-25. – До самолёта, если надо, сплываем и вернёмся обратно. Но не более того.

– Возле «аэробуса» не глубоко, – прикинув на глаз уровень моря, заметил я. – Сейчас отлив, и там метра два – два с половиной будет, не больше.

– Владимир, я слышал, что лётчики хотят вытащить лайнер на берег, – Жерар с довольным видом выбрался из воды. – Мы хотели бы предложить свою помощь – техникой и людьми.

– Да, у летунов есть мысль вытащить этого монстра на сушу, – подтвердил я. – Не думаю, что после такой посадки «аэробус» можно восстановить, но и терять столько металла не хочется.

– Да, металл – очень ценен, и его нельзя терять даром, – кивнул бельгиец. – Владимир, я хочу предложить тебе следующее: завтра мы вместе вывезем всё оставшееся барахло из ангара на полигоне, а послезавтра подумаем об этом несчастном самолёте. Ну, как, согласен?

– Жерар, мне придётся посоветоваться с мэром Данилово, – я умышленно назвал Василия английским термином, чтобы организовать отмазку, если что. – Если сэр Никитин даст своё согласие на нашу совместную поездку, то мы поедем с вами на полигон.

– Хорошо, спрашивай разрешение у своего мэра, – мгновенно раскусив мою игру, прищурился командир наёмников. – Ну, а где здесь утопленники? Не вижу ни одного.

Мы вновь сели в машины и покатали по пляжу в западном направлении, держа скорость километров тридцать, не более. Можно было, конечно, ехать и побыстрее, но я решил не торопиться и внимательнее осмотреть прибрежную полосу. На всякий случай, так сказать.

Вооружённая биноклем Марина высунулась из люка и изучала лазурно-голубого цвета море, выискивая какие-нибудь плавающие предметы и вообще что-нибудь любопытное. Аналогичным образом поступил и лейтенант Фридман, вот только бинокль у него оказался куда мощнее нашего. Поэтому американец первым обнаружил выброшенный на берег мусор явно не природного происхождения. А спустя минуту морпех закричал, что видит на воде человеческое тело. Американский бронетранспортёр тотчас повернул влево и, поднимая тучи брызг, устремился к находке.

– Ой, мамочки, а там ещё двое плавают, – неожиданно прошептала Марина, спускаясь вниз и прижимаясь к моему плечу своей грудью. – Володя, я, кажется, очень боюсь утопленников.

– Ты встречалась с ними ранее? – глянув на побелевшее лицо девушки, поинтересовался я. – Когда, где, с кем?

– Нет-нет, я просто никогда не видела утонувших воочию, – испуганным голосом Марина. – Со стороны смешно, наверное – меня несколько не мутит при виде крови и при этом бросает в дрожь при одной мысли об утопленниках.

– Что же, всё в жизни когда-то бывает в первый раз, – философски заметил я, порывшись в бардачке. – Вот, держи коньячок, моя хорошая. Это для внутреннего употребления, очень качественный продукт. Ещё – если не сможешь – сиди в машине, не выходи. Мы как-нибудь найдём общий язык с союзниками.

– Х-хорошо, – девушку действительно била самая настоящая дрожь. – Я п-попробую успокоиться... Может, с-смогу...

Тем временем LAV-25 заехал в воду почти по оси колёс и остановился возле колыхающегося на воде тела. Союзники – именно так я решил впредь именовать америкосов и наёмников – не боясь промокнуть, ссыпались с брони, подхватили погибшего за одежду и потащили к берегу. «Крузак» прокатился мимо нас, направляясь к обнаруженным переводчицей трупам.

– Европейец, лет тридцать пять – сорок, по виду – типичный буржуа, имел французское гражданство, – сунув руку во внутренний карман пиджака утопленника, ван Клейст выудил оттуда промокший паспорт. – Я не вижу на теле следов насилия, скорее всего он попросту утонул. Что скажет полиция?

– Считаю, что ты прав, Жерар, – подбирая слова, с жутким акцентом произнёс я. – Водоросли в волосах, обувь на ногах – погибший даже не пытался спастись вплавь. Утонул сразу, возможно был без сознания.

– Владимир, с твоей женщиной всё нормально? – послушав мой корявый английский, спросил бельгиец. – Может, нужна помощь?

– Спасибо, думаю, она сама справится, – оглянувшись назад, я увидел, что Марина интенсивно использует выданный «допинг». – А что за вещь тащит лейтенант Фридман?

– Спортивная сумка вроде, – присмотревшись, определил Жерар. – Бойд, вон там, глянь – что-то на воде колыхается. Видишь?

– Вижу, ящик какой-то, деревянный, разбитый, – наёмник опустил штурмовую винтовку с оптикой. – Смотрите: русские полицейские машут руками. Нашли что-то хорошее, наверное. Поехали к ним.

Союзники вскарабкались на броню БТРа, а я вернулся к своему «мерсу», где меня сразу же засыпали вопросами. «Допинг» подействовал: Марина порозовела, перестала стучать зубами и заикаться, а главное – её уже не пугали утопленники. Благодаря этому девушка вновь приступила к своим обязанностям переводчицы, и нам не пришлось оскорблять слух союзников жуткой пародией на английский.

Визуально исследовав окрестности в течение следующего получаса, мы обнаружили в пределах досягаемости ещё пять тел, в дополнение к трём найденным ранее. Плюс – полтора десятка сумок и сумочек, в том числе сумку с ноутбуком на одном из трупов. Видимо, информация на ноутбуке представляла огромную ценность, коли погибший так и не расстался с парой килограммов балласта.

В прибрежных водах дрейфовали неподдающиеся опознанию обломки и бытовой мусор, без сомнения, свидетельствовавшие о произошедшей неподалёку авиакатастрофе. Судя по всему, эта катастрофа произошла в нескольких милях, а то и в десятке миль от побережья, а тела и обломки раскидало течением по огромной площади. Здешние приливы и отливы за пару дней так рассеяли останки и мусор по водной глади, что мы даже не имели возможности прикинуть примерную точку падения самолёта. Лейтенант Фридман предположил, что авиалайнер потерпел крушение где-то в юго-западном направлении, и течение принесло часть останков и обломков на восток. Кстати, выяснилось, что погибший самолёт принадлежал всё той же «Эйр-Франс» – и выполнял рейс по маршруту Стокгольм – Париж.

Подобрав утопленников и кое-какие личные вещи, мы с союзниками решили, что нет смысла вылавливать из воды разнообразные обломки. В конце концов, мы не эксперты, перед которыми поставлена задача выяснить причины катастрофы, и не похоронная команда, в обязанности которой входит сбор тел всех погибших. Наверное, можно было оставить утопленников на пищу крабам или каким-нибудь другим падальщикам, но мы решили похоронить погибших по-человечески. Быстро забросили найденных «двухсотых» на крышу американского БТРа, вновь осмотрелись вокруг и уже собрались ехать обратно, в Данилово, когда на связь вышел Михаил Ковалёв.

Мой напарник доложил, что обнаруженные останки достаточно старые, и без нормальной экспертизы невозможно с точностью определить, когда именно погиб этот человек. Именно погиб, так как парни там же, на месте, нашли две пули калибра семь-шестьдесят два, явно свидетельствующие о насильственной смерти. Ковалёв предположил, что мы имеем дело с одной из тысяч жертв кровавых девяностых, когда из-за разгула преступности люди бесследно исчезали один за другим, словно в пасти Харибды. В общем, типичный «глухарь», и максимум, что мы могли сделать – это вновь предать земле найденные останки. Ну, может, ещё попросить отца Серафима помолиться за душу убиенного. Всё.

Лейтенант Фридман, до этого момента восседавший на башне LAV-25 со скучным видом, неожиданно закричал, привлекая всеобщее внимание. Мы – и наёмники, и опера – дружно обернулись в сторону БТРа, а затем повернули головы в западном направлении, куда указывал американец.

– Мариночка, дай-ка мне наш бинокль, – сразу же поняв, что без оптики не обойтись, я протянул руку в салон своего «мерса». – Спасибо, девочка...

– Fucking shit! – выругался один из наёмников, Бойд, кажется. – Провалиться мне сквозь землю, если это не динозавры!

– Мля, командир, когда вернёмся, первым делом дадим пацанам люлей по самое «не хочу», – спустя полминуты произнёс Руслан, передавая второй бинокль Марку. – Тут без пулемёта не обойтись... Етишкина жизнь!

Словно зачарованные, мы рассматривали пару зверюг, быстро шагавших по белому песочку в нашу сторону. Похоже, никто из нас не заметил момент появления на пляже этих двух тварей. В какой-то момент ветер донёс до нас глухое рычание одного из представителей давно вымершей на Земле фауны. Я невольно ощутил волну первобытного страха и трепета, пытавшуюся было поднять голову где-то в закоулках сознания.

– Мужики, эти уроды перешли на бег, – будничным тоном известил нас Мышкин. – Красиво бегут, гады.

– Мэтт, доклад по дистанции до цели, – не отрываясь от бинокля, поинтересовался командир наёмников.

– Семьсот пятьдесят метров, сэр, – взволнованным голосом отозвался Фридман. – Семьсот метров... Шестьсот пятьдесят... Шестьсот...

– Лейтенант, огонь! – скомандовал ван Клейст. – Посмотрим, кто кого...

Автоматическая пушка LAV-25 изрыгнула две короткие очереди, прервавшие забег хищников за добычей. Оба динозавра рухнули наземь, словно подкошенные, не добежав до нас метров пятьсот с хвостиком. На какое-то время воцарилась относительная тишина, а затем близлежащий лес буквально взорвался рёвом и рыком.

– Двести метров! Шевеление кустарника! – присев на колено и мгновенно наведя автомат на заросли, прокричал Бойд. – Лейтенант, вруби тепловизор!

Жерар кивнул, подтверждая приказ своего подчинённого, и американец вновь исчез в башне бронемшины. Башня БТРа пришла в движение, наводя пушку на близлежащие заросли. Душераздирающий рёв хищников не прекращался ни на мгновение, заставляя нас – чего уж греха таить – нервничать и крепче вжимать в плечи приклады автоматов.

– Три сигнатуры на тепловизоре! Сто пятьдесят метров, сэр! – наконец вынырнул из люка лейтенант. – Какие будут приказания?

– Угости их бронебойными, Мэтт, – поразмыслив долю секунды, решил Жерар. – Всем! Приготовиться!

Скорострелка выплюнула ещё три короткие очереди, с небольшими паузами между ними, и звуковая атака здешней фауны резко оборвалась. Слитный рёв уверенной в своих силах стаи хищников сменился прерывистым воем, полным боли и страданий. Спустя пару-тройку секунд густые кусты зашевелились, и метрах в ста тридцати от нас на пляж вывалился одинокий динозавр. Именно вывалился, а не шагнул, и не вышел.

Не сговариваясь, мы без команды дружно нажали на спусковые крючки, поливая цель длинными очередями. Для покалеченного бронебойными снарядами зверя это стало последней каплей – он сделал один-два нетвёрдых шага по направлению к урезу воды и рухнул, издав прощальный хрип, больше похожий на скулёж пса. Над пляжем вновь воцарилась тишина.

– Лейтенант, что там, на тепловизоре? – прервал всеобщее молчание командир наёмников. – Видно что-нибудь?

– Никак нет, сэр, экран чист, – очень уважительным тоном отозвался Фридман. – Прибор показывает, что в пятистах метрах впереди нас нет ни одной сигнатуры.

– Тепловизор часто ошибается в джунглях, – проворчал Бойд, сплёвывая на песок. – Ты должен об этом знать, лейтенант.

– Ладно. Русские, садитесь в свои машины и выдвигайтесь следом за нами, – немного помедлив, решил ван Клейст. – Надо осмотреть добычу, чёрт побери... Майор, открывайте огонь без команды и предупреждений. По любому движению в джунглях.

Предосторожности оказались излишними – никто не выпрыгнул на нас из кустов, когда три стальных монстра тормознули у первой туши. Нашему взору предстал сюрреалистический натюрморт из эпохи юрского периода: расплазующееся по белоснежному песочку бурое пятно, на котором валяется туша трёхметрового ящера, буквально сочащаяся кровью из множества ран разных размеров. Одна из верхних лап динозавра отсутствовала, видимо, оторванная снарядом «бушмастера». Другой снаряд – или снаряды, уже не разберёшь, сколько их угодило – разворотил морду хищника, превратив его челюсти в мешанину костей и мяса. Полагаю, с подобными ранами зверь издох бы и без нашего вмешательства, без добивания из стрелкового оружия.

Мы потоптались у туши, немного отошли от адреналинового шока, а затем решили, что перед броском к первым трофеям следует провести зачистку опушки и близлежащего кустарника. Несмотря на уверения лейтенанта Фридмана, что фирменный штатовский тепловизор не может ошибаться, и в ближайшей округе отсутствует любое зверьё, даже мыши. Как говорится: технике доверяй, но про контрольный в голову не забывай.

Жерар не хотел рисковать людьми и приказал Мэтту вломиться в кустарник на LAV-25, пробить дорогу, распугать и подавить, если понадобится. Мы двинулись следом за БТРом, разделившись на две группы по три человека в каждой. Остальные – мои парни – остались у джилов, охраняя переводчицу, и в готовности поддержать огоньком, если понадобится.

Бронетранспортёр прокладывал путь, словно бульдозер, поэтому, втянувшись на пару десятков метров в джунгли, мы быстро вышли к останкам ещё двух динозавров. Эта парочка, похоже, погибла на месте, испытал на себе всю мощь американского оружия. Бронебойные снаряды «бушмастера» прошили зелёнку, словно картон, перебив позвоночник одному хищнику и изрешетив туловище и сердце другому. Зверюги сдохли сразу же, на месте, и не представляли для нас никакой опасности. Пустив на всякий случай каждому из монстров по несколько пуль в глазницы, мы поставили жирную и окончательную точку в первой охоте на динозавров.

Уже никуда не спеша и не мандражируя, прокатились вперёд по пляжу, чтобы сделать контроль первой парочке. Контроля, впрочем, не понадобилось: двадцатипятимиллиметровая скорострелка буквально вывернула наизнанку тела хищников, обнажив на всеобщее обозрение всяческую внутреннюю требуху и прочий вонючий ливер. Над пляжем уже витал отвратительнейший аромат, и можно было лишь представить, какое амбре образуется под местным солнцем через денёк-другой.

Видавший виды командир наёмников поморщился, когда мы спешили, чтобы осмотреть туши, а некоторые из моих парней отвернулись, чтобы не смотреть на пляжный филиал мясокомбината. Марина по моему приказу вообще не высывалась из джипа, сидела бледная и поникшая. Эх, жаль девчонку, не для неё подобные зрелища – то утопленники не первой свежести, то фарш из плоти ископаемых ящеров.

Решив про себя, что по возвращении заставлю переводчицу нагрузиться вискариком и кониной в хлам, вплоть до стадии объятий с «белым другом», я окликнул Жерара, выразительно постучав пальцем по циферблату часов. Бельгиец понял меня без слов, кивнул, соглашаясь, и закончил фотосессию охоты на динозавров.

Бойд, обозревавший морскую гладь в бинокль с крыши LAV-25, спрыгнул вниз и, не стесняясь, с ухмылкой помочился на ближайшую тушу. Затем произнёс что-то на смеси нескольких языков, с многократным повторением глагола «фак», хлопнул меня по плечу и исчез в чреве БТРа. В ответ на мой немой вопрос командир наёмников лишь пожал плечами, мол, всё нормально, майор, давай поехали-ка обратно. Я не возражал, уселся за руль родимого «мерса», и вскоре мы оставили позади зловонные туши хищников.

Возвращались старым маршрутом, решив не срезать угол по чужому лесу, в котором прогуливаются живые реликты юрского периода. Когда подъезжали к шоссе, на связь вышел Ковалёв, сообщив, что его группа уже чаёвничает на базе. Я предложил Михаилу прокатиться

до импровизированного аэродрома на трассе, куда мы в тот момент как раз и держали путь, чтобы обсудить один шкурный вопрос.

Определив время прибытия через пять-семь минут, мой напарник отключился, а я вызвал по рации Руденко и произнёс пару ничем не примечательных кодовых фраз. Руслан мгновенно вник в тему, пообещав проинструктировать Марка и Соловьёва. Следовало сегодня же поставить все точки над «i» в одном очень щекотливом вопросе.

Группа Ковалёва подъехала, когда ван Клейст и его парни знакомились с пилотским интернационалом. Я представил бельгийца и его людей, затем с помощью Марка поведал, как происходила аварийная посадка всех трёх самолётов. Выслушав подробности, наёмники лишь покачали головами – в их жизни бывало и не такое. Американские морпехи – Фридман и водитель бронетранспортёра – отнеслись к рассказу иначе: стали смотреть на лётчиков восторженными глазами, словно сопливые тинейджеры на картонных голливудских звёзд.

Жерар не отставал от «кожаных воротников» – пожимал летунам руки, благодарил их за профессионализм и мужество, за спасение сотен жизней. Поначалу пилоты, похоже, несколько обалдели от такого внимания со стороны малознакомой персоны и чувствовали себя не в своей тарелке. Затем ледок первичного недоверия испарился, и лётчики принялись обсуждать с командиром наёмников животрепещущий вопрос – исчезновение целых диапазонов радиосвязи.

– Господин ван Клейст, поначалу мы с Сержем думали, что всё дело в нашей, намокшей в воде рации, – рассказывал Люк Броссьер, второй пилот «аэробуса». – Но затем мы поговорили с герром Майером, – кивок в сторону немца, – поговорили с месье Соломатиным – их радиостанции в полном порядке.

– Да, да, наша радиостанция не пострадала, – подтвердил Феликс Майер. – Я не верю в то, что разбились все те самолёты, с которыми был установлен контакт.

– Месье Броссьер, месье Майер, те самолёты, скорее всего, разбились, и никто из экипажей и пассажиров не выжил. Вон, на броне бэтэра лежат останки тех, кого мы выловили в море час назад. Я бы не стал возиться с трупами, но русские товарищи уговорили похоронить погибших по-человечески, – бельгиец разливался соловьём. – Я не знаю, что произошло с вашими радиостанциями – у моих парней полный порядок со связью. Я могу продемонстрировать это прямо сейчас, связавшись с немецким кластером. Это примерно в сорока километрах отсюда.

Пока ван Клейст рекламировал американские рации, которыми пользовались наёмники, я потихоньку ввёл своих оперов в курс дела, заодно пояснив, почему нужно решить все вопросы именно сегодня. Парни согласились с моими доводами, а Саня Барулин заметил, что не я один сумел сложить два и два – слова бельгийца слышали и другие умные люди. Поэтому командиру «диких гусей» предстоит объяснить нам многое, очень многое.

Тем временем Жерар договорился с лётчиками об их принципиальном согласии объединить усилия во благо всех землян. Тем самым хитрый бельгиец получал в своё распоряжение ещё один самолёт и целых три опытных экипажа. И это не считая немецкого лайнера, который предполагалось использовать в качестве источника различного ценного оборудования. Что же касается самолёта «Эйр-Франс», то все присутствовавшие очень надеялись вытащить его на сушу для дальнейшей разборки на запчасти.

Нашему родимому «илу» в планах ван Клейста отводилась роль флагмана ВВС конфедерации, транспортника и ганшипа в одном флаконе. Как мы поняли, у наёмников имелось всё необходимое, чтобы превратить «семьдесят шестой» в летающую оружейную платформу.

Личный самолёт Глеймана становился разведчиком и лёгким штурмовиком, при необходимости. При этом Жерар сразу же заявил, что двухмоторная «цессна» должна подняться в воздух через денёк-другой, и для этой машины нужны люди, имеющие реальный боевой опыт. Вороватый мастер-сержант американской морской пехоты, похоже, не имел ничего похожего в своём послужном списке.

Похлопав по плечу Сержа, бельгиец предложил французскому экипажу ехать на базу наёмников уже сегодня, чтобы помочь со сборкой и доводкой «цессны». Французы согласились, и разговор перешёл к организационно-техническим вопросам – лётчики принялись перерабатывать график работ по «боингу», с которого уже были демонтированы все четыре двигателя.

Прикинув, что если ван Клейст немедленно заберёт французов с собой, у нас могут возникнуть некоторые осложнения, я незаметно кивнул Михаилу и Руслану. Парни поняли меня без слов, и через пару минут все наёмники и морпехи оказались «под присмотром». Если что-то пойдёт не так, наши новые союзники будут очень удивлены, а дальше – как карта ляжет.

– Жерар, есть тема для разговора, – подойдя к бельгийцу, я подождал, пока Марк переведёт. – Нам бы хотелось знать, почему ты использовал термин «кластер» – наша девушка очень точно перевела это слово – и откуда у тебя копия аэрофотосъёмки окрестной территории? Мы достаточно опытные менты... пардон, полицейские, чтобы заметить такие детали и сложить из них цельную картинку. В общем, предлагаю тебе открыть карты.

– Ха-ха-ха, Владимир, я рад, что не ошибся в вас – ваши действия ещё раз подтверждают профессионализм русской полиции, – бросив пару быстрых взглядов вокруг, ван Клейст неожиданно заразительно рассмеялся, демонстративно скрещивая руки на груди. – Успокойся, майор, не паникуй... Так, тот парень, что стоит у LAV-25 – что он намерен делать?

– Если начнётся заварушка, то капитан Барулин сначала закинет в бэбээр гранату, а затем тихонько прихлопнет американского лейтенанта, – я старательно изображал максимальное дружелюбие, хотя рука уже буквально тянулась к пистолету: прожжённый наёмник играючи раскусил наш план, и всё летело в тартарары.

– Так... Но твои полицейские даже не перекинули автоматы поудобнее, – спокойным тоном заметил бельгиец, глянув в сторону Руденко и Новичонкова. – Думаю, твои люди, майор, вооружены чем-то бесшумным, к примеру, пистолетами с глушителями, и вы надеетесь на быструю схватку... Хорошо, а что потом? Что ты станешь делать со своими людьми, если убьёшь нас, майор?

– А дальше мы подорвём броневик, если он сам не загорится, столкнём «боинг» трактором – мне пофигу, если при этом у «немца» сломаются стойки шасси – загрузимся в транспортник и улетим отсюда куда подальше, – ответил я, глядя Жерару прямо в глаза. – Твои люди в Данилово не успеют перехватить «ил» на взлёте, и никто не найдёт нас в этом мире. По крайней мере – в ближайшем будущем.

– Хм, грамотно. Мои парни в посёлке никак не успеют среагировать на ваше бегство, – хмыкнул ван Клейст и продолжил: – Не учтена лишь одна существенная деталь – у нас есть радар, который определит направление полёта самолёта. Возможно, это поможет вас найти... А что ты планировал сделать с немцами и французами: взял бы с собой, убил их?

– Предложил бы им всем лететь с нами, подальше от этого места, – ответил я, кивнув в сторону Данилова. – А тех, кто не захотел бы искать новые приключения на свои задницы, с удовольствием оставил бы здесь, на трассе. Мне лишний балласт ни к чему.

– Никуда бы ты не улетел, майор. У тебя в этой деревне есть друг, которого ты никогда не бросишь, – неожиданно произнёс бельгиец. – Из-за событий последних дней у тебя голова идёт кругом, поэтому ты поступаешь, как типичный полицейский – пытаешься немедленно получить ответы на все вопросы. Готов рискнуть, лишь бы побыстрее... Хорошо, сегодня добрый дядюшка Жерар изобразит Санту и раздаст нетерпеливым детишкам заслуженные подарки.

Что же, командир наёмников в очередной раз продемонстрировал, что обладает недюжинными мозгами и железными причиндалами. Окажись на месте бельгийца кто-нибудь другой – ситуация вполне могла созреть до боестолкновения с непредсказуемыми последствиями. Дело в том, что я не собирался бросать в посёлке раненого Еремеева и других, кого с некоторых пор считал своими людьми.

Поэтому Саша Барулин был готов метнуть в десантное отделение БТРа гранату без запала, а затем пострелять перепуганный экипаж машины из ТТ с глушителем. А дальше мы бы использовали трофей по назначению во время поездки в Данилово, и, полагая, смогли бы прихватить LAV-25 с собой при смене пункта дислокации. По принципу: в хозяйстве всё сгодится, а свободного места в «иле» вполне хватило бы.

Издевательски улыбаясь, Жерар нарочито медленно сунул руку в один из карманов своей разгрузки и столь же медленно извлёк на свет божий сложенную в несколько раз карту, склеенную из четырёх листов формата А-4. Оглянувшись, отступил назад, разложил свою самодельную карту на капоте «гелендвагена». Помолчал, наблюдая за нашей с Марком реакцией.

– Нельзя сказать, что мой отряд оснащён самым современным оружием, но мы старались не отставать от общемировых тенденций, – сделал небольшое вступление ван Клейст. – У нас имелась пара беспилотников для разведки, и когда произошёл катаклизм, мы запустили одного из дронов в полёт. К сожалению, он был безвозвратно потерян в четвёртом полёте...

– Тем не менее погибший дрон выполнил свою задачу: на следующий день наземная разведка вошла в анклавы амишей и поляков, и я приказал не рисковать вторым аппаратом, – после небольшой паузы продолжил бельгиец. – В данный момент я считаю, что добытой первым беспилотником информации более чем достаточно, и нет необходимости рисковать столь ценным вооружением. Всю дальнейшую разведку с воздуха мы будем производить с помощью «цессны», для чего нам и нужны профессионалы с боевым опытом. Это всё, господа. Можете задавать вопросы.

Вопросов имелось великое множество, но и я и Марк молчали, жадно рассматривая самодельную карту. Похоже, наёмники действительно не хотели рисковать своим последним беспилотником, поэтому карта представляла собой обыкновенную фотосъёмку окружающей нас местности. Триста шестьдесят градусов здешнего ландшафта относительно базы «солдат удачи» в цифровом разрешении и с весьма приличной высоты. Жерар сказал правду: дрон был запущен с единственной целью – быстро сфотографировать всё вокруг и вернуться обратно.

– Смотрите: вот это – река, шириной более двух километров, с достаточно медленным течением, впадает в море. Мои парни предлагали назвать её Нилом или Амазонкой. В ней водятся огромные крокодилы, размерами намного больше своих земных сородичей, – видя, что взбунтовавшиеся были союзники реально «зависли», ван Клейст ловко перехватил инициативу в свои руки. – Наш, западный, берег несколько болотистый, с зарослями кустарника и тростника. В них водится много всякой опасной живности: змеи, огромные нелетающие птицы. Противоположный берег – восточный – возвышается над рекой метров на сто, не больше. Это горная гряда, которая обрывается прямо в русло реки...

Я проследил за пальцем бельгийца: река чем-то напоминала самую обыкновенную воровскую «фомку» с парой рабочих концов. Одна из закорючек этой «фомки» впадала в море, а другая терялась где-то в северном направлении. Анклавы амишей, наёмников и немцев практически примыкали к западному берегу реки, причём ферма немца оказывалась как бы на полуострове, образованном руслом реки и морем.

Поляки, мы и американский полигон расположились западнее, вдоль берега моря, как бы параллельно самой реке до её поворота на север. На левом, противоположном берегу, располагалась какая-то гористая местность, покрытая то ли лесами, то ли кустарником. Учитывая, что мы в Данилово не видели никаких гор в восточном направлении, высота гор действительно была сравнительно небольшой. Куда больший интерес представляла собой местность, находившаяся по соседству с Данилово, те самые кластеры, о которых невольно проговорился командир наёмников.

– ...Здесь, как я уже говорил, какой-то земной лесной ландшафт, а вот там, в соседнем с амишами кластере, есть редкие фермы или что-то похожее. Мы ещё не добрались туда, так как на пути встала совершенно непроходимая местность, где не проехать даже на танке, – Жерар

продолжал экскурсию по карте, Марк переводил. – В кластере дальше угадывается дорога, скорее всего, шоссе, и эта местность соседствует с вами и американцами. Выше, ближе к углу карты, скорее всего, непроходимые джунгли чужого мира.

– Жерар, вы не думали перебраться через реку? Например, здесь – в её устье, – поинтересовался я, ткнув пальцем в угол рисунка. – Река же, по твоему собственному признанию, не особо широкая – всего два-три километра.

– Мы прорабатывали такой вариант, но он был сразу же отвергнут как очень опасное мероприятие, – недовольно поморщившись, ответил бельгиец. – Проблема в том, что мы не имеем плавсредств, способных уверенно держаться на воде, а здешняя Амазонка полна крупных хищников.

– А кто-нибудь обратил внимание, что эти все анклавы расположены в шахматном порядке? – неожиданно произнёс Марк по-русски и сразу же перевёл свой вопрос на английский.

– Да, это очень интересный и необъяснимый момент, – кивнул ван Клейст. – Мы не знаем, почему кластеры оказались в таком порядке. Видимо, на это была воля Божья.

– Насколько я понимаю, на северо-восточном берегу реки нет ни одного анклава? – я обратил внимание на то, что на противоположном берегу не заметно резких переходов ландшафтов. – Так?

– Этого мы пока не знаем, – после короткой паузы ответил командир наёмников. – С северо-восточным берегом разберёмся, когда поднимем в воздух «цессну» и проведём нормальную разведку всей близлежащей местности.

– Эту карту надо показать остальным, в первую очередь – лётчикам. Те сразу определят, что расположено по углам, здесь и здесь, – Марк ткнул пальцем в края карты. – Вам придётся открыть свои тайны, так как без пилотов не обойтись, господин капитан. При полёте к Данилово они могли видеть то, что не заметил ваш беспилотник – они же постоянно смотрят сверху на землю.

– Чёрт, хотя и не хочется признаваться, но ты прав, солдат, – немного подумав, вздохнул Жерар. – На нас уже оглядываются... Эх, зови сюда своих русских, майор, а я позову остальных.

Нам не пришлось никого долго упрасивать – люди действительно обратили внимание на то, что здешние «смотрящие» о чём-то серьёзно базарят у «гелендвагена». Хорошо ещё, что никто из иностранцев не подозревал, что «смотрящие» оказались на грани конфликта между своими «группировками». Следующие полчаса прошли почти в полной тишине – прикрепив карту к лобовому стеклу «мерса», бельгиец читал вводную лекцию по географии здешнего мира. Используя в качестве указки собственный палец, ван Клейст дал полный расклад по окрестностям, не упустив, кажется, ни одной детали. Лётчики жадно слушали командира наёмников, внимая каждому его слову.

Расчёт Марка оказался верен – едва Жерар замолчал, пилоты сразу же стали высказывать дельные мысли и замечания. Причём не только по картографии, но и по планированию воздушной разведки, поиску земель, и т. п. Лекция бельгийца плавно перетекла в совещание личного состава воздушных сил вновь образуемой конфедерации.

Первым делом лётчики высказали предположение, что соседний с амишами кластер, до которого не смогли добраться наёмники, является частью России. Об этом заявил Анисин, минут пять рассматривавший пятнышки изб и тоненькие ниточки дорог. Кроме этого, пилоты определили, что в соседнем с Данилово и полигоном анклавом должны быть земляне: рядом с прямой линией шоссе виднелось какое-то небольшое строение, рядом с которым можно было угадать с десяток автомобилей. Судя по всему, в этом кластере мы могли найти наших соотечественников или других цивилизованных людей.

Затем кто-то обратил внимание на два-три тёмных облачка ближе к верхнему краю карты, в гористой местности за рекой. По словам лётчиков, это вполне могли быть места ката-

строф трёх авиалайнеров, с которыми прервалась связь сразу же после катаклизма. Услышав это, ван Клейст нахмурился и попросил Бойда притащить из БТРа его личный комп. Наёмник принёс небольшой металлический кофр, откуда Жерар извлёк планшетник, немного «поколдовал» над ним и спустя минуту выругался по-английски.

Планшетник пошёл по рукам, и все смогли рассмотреть хвост самолёта, валяющийся на краю чёрного пятна выгоревшего пожарища. Над людьми повисла минута молчания: присутствующие прекрасно понимали, что шансов обнаружить выживших в этой катастрофе практически нет. То же самое можно было отнести и к двум другим местам падений авиалайнеров. А сколько ещё самолётов рухнули вне радиуса фотосъёмки дрона наёмников...

– Сразу же после катаклизма мы внимательно прослушивали эфир и насчитали не менее семи «бортов» в воздухе. С большинством из них нам так и не удалось установить связь, – после невольной паузы с горечью произнёс Феликс Майер. – Два лайнера приземлились здесь, ещё два, если верить карте, разбились в ближайших окрестностях. Следовательно, куда-то пропали ещё три самолёта.

– А мы с Сашкой вроде насчитали восемь «бортов». Смогли выйти на связь с четырьмя, – заметил Анисин, жестом попросив дать ему планшетник. – Был ещё транспортник из Голландии – их радист успел прокричать, что они идут на запад над каким-то незнакомым плоскогорьем и отчётливо видят реку. После чего контакт прервался.

– Если нам удастся перебраться через реку, то в перспективе можно добраться до места крушения этого самолёта, – бельгиец в задумчивости почесал переносицу. – Напрямик от амисшей километров двадцать пять до точки катастрофы. Чёрт, нам нужен серьёзный катер или паром.

– Ээ... Господин ван Клейст, а почему нельзя пересечь реку на бронетранспортёре? – искренне удивился Сапрыкин.

– Нет, я ни за что не стану рисковать своими людьми и боевой техникой, – отрицательно покачал головой Жерар. – Здешние крокодилы слишком велики и опасны, и не надо давать им возможность попробовать человечину.

– Неужели и наш «витязь» не подойдёт? – продолжал допытываться Николай. – Он же великолепно плавает.

– Что за «витязь»? – в свою очередь поинтересовался командир наёмников. – Это катер?

Бортинженер принялся объяснять бельгийцу, что даниловский анклав имеет уникальное для бездорожья транспортное средство амфибийного типа – сочленённый вездеход ДТ-10П. Он же «витязь». Ван Клейст, похоже, оказался абсолютно незнаком с данной машиной и сразу же засыпал Сапрыкина массой технических вопросов, касающихся эксплуатации вездехода.

Бортинженер был не в теме, и отдуваться за его хвастовство пришлось Марку. Минут пять спустя Жерар предложил Мышкину обменять «витязь» на какое-нибудь транспортное средство, например на броневик «сарацин» или бронированный грузовик. Марк вежливо отказался, сославшись на то, что вездеход уже пристроен к делу даниловскими мужиками.

Затем кто-то из лётчиков высказал мысль, что если катаклизм произошёл по всей Земле, то в неизвестный мир должно было угодить некоторое количество земных плавсредств – от прогулочных яхт до атомных авианосцев, от портовых буксиров до балкеров и контейнеровозов. Где-то секунду народ молчал, переваривая идею, а затем началось спонтанное и шумное обсуждение. Так неожиданно выяснилось, что лётчики – люди эмоциональные, готовые спорить до хрипоты, доказывая свою правоту. Причём спорили все пилоты и прочие члены экипажей, независимо от национальностей.

Подождав минут десять, пока у народа схлынули первые эмоции, ван Клейст встал на подножку моего «мерса» и пронзительно свистнул раз-другой, словно заправский судья на футбольном поле. Спорщики на мгновение замерли, а спустя минуту вообще утихомирились, нако-

нец-то начав высказываться каждый по очереди. Теперь и мы оказались в курсе, что сразу же после катаклизма французы визуально наблюдали какой-то корабль, скорее всего, танкер.

Люк и Серж клялись, что видели тот танкер всего две-три секунды, а затем всё вокруг заволокло туманом, и их «аэробус» продолжал полёт вслепую. В свою очередь, немцы сомневались, что их коллеги из ЕС имеют настолько острое зрение, чтобы разглядеть и опознать класс корабля с высоты в сколько-то там тысяч метров. Наш же, российский экипаж, разделился поровну, став на сторону и тех и других. Как говорится – хоть плачь, хоть смейся.

– Господа, я обещаю вам всем, что ВВС конфедерации приложат все силы, чтобы отыскать каждый земной корабль в этом мире, – недолго думая, заявил бельгиец. – В том числе и тот танкер, который видели месье Броссьер и месье Ориоль. Мы начнём поиски послезавтра, как только соберём и облетаем «цессну».

Эх, знал бы Жерар, какой ценой для нас обернётся встреча с землянами, и что его обещание сбудется быстрее, чем предполагалось – командир наёмников, наверное, никогда бы не обещал начинать поиски.

Спустя какое-то время мы и наши новые союзники наконец-то покинули «аэропорт Данилово» и перебрались в посёлок. Ван Клейст увёз с собой пару французских лётчиков, а его бойцы забрали ещё некоторое количество иностранных граждан. Остальных планировалось перевезти завтра и расселить в польском и немецком кластерах. Честно говоря, мы вздохнули с облегчением – любопытные и бестолковые в бытовом отношении иностранцы плохо вписывались в жизнь даниловцев, не понимали особенностей русского менталитета. До каких-либо конфликтов, слава богу, ни разу не дошло, но мелкие недопонимания возникали сплошь и рядом.

– Ну как, Костя, этот мир похож на мир твоего фантаста Круза или нет? – поинтересовался за ужином Ковалёв у лейтенанта Григорьева.

– Да как-то не очень, – с набитым ртом отозвался лейтенант. – По законам жанра не хватает чего-то, а чего, не знаю.

– «Зоны» не хватает, вот чего, – активно работая челюстями, пробурчал Руслан. – Если есть менты, то по законам жанра должны быть и эки – много-много сбежавших заключённых.

– Типун тебе на язык, Руслик, – постучал кулаком по столу Зеленцов. – Сплюнь три раза и постучи себе по лбу. Тебе что, динозавров мало?

Часть 3

Следующий день начался для нас рано, практически с восхода солнца. Начался, признаюсь, тяжело – вчера вечером в гости на базу пожаловали Василий Никитин со своим зятем и товарищ Вышинский собственной персоной. В результате, за разговорами по делу и по душам, мы ещё раз подсократили запасы еремеевского алкоголя, засидевшись с гостями далеко за полночь. Некоторые – не будем тыкать пальцами в помятые лица – немного перебрали, и сейчас чувствовали себя крайне противно. Водные процедуры на свежем воздухе и лёгкая физкультура помогли личному составу морально восстановиться, а последовавший затем плотный завтрак возродил нас и физически.

Сразу же после завтрака лётчики вновь отправились на шоссе – сегодня предполагалось освободить импровизированную взлётку от немецкого «боинга», развернуть и подготовить к полёту наш «ил». Параллельно с подготовкой техники решили срубить более двух десятков чужих деревьев, расположенных на другом конце шоссе, чтобы те не оказались причиной аварии при взлёте или посадке. Как популярно объяснил Анисин, именно из-за этих «сосен» произошла жёсткая посадка «немца», и просто чудо, что лайнер не развалился сразу же, едва коснувшись земли. Ибо посадочная скорость и угол снижения самолёта были критическими.

Вместе с лётчиками «на аэродром» отправились Соловьев, Марк и Толик Новичонков. Задачей данной боевой группы стала охрана пилотов и прочих землян от визитов хищной местной фауны. Вчерашняя охота на пляже впечатлила личный состав не хуже прошлогодней перестрелки с отмороженными торчками-грабителями, не оставлявшими в живых ни одного свидетеля.

Те отморозки, помнится, отстреливались от спецназовцев до последнего патрона, а затем ринулись на прорыв через выбитые окна. С третьего этажа. Видать, возомнили себя бэтмэнами или ещё какой-нибудь киношной нечистью. Приземлились, впрочем, весьма неудачно – мои парни не пожалели патронов, нашпиговав четыре тушки свинцом по максимуму. Не скрою, что в отношении этой банды действовал негласный приказ: живыми не брать. Уж очень жестокие преступления совершали эти двуногие нелюди.

Старшим группы, после недолгого колебания, я назначил Марка. Эмчеэсник имел офицерское звание, боевой опыт и до этого момента показал себя исключительно с положительной стороны. Группе выделили МГ – единственное на тот момент оружие, способное быстро «подпилить» нижние конечности здешних тираннозавров, если те рискнут поохотиться на людей. В качестве транспорта парни забрали «гелендваген», оставив нам для рейда «кру-зак».

Отдельно, ещё вчера, обговорили взаимодействие группы с даниловской комендатурой и блокпостом ополченцев на западной окраине населённого пункта. Никитин с Вышинским очень серьёзно отнеслись к появлению в окрестностях Данилово опаснейших хищников и пообещали посадить под замок местную пацанву. Кроме этого, о наличии в здешнем мире динозавров предупредили по рации всех фермеров, гарнизон Замятино и бригаду строителей под началом Доценко. Оставалось надеяться, что новый день в новом мире не принесёт нам новых жертв.

Приблизительно в половине восьмого на связь вышел Семён Семёныч, сообщив, что на дороге в сторону Данилово появилась длинная колонна военных грузовиков. Спустя пару минут ополченцы на колокольне подтвердили приближение колонны наёмников – их опознали по головным «саладину» с «сарацином» и паре «рателей», виденных наблюдателями вчера днём. Остальную часть колонны представляли двухосные грузовички неизвестной российской марки, разбавленные четвёркой американских армейских грузовиков. Давеш-

ний «центурион» отсутствовал, а замыкал колонну хорошо знакомый нам LAV-25 лейтенанта Фридмана.

Как и вчера, мы встретили наёмников на подходе к Данилово. Можно было, конечно, и не заморачиваться с выездом навстречу, но мы поступили по принципу: доверяй, но проверяй. Вдруг бравые головорезы из Африки решили переиграть вчерашние планы на свой лад? Тогда хоть успеем предупредить даниловских ополченцев, выиграем минут пять, не более.

Обошлось без сюрпризов – Жерар вновь прибыл лично, со своим адъютантом, и не дал никакого повода усомниться в надёжности вновь заключённого союза. Поприветствовав друг друга, мы уточнили кое-какие детали, затем, встав во главе колонны, повели грузовики к зданию администрации. Или комендатуры, как со вчерашнего дня с лёгкой руки зятя Никитина стали именовать здешний «Белый дом».

Ещё вчера ван Клейст объявил иностранным гражданам, что площадь у здания администрации будет местом сбора и посадки на транспорт, поэтому колонну уже ожидала приличная толпа переселенцев. С сумками и чемоданами, у кого что оказалось при появлении в этом мире. Глядя на чудом спасённых пассажиров, лишь сейчас мы стали понимать, насколько повезло нам и даниловцам.

В отличие от иностранцев, мы имели не только крышу над головой, но и кое-какие запасы на первое время. Чтобы там ни говорил Жерар о грядущих проблемах с продовольствием, навскидку шансы нашего анклава на выживание смотрелись предпочтительнее тех же немцев или поляков. Так уж повелось исторически, что русский народ более устойчив к стрессам и более живуч, чем разные европейцы.

Пока бельгиец занимался организационными вопросами, мы заглянули провести Еремеева. Николай уже проснулся и, несмотря на всё ещё неважный вид, искренне обрадовался визиту друзей. Строгая и непреклонная Диана разрешила нам провести у постели пациента не более четверти часа, и этого времени едва хватило, чтобы пересказать моему бывшему однополчанину все новости за последний день. Ерёма хотел подробнее разузнать о закулисных нюансах даниловской политики, но наша милая докторша выразительно постучала пальчиком по циферблату часов и недовольно нахмурила свои чёрные брови. Пообещав Николаю, что заглянем к нему вечером с очередной порцией новостей, мы спешно ретировались на улицу.

Минут пять спустя наша колонна выдвинулась в сторону бывшего американского полигона, или, как всё чаще его называли в обиходе – амеровского кластера. Наша колонна – это два моих джипа с семьёй бойцами и переводчицей, четыре американских грузовика, БТР LAV-25 и неразлучная парочка – наследие британского колониализма – «сарацин» с «саладином». Головым шёл «двадцать пятый», за которым нагло вклинились мы с Барулиным, решив, что нефиг глотать пыль, плетясь в хвосте следом за грузовиками морской пехоты.

Командир наёмников сделал вид, что не заметил нашего самоуправства, и где-то через часик мы тормознули у ворот глеймановского ангара.

Весь путь до полигона прошёл без приключений, нам не встретились ни динозавры, ни какие-нибудь другие хищники. Даже огромные местные ящерицы, похоже, куда-то попрятались, чтобы не встречаться с извергающими смрадный выхлоп железными монстрами.

– Ну что, майор, ты со своими полицейскими не передумал? – подойдя ко мне, с лукавинкой в голосе поинтересовался ван Клейст. – Может, подождёшь пару дней, и мы пойдём на разведку вместе?

– Нет, Жерар, мы не станем тянуть время, – я отрицательно покачал головой. – Не исключено, что люди в соседнем кластере нуждаются в немедленной помощи. Наш долг – помочь им всем, чем возможно.

– Хорошо, Владимир, я не стану давить на вас, – бельгиец пожал плечами, а затем щёлкнул пальцами кому-то из своих бойцов. – Я дам вам современную армейскую радиостанцию с

зашифрованным каналом связи. Вчера, извини, забыли согласовать вопрос связи между анклавами... Если честно, отдаю собственную резервную радиостанцию.

– У вас что, не хватает раций? – искренне удивился я. – Мне казалось, что у тебя почти каждый боец ходит с «моторолой» в разгрузке.

– Ты, майор, путаешь индивидуальные портативные рации и настоящую радиостанцию, – усмехнулся командир наёмников. – Индивидуальные рации – это тактическая связь на поле боя между бойцами одного отряда. А нормальная армейская радиостанция обеспечивает контакт подразделений на несколько десятков километров вокруг и имеет защищённый от прослушивания канал связи. Разницу понимаешь?

– Понимаю, не дурак, – буркнул я, глядя на шагавшего к нам невысокого загорелого бойца. – Какая дальность связи у этого девайса?

– Не менее пятидесяти километров, но вообще зависит от множества факторов и условий, – уклонился от прямого ответа Жерар. – В принципе, эти радиостанции обеспечивают стабильную связь между польским кластером и амишами, между немецкой фермой и вашим Данилово. Давай-ка, я проинструктирую вас, господа полицейские, как пользоваться столь сложной техникой.

Я надул щёки, хотел было возразить, мол, не настолько уж мы тупые копы, чтобы не справиться с какой-то рацией, но не успел. Из-за наших спин неожиданно протолкнулся Лёня, охранник Еремеева, которого мы взяли в рейд вместо Толика, и заявил, что он служил в армии радистом. И не просто радистом, а спецом в частях радиоперехвата, или как они там называются. Ещё больше Леонид вырос в наших глазах, когда засыпал бельгийца массой тактико-технических вопросов, используя термины, с которыми я, к примеру, был знаком лишь понаслышке.

Ван Клейст, похоже, не ожидал от обыкновенного с виду качка такого подвоха и выдал всю инфу по теме, которую знал сам. Марина едва успевала переводить, с некоторым удивлением поглядывая на нашего вновь испечённого радиста. В результате лекция по матчасти затянулась минут на сорок, и за это время наёмники успели подготовить к буксировке всю четвёрку советских БТРов.

Все когда-то заканчивается, и, погрузив подаренную радиостанцию в «гельендваген», мы заняли свои места в машинах. Вновь напомнив, что отныне на полигоне будет базироваться маневренная группа под командованием лейтенанта Фридмана, Жерар искренне пожелал нам удачи. Затем порекомендовал не геройствовать зазя и, в случае чего, возвращаться за подмогой к ангару. «Саладин» и LAV-25 не бог весть какая сила, но огоньком, если что, поддержат, а наёмники и морпехи придут на помощь, чтобы вытащить наши задницы из любой переделки.

В ответ я заметил, что у русских задницы – вовсе не самая большая ценность в жизни. В случае чего мы спасаем наши души, а не... анусы. Бельгиец не нашёл, чем крыть мои доводы, покачал головой и пробормотал что-то о чокнутых русских. На границе двух миров задержались, помахали с полчасика заранее припасёнными лопатами, чтобы не сесть на брюхо или, хуже того, не скапотировать. Здесь же сполна оценили наличие у наёмников танка в роли бульдозера. Вскоре после того углубились в ландшафт, и поняли, что разведрейд не будет лёгкой прогулкой по лесу.

Вчера, при планировании разведки соседнего кластера, мы надеялись, что продвижение по чужому лесу станет не более сложным делом, чем поездка от Данилово до полигона. Но, как говорится, гладко было на бумаге. В реале мы сразу же столкнулись со второй частью мудрой русской пословицы, только вместо оврагов нас встретили небольшие холмы.

Густо поросшие огромными деревьями небольшие холмы создавали впечатление затерянности и одиночества. Эти же холмы не давали возможности выбрать прямой путь в заданном направлении, вынуждали нас петлять по лесу, часто возвращаясь назад, и без толку тра-

тить драгоценное топливо. Хорошо ещё, что нам не встретилась болотистая почва, и оба джипа нигде не забуксовали.

– Ну, штурман, куда повернём на этот раз? – повернулся я к сидящему рядом напарнику. – Влево или вправо, а?

– Тормозни-ка, Володя, дай подумать, – отозвался Михаил, колдуя над картой и компасом. – По идее, нам надо направо, чтобы вернуться на курс.

...Несмотря на повышенное внимание к окружающему ландшафту, никто из нас так и не заметил, откуда появилась парочка леозавров. Мы смогли обнаружить хищников лишь в момент их прыжка с невысокого холма, который я в тот момент объезжал. Если быть предельно точными – сначала услышали, и только затем их увидели.

Огромная туша зверя с устрашающим рёвом мелькнула в воздухе справа от моего «мерса», чтобы спустя полсекунды приземлиться на крышу машины. Удар оказался такой силы, что под тяжестью леозавра крыша джипа моментально прогнулась, хрустнул и рухнул вниз несколькими обломками верхний люк. В следующее мгновение в прорезь люка провалилась огромная задняя лапа, и потерявший опору хищник недовольно взревел, словно десяток африканских львов. Лобовое стекло покрылось сеткой мелких трещин, затем стало осыпаться в правом верхнем углу. Ревущий на всю округу леозавр выдернул из салона «мерседеса» свою заднюю лапу, затоптался на месте, прогибая крышу всё сильнее и сильнее.

– М-мать! Мочите же эту тварь скорее! – у меня произошёл сильный выплеск адреналина, и я вопил во всю глотку, срывая голос. – Стреляйте, пока он не добрался до нас!!!

Первичное замешательство прошло. Ковалёв передёрнул затвор и, направив ствол автомата вверх, нажал на спуск. Почти одновременно с моим напарником то же самое проделал и Руслан Руденко. Длинные очереди из двух «калашей» слились в один сплошной грохот, заглушивший отчаянный визг Марины. Вокруг замелькали горячие стреляные гильзы, разлетавшиеся по салону, словно осколки снарядов.

Я сидел на месте водилы, и пользоваться автоматом для стрельбы вверх мне оказалось несподручно – мешал руль. Поэтому я выдернул из разгрузки ТТ, и секунды за три опустошил магазин. Выдернул пустой, выхватил из кармана запасной, вставил в рукоять, щёлкнул скобой стопора. На какое-то мгновение стрельба в салоне прекратилась, и наступила относительная тишина – Руслан с Михаилом лихорадочно меняли магазины, а переводчица сидела с выпученными глазами и безмолвным раскрытым ртом, словно живая кукла из фильма ужасов.

Рёв смертельно раненного леозавра перешёл в иную тональность, и исполинская туша зверя стала заваливаться в сторону. Мгновение спустя хищник шмякнулся об землю где-то в метре от дверцы водителя. Монстр не пытался подняться, трепыхая в агонии конечностями и всё ещё продолжая выть от боли. Я рывком пихнул дверцу от себя, поймал на прицел дёргающуюся голову леозавра и выпустил в неё второй магазин. Затем бросил под ноги пистолет, схватил автомат...

...Второй хищник – самка – бросилась на «лэндкрузер» следом за самцом, но, в отличие от своего партнёра, не стала задерживаться на крыше машины. Изрядно помяв крышу джипа и вышибив верхний люк, леозавриха спрыгнула на землю в нескольких метрах слева, моментально развернувшись и изготовившись ко второй атаке. Самку, похоже, смутил тот факт, что после её атаки добыча продолжала двигаться вперёд и не ударилась в паническое бегство куда глаза глядят. Эта секунда замешательства оказалась для зверя роковой – мои парни соображали намного быстрее монстров из нового мира...

...Прокатившись метров на пять вперёд, Зеленцов плавно затормозил машину, повернув чуть влево. Саша Барулин выскочил из «крузака» так, словно за ним гналась сама баба Лера, чтобы пристать с предложением провести страстную ночь любви. От капитана не отставал и Костя Григорьев, которому Александр приказал «держаться тыл». Затем Владислав и наш новый

радист одновременно открыли двери, и... готовую к новому прыжку леозавриху встретил прицельный огонь сразу из трёх стволов – двух «калашей» и одного ПКМ.

Пристроив пулемёт на капоте машины, Барулин хладнокровно опустошал ленту, а Зеленцов с Леонидом стреляли длинными очередями прямо из салона джипа. Хищник так и не успел прыгнуть – пулёмётная очередь хлестнула по голове, и несколько пуль прошли сквозь глазницу в мозг. Леозавриха рефлекторно сделала пару шагов вперёд, а затем рухнула наземь. Владислав саданул ещё одной очередью по туше монстра, и над полем боя повисла тревожная тишина...

– ...Етижи-пассатижи, так же и инфаркт получить можно, насмерть! – Руденко пытался дрожащими руками прикурить, не стесняясь в выражениях. – В гробу я видал такие приключения!

– На, глотни, – я протянул Руслану бутылку «Рэд Лэйбла», припасённую как раз для подобных случаев. – И передай Мишке.

– Да ну, к лешему, это буржуйское пойло! – скривился капитан. – Дай лучше водки, а вискарь оставь для девчонки – ей нужнее.

– Водка в машине у Влада, – напомнил я. – И лишь одна литруха на всех.

– Дожили, мля: у российских ментов закончилась водка, – Ковалёва стал разбирать нервный смех. – Прямо как в том анекдоте... Вовка, дай хлебнуть своего буржуйского пойла, а то автомат выроню...

«Рэд Лэйбл» и «Абсолют» пошли по второму кругу, и постепенно нас отпустило. Спустя четверть часа мои парни с гордым видом фотографировались у туш леозавров, позируя в стиле охотников начала двадцатого века. Ещё спустя четверть часа мы двинулись дальше, оставив наши трофеи на растерзание здешним падальщикам. А что делать – не тащить же убитых леозавров с собой? Глянув на сочащиеся множеством кровавых дырок туши, мои парни дружно решили: нафиг надо такая радость. Никто даже не заикнулся, чтобы отрубить голову самца, чтобы потом было чем похвастаться перед даниловцами. Для хвастовства за глаза хватит и фотографий, которые наглядно демонстрировали размеры здешних хищников.

Наше самое слабое звено – Марина – смогла прийти в себя лишь после того, как я влил ей в рот львиную дозу настойки валерьяны. Да, да, вчера я специально попросил Диану собрать на всякий пожарный целую аптечку успокоительного – качественный алкоголь подходил к концу, да и не нужно приучать переводчицу к выпивке каждый день. Это мы, проспиртованные насосветь опера, можем пить, не хмелея, контролировать себя, а женская природа более тонкая, более податливая искушению «зелёным змием». Хватит с Марины и вчерашнего дня, когда её пришлось отпаивать вискарём.

Больше всего от местных чёртовых хищников пострадали наши транспортные средства. Крыша моего верного «мерса» прогнулась, словно бадья, раскрошившееся лобовое стекло пришлось выбить вон, задние дверцы перестали захлопываться, про верхний люк я вообще молчу. «Крузак» пострадал поменьше – самка леозавра высадила всё тот же верхний люк, изрядно помяла крышу, по лобовому стеклу джипа протянулось несколько длинных трещин.

Учитывая ситуацию, нам пришлось перетасовать экипажи. Мой напарник занял место Марины, которую пришлось пересадить в «крузак». На правом переднем кресле расположился Саня Барулин, в готовности вести огонь из пулемёта прямо курсу, благо лобовое стекло приказало долго жить. Вместо капитана на переднем сиденье второй машины оказался Костя Григорьев, прикрывавший Барулину спину, пока мы отбивались от леозавров. Лёня-радист получил ещё одну задачу: беречь как зеницу ока нашу переводчицу. Парень показал себя хорошим и сообразительным бойцом, сильно повысив к себе степень нашего доверия.

К счастью, столкновение с леозаврами стало единственным приключением на наши задницы за всё время петляний по лесу по пути к искомому кластеру. Часика через два мы подкатили к месту пересечения границ миров, немного проехали вдоль полутораметрового обрыва

и вновь взялись за лопаты. Здесь же нам впервые пригодилась финская мотопила, предусмотрительно захваченная в поездку.

Позанимавшись физкультурой с полчасика, мы соорудили более-менее нормальный подъём, позволявший спокойно кататься на джипах туда-сюда, и убрали три-четыре рухнувших берёзы со стороны «нашего» мира. Затем щедро популяли из пейнтбольной винтовки – бельгиец подарил нам сей девайс для игр на свежем воздухе с некоторым запасом шариков – по нескольким деревьям-великанам чужого мира, обозначив направление пути обратно. Полагая, что запасы Жерара не бездонны, мы старались экономить шарики с краской, но не особо преуспели на этом поприще. Оставалось надеяться, что вместе с наёмниками в новый мир перенёсся завод по производству всякой пейнтбольной фигни.

Поездка по «нашему» миру началась с протискивания между земными деревьями со скоростью пешехода. Метров через двести берёзовая роща подошла к концу, мы въехали на небольшую поляну, где интуитивно повернули направо, в сторону видневшегося там просвета в стене деревьев. Путь по опушке «нашего» леса вывел нас на узкую грунтовку, ведущую от границ кластера в северо-западном направлении. Грунтовкой, похоже, частенько пользовались – дорога не зарастала ни травой, ни деревьями. В общем, наша небольшая колонна взяла курс на северо-запад, личный состав внимательно следил за окрестностями, а водитель головного джипа периодически мысленно чертыхался, проклиная всех хищников нового мира и леозавров в частности.

Рассматривая расстилавшийся вокруг типично российский ландшафт, мы проехали по немного петлявшей грунтовке километра три и притормозили, прикрываясь сосняком. Справа от нас, в просвете между деревьями мелькнуло неширокое поле, за которым хорошо просматривалась асфальтированное шоссе. Хорошо различался ряд белых столбиков, возвышавшихся по краю трассы, несколько дорожных знаков и указателей. Шоссе тянулось почти параллельно грунтовке, примерно в паре километров от нас поворачивая куда-то влево.

– Станция «Марксистская» – конечная, – подхватывая автомат, провозгласил я. – Просьба освободить вагоны, млин.

– Нет ни души, – спустя минуту констатировал капитан Руденко, когда я передал ему бинокль. – Ни машин, ни людей.

– Справа, за изгибом трассы, поднимается лёгкий дымок, – произнёс Зеленцов, осматривавший свой сектор. – Отсюда не видно, что там такое, но это точно не пожар.

– Нет дыма без травы и нет огонька без дури, – Руслан не удержался и процитировал кого-то из своих стукачей-торчков. – Поехали, командир, чего нам тут сосны подпирать? Не маслята, чай, и не боровики.

– По-хорошему надо бы попробовать подобраться пешком, по лесу, – намекнул Ковалёв. – Осмотреться, понаблюдать из засады.

– Надо бы, Миша, надо бы, – согласился с моим напарником Зеленцов. – Вопрос: сколько в той засаде сидеть придётся?

– Хорош трюндеть – там между лесом и шоссе километр бурьяна будет, поэтому ни фигу мы толком не увидим, – качнул стволом пулемёта Александр. – Ехать надо, смотреть сразу, а если что – развернёмся и по газам. Нас не догонят.

– Мы дурь толкнём, и мусора нас не догонят, – фальшиво пропел Руслан какую-то очередную пародию на известную группу. – Можно выставить здесь засаду, чтобы прикрыть отход, если что. Хорошее место.

– Едем. Едем уступом, держим дистанцию, – место для засады действительно было хорошим: сосновое редколесье в трёхстах метрах от трассы, позволявшее простреливать шоссе в обе стороны из этого природного укрытия. – Первыми не стрелять.

Мы тронулись с места, почти сразу же повернув налево, огибая сосны. Затем выехали на пустынную трассу, и я притопил педаль газа, чтобы достичь эффекта внезапности. Это нам

удалось сполна – разогнавшись, оба джипа миновали изгиб шоссе и проскочили расстояние, разделявшее нас от обыкновенной с виду забегаловки на трассе с небольшой стоянкой рядом с нею. Слева промелькнул поворот к виадуку, не замеченный ранее. Виадук возвышался чуть далее, в стороне от придорожного кафе и стоянки, к которым мы стремительно приближались.

Вокруг рестораника стояли две фуры, рефрижератор, подогнанный вплотную к одной из стен, плюс штуки три легковушки разных марок. Из печной трубы над зданием поднимался лёгкий дым, свидетельствующий о наличии здесь людей. Приблизительно в четырёхстах метрах за забегаловкой земной ландшафт резко обрывался, упираясь в сплошную стену леса нового мира.

– А вот и абориген нарисовался, – капитан Барулин прокомментировал появление мужика, несущего охапку дров. – Там у них сарай за одной из фур.

Между тем мужик с дровами поднял голову, увидел приближение наших машин и остолбенел. Похоже, сработал элемент внезапности. В тот же момент откуда-то со стороны раздался протяжный звук автомобильного клаксона, и мы завертели головами в поисках источника сигнала.

– На десять часов, на мосту стоит какая-то тачка, – секунду спустя произнёс Ковалёв. – Судя по сигналу – это грузовик.

– Ну, и фиг с ним, всё равно нас проспал, часовой хренов, – процедил я сквозь зубы. – А мужичок-то здесь не один.

Действительно, услышав сигнал с виадука, из рестораника стал появляться народ. Первого же взгляда хватило, чтобы определить, насколько разные люди застряли здесь. Пятеро мужиков средних лет, с виду типичные водилы, явно семейная пара пенсионного возраста, два-три «лица кавказской национальности» разных возрастов, плюс две женщины, явно имеющие отношение к мужикам-кавказцам.

– Не чечены, не даги, вообще не российские абреки, – сразу же определил Руденко. – У одного «помпа», и у водил, похоже, есть дробовик.

– Если бы хотели стрелять, то не выкатились бы всей толпой, со своими бабами, – заметил я. – Саня, будь готов, на всякий случай, но не держи людей на прицеле. Сначала попробуем поговорить так.

Сказано – сделано. Притормозив метрах в тридцати от рестораника, я вылез из джипа и, демонстративно сунув руки в карманы, медленно пошёл в сторону толпы. Автомат оставил в «мерсе», чтобы не пугать народ видом оружия, ну, и не давать повода для нападения с целью завладеть «калашом». Следом за мной машину покинули и Руслан с моим напарником, в отличие от меня закинув автоматы на плечо. «Крузак» встал метрах в двадцати от моего джипа, так, чтобы поддержать нас огоньком, если что.

– Здравствуйте, товарищи! – приблизившись на десяток метров, громко произнёс я. – Не возражаете, если мы с вами переговорим.

– Здравствуй, дорогой, – с акцентом отозвался один из кавказцев, начинающий полнеть уса́тый дядька с мясистым лицом. – Почему не поговорить с хорошим человеком? Конечно, поговорим.

– Вы из армии? Из эмчеэс? – с непередаваемой надеждой в голосе спросила худенькая женщина, стоявшая рядом с пузатым мужиком – те самые, которых я принял за семейную пару пенсионеров. – Вы нас нашли?

– Нет, я не армеец, и не эмчеэсник, – все надежды женщины сразу же пришлось жестоко разбить в пух и прах. – Майор Владимир Иванников, энское УВД, из Питера. Со мной поисковая группа анклава Данилово. Ищем всех тех, кто уцелел, и вообще людей.

– Успокойся, Верочка, пожалуйста, успокойся, – пузатый мужик так трогательно прижимал голову расплакавшейся жены к своей груди, что сразу же стало ясно: эти люди драться не будут. – Я же сразу тебе сказал, что бойцы эмчеэс не ходят с оружием в руках.

– Ээ, товарищ майор, а как же вы, питерцы, очутились здесь, под Тулой? – поинтересовался один из водил, среднего роста, наполовину седой мужик.

– Давайте сразу расставим все точки над «i», – предложил я. – «Здесь» – это не под Тулой, а в другом мире, вовсе не на Земле.

– Говорил же я тебе, Николаич, что тут на небе совсем другие звёзды, а ты всё твердил: не может быть да не может быть, – пихнул седого водилу высокий дядька в замазанных пятнами масла джинсах. – Да и сам же видел с моста, что вокруг не земной лес. У, Фома неверующий.

После этих слов высокого дядьки народ загалдел, все разом заговорили, запричитали бабы, воздевая вверх руки. Вопросы посыпались градом – каждый хотел узнать у гостей, что произошло и что делать дальше. Можно подумать, мы, заезжие менты, знали ответы на все тайны мироздания. Одно радует – неведомый часовой на виадуке прекратил гудеть на всю округу, видимо, поняв, что занимается совершенно бесполезным делом.

– Тихо! Тихо, я вам говорю! – подняв правую руку вверх, вперёд вышел один из кавказцев, что-то гаркнул землякам на своём языке. – Говорить надо по очереди! По очереди, мы не на базаре!

– Это точно, не на базаре, – услышав пару-тройку знакомых слов, подтвердил я. – Ты азербайджанец, так?

– Да, меня зовут Мамед, я родом из Азербайджана. В Россию приехал давно, ещё при Союзе, учился, работал, открыл свой бизнес, – повернулся ко мне кавказец. – Это мой ресторан, здесь работают мои родственники, а это – постоянные гости моего ресторана. Все хорошие рабочие люди – я их знаю не один год.

Всё становилось на свои места – неведомый катаклизм закинул в чужой мир придорожную забегаловку, принадлежавшую этому азеру и его семье. Семья – трое мужиков и две бабы – внешне не походила на семью богачей-азербайджанцев, с которыми я пересекался лет пять назад по долгу службы. Впрочем, и нелегальными мигрантами-бедняками они не выглядели – выдавал уверенный взгляд граждан РФ, явно имевших «крышу» из ментов, а то и кого покруче. Впрочем, «крыша» осталась на Земле, как и всё остальное. В то же время мне понравилось, что Мамед назвал посетителей своей забегаловки постоянными гостями, которых знает не один год. Это свидетельствовало, что семья давно пустила здесь свои корни, мирно живёт бок о бок с местным населением, заботясь о собственной репутации. Не удивлюсь, если хозяин рестораничка ещё и периодически постукивал здешним, тульским ментам, засылал им гостинцы, бесплатно кормил «от пуза», когда требовалось.

– Мамед, здесь все, кто перенёсся вместе с твоим заведением? – вспомнив про наблюдателя на виадуке, поинтересовался я. – Вы выставили на мосту пост?

– Эх, какой такой пост, дорогой, – махнул рукой азербайджанец. – Там Сашка с биноклем сидит в своём самосвале, страшных тигров высматривает. Здесь такие страшные тигры ходят – просто ужас! Сразу двух человек скушали, не подавились, гады! И к нам приходили, вокруг ресторана ходили, добычу высматривали. Но мы заперли все двери, а они у меня из железа, подогнали к фасаду «сканию» Николаича, закрыли большое окно. Тигры до нас не добрались.

– А ну-ка, глянь, Мамед, не такие ли тигры вокруг вас ходили? – я поднял вверх левую руку, подзывая своих парней. – Рус, покажи товарищам, что мы сегодня нафоткали.

Айфон пошёл по рукам, люди с удивлением и недоверием рассматривали наши трофеи, чертыхаясь и поминая родословную хищников. Один из азербайджанцев начал ругаться на родном языке и даже плюнул на песок, выражая своё отношение к леозаврам. Водилы стали расспрашивать, как нам удалось прикончить здешних хищников, и сколько мы истратили на каждого из них боезапаса.

Я не стал отрицать, что по каждому леозавру выпустили по сотне пуль, не меньше, причём стреляли почти в упор. В цель угодили, конечно, не все пули, примерно три четверти, по

нашим прикидкам. Уж очень крупные оказались мишени, и промахнуться по ним было крайне сложно.

Если поначалу между нами и здешними и было какое-нибудь напряжение, то после демонстрации фотоснимков оно бесследно растаяло, словно туман. Разговор сам по себе перешёл в повествование о взаимных приключениях двух групп людей в новом мире, а спустя буквально несколько минут Мамед спохватился – как же так, надо же угостить дорогих гостей, отметить встречу землян, как полагается.

Мы не возражали, и вскоре к ресторанику подтянулись все мои парни, а один из шофёров вызвал с моста по рации здешнего часового вместе с его самосвалом. Всё равно часовой показал свою полную профнепригодность, проворонив два джипа с кучей вооружённых людей. Да леозавры съедят такого наблюдателя раньше, чем он их заметит. Вместе с его КамАЗом.

Не особо красивая снаружи коробка здания рестораника внутри производила впечатление своим уютом, красотой интерьера и рационализмом отделки. Чувствовалось, что азербайджанцы вложили в своё заведение не только изрядное количество денежных средств, но ещё и душу. Вероятно, именно поэтому не особо большой ресторанчик процветал, принося моральное и материальное удовлетворение своим хозяевам.

Семья Мамеда состояла из него самого, его супруги, его племянника, супруги племянника и ещё одного дальнего родственника хозяина, который перебрался в Россию лет пять назад и имел российский паспорт. Кроме того, Мамед с супругой имели трёх отпрысков, младший из которых играл с шестилетним сыном племянника. Двое старших сыновей азербайджанца в момент катаклизма находились в Туле...

...Катаклизм застиг в ресторанике двух дальнобойщиков, чинно завтракавших после ночи в пути, и супругов Третьяковых. Третьяковы – пара пенсионного возраста – любили заезжать к Мамеду по пути на дачу, чтобы закупить к обеду что-нибудь восточное и экзотическое. На стоянке у заведения в тот момент находился рефрижератор небезызвестного Николаича, а сам он заседал в кабинете с «белым другом». Остальной народ подтянулся уже после того, как произошло лёгкое землетрясение, а вместо двухрядного шоссе неподалёку от рестораника из ниоткуда возникла стена чужого леса. Местность сразу же заволокло густым туманом, который продержался почти до конца дня...

В процессе повествования выяснилось, что кроме сейчас присутствовавших в придорожной забегаловке в кластере очутились и другие люди. Трое молодых парней на чёрном джипе в тот же день стали мотаться по округе, ища варианты выбраться. На семью азербайджанцев, да и на остальных они смотрели, как Ленин на буржуазию, и лишь наличие у народа трёх единиц гладкоствольного и пяти травматических пистолетов не позволило этим странным типам совершить что-нибудь нехорошее. Покрутившись по окрестностям, уже на следующий день подозрительная троица решила пробиваться сквозь чужой лес, используя подкосившийся, словно пандус, пролёт виадука. Сей пролёт весьма удачно завалил своей тяжестью несколько огромных чужих деревьев, в результате чего получилась некая аппарель, позволявшая без землеройных работ въехать на машине в другой мир. Чем парни и воспользовались, уйдя по-английски.

Другая пара – супруги в возрасте двадцать пять – тридцать лет – решила прорываться на своём джипе прямо в противоположном направлении, где, как им казалось, чужие деревья росли не столь густо. У парня, как выяснилось, в заглазнике имелся «глок», и молодой человек чувствовал себя очень уверенно. Уговорив Сашку-самосвальщика и ещё одного водилу помочь им с земляными работами на месте пересечения двух миров, супруги отправились в вояж по чужому лесу. И, как оказалось, в свой последний вояж в этой жизни.

– Выстрелы раздались почти сразу, едва Денис на своём джипе скрылся за деревьями, – захлёб рассказывал Сашка. – Не, вру, сначала был страшный рёв, как в фильме про африканских львов. А потом – выстрелы, пять выстрелов сразу, один за другим.

– Похоже, Денис ранил кого-то из прыгнувших на крышу машины тигриков, – вступил в разговор Антон, второй водила, помогавший копать спуск. – Но тигры, ну, леозавры эти, прогнули крышу, выдавили люк и, видать, добрались до кого-то из наших.

– А потом и лобовое стекло раскрошилось, – продолжил вещать Сашка. – А может, его тигры выбили, лапами, кто знает... В общем, рискнули мы с Антохой попробовать выручить молодых, у нас же самосвал, как-никак, а не легковуха какая-нибудь. Да опоздали, и сами едва унесли ноги. Спасибо КамАЗу с его кузовом, иначе те твари схарчили бы и нас.

По эмоциональному и сбивчивому рассказу двух водителей выходило, что леозавры растерзали молодую пару раньше, чем шоферы подошли на помощь. Неудивительно, конечно, учитывая вес тела и способ охоты хищников. Кто знает, сколько бы продержались против леозавров мы сами, не будь мы вооружёнными до зубов и готовыми постоять за свои жизни. А тигрики, как их прозвали здешние, набросились и на КамАЗ, только не сообразили, что крышу самосвала прикрывает стальная плита кузова. Впрочем, по лобовому стеклу машины брызнули трещины, когда один из хищников зацепил его своей мощной лапой. Ну, и сами мужики не растерялись, не стали тормозить, наоборот, Сашка дал по газам так, что КамАЗ взревел двигателем не хуже того же самого леозавра. Здешние монстры, видать, замешкались, когда не смогли с ходу остановить самосвал, и это позволило мужикам спастись. Крутанулись водилы немного по лесу, уходя от погони, и благополучно возвратились обратно, весьма и весьма впечатлённые чужой фауной. Джип молодой пары, по словам Антона и Сашки, так и остался стоять там, в негостеприимном лесу, на месте гибели людей. Пистолет Дениса также, наверное, валялся там же, если им, конечно, не пообедали хищники.

Народ, надо сказать, отнёсся к проблеме соседства с леозаврами на всём серьёзе, приложив максимум усилий, чтобы обеспечить собственную безопасность. Единственное слабое место здания – фасадное окно размером с хорошую витрину – наглухо перекрыли подогнанным вплотную рефрижератором Николаича. На окнах второго этажа появились самодельные решётки, собранные из какой-то толстой арматуры. Пусть и не особо красивая и реденькая решётка, но леозавр сквозь неё никогда не протиснется. На виадуке был выставлен мобильный наблюдательный пост в кабине КамАЗа, показавшего свою неуязвимость от хищников. Вооружённые дробовиком дальнобойщики дежурили там по очереди, но только в дневное время. Дежурить ночью, по словам Николаича, дурных было нема.

В обозримом будущем голод обитателям анклава-ресторанчика не угрожал – одна из двух фур была битком набита продуктами, от рыбных консервов до китайской лапши быстрого приготовления. Кроме этого, в ресторанчике Мамеда имелся солидный подвал, с хорошим холодильником, полный различных съестных припасов, от мяса для шашлыков до вина с пивом. На случай перебоев с электричеством рачительный хозяин припас переносной дизель-генератор и теперь надеялся, что опустошит холодильник раньше, чем в анклав закончится солёнка. Возникшие поначалу проблемы с водой – накрылся насос – люди решили, восстановив старую скважину, пробуренную лет пятнадцать назад, когда Мамед только купил недостроенный ресторанчик.

В общем, застрявшие в забегаловке люди сумели выжить в первые дни и вовсе не собирались по собственной инициативе отдавать богу душу в ближайшем будущем. Честно говоря, мы даже удивились, когда узнали, что здесь не было ни ссор, ни драк или чего-то ещё подобного. Вероятно, секрет состоял в том, что в кластер в основном угодили представители старшего поколения, опытные и тёртые жизнью люди, которых не так-то просто сломать. Две группы молодёжи сами собой отсеялись, психологически не справившись с новыми реалиями, с проблемой коллективного выживания.

– Я думаю, Михаил, что мы способны продержаться на общих запасах три месяца, – я прислушался к разговору Ковалёва с Виктором Третьяковым, как выяснилось, отставным

военным, а теперь скромным огородником. – Основные трудности решены, народ спаян общей идеей – не попасть в пасть леозаврам... Ха-ха-ха...

– К нам, в Данилово, перебраться не желаете? – чуть улыбнувшись, поинтересовался мой напарник. – Обеспечим жильём, приусадебным участком. Да и нам прибыль – ещё один опытный военспец будет.

– Я – с радостью, да и супруге перемены пойдут лишь на пользу, тяжело ей очень после катаклизма, – на мгновение нахмурился пенсионер. – Мужики тоже поедут, без разговоров. А вот Мамед с семьёй вряд ли покинут свой дом, родные стены.

– Нам пригодился бы здесь свой человек, – Михаил задумчиво посмотрел в сторону гостеприимного хозяина ресторанчика. – Виктор Матвеевич, а что можно сказать об остальных, о водителях-дальнобойщиках?

Как и предполагал Третьяков, Мамед и его семья даже не помышляли о том, чтобы покинуть своё заведение, своё детище. Как можно бросить свой дом? Хозяин и его родственники были готовы защищать свой хрупкий мирок с оружием в руках – с целой парой дробовиков и травматической пукалкой в придачу к ним. Защищать от леозавров, от любой фауны чужого мира, а если понадобится, и от двуногих хищников, именуемых людьми. Поэтому мы предложили азербайджанцу заключить союзное соглашение с анклавом Данилово и конфедерацией ван Клейста. С последним, кстати, мы вышли на связь, переговорили по рации, информировав бельгийца о положении дел в новом кластере.

Жерар пообещал в ближайшее время выделить силы для защиты новых союзников и попросил застрявших в ресторанчике землян продержаться денёк-другой своими силами. А что делать, если все транспортные средства наёмников были брошены на перевозку пассажиров-иностранцев по разным анклавам? Пешком до кластера у виадук не дойдёшь, да и обыкновенный гражданский автотранспорт, как показала практика, не особо подходит для поездок по чужим ландшафтам.

Передохнув и основательно перекусив у гостеприимных хозяев ресторанчика, мы стали собираться в путь. Открытие и присоединение – пусть пока лишь формальное – к Данилово нового анклава с нашими, российскими гражданами заняло у нас часа два, не более. Солнце стояло ещё высоко, и в случае чего мы всегда могли вернуться назад, отдохнуть и переночевать в заведении Мамеда. Более того, можно было уверенно утверждать, что нас встретят с неподдельной радостью и радушием, от души накормят-напоят и уложат дорогих гостей на лучшие кровати. Поэтому мы решили продолжить развед рейд дальше, по возможности выяснив судьбу той троицы молодых парней в чёрном джипе.

Подумав, выделили здешним «аборигенам» один автомат с тремя полными магазинами, и, наказав мужикам обязательно продержаться до нашего нового визита, мы покатили на виадук. Спустя минут пять оба джипа остановились на мосту, у рухнувшей одним концом в чужой лес секции виадук. Спешились, осмотрели уцелевшие конструкции моста, оглядели в бинокль окружающую местность.

Неведомый катаклизм словно ножом рассёк виадук, под небольшим углом резанув точно по опорам, в результате чего полурухнувший пролёт стал походить на гигантскую аппарель, словно специально созданную для въезда в чужой лес. Кстати, линия пересечения двух миров проходила по идущему под мостом шоссе, закинув в другой мир островки асфальта с чуть белеющей то тут, то там полустёртой разметкой.

– Володя, обрати внимание: отсюда можно просматривать и простреливать почти всё шоссе, – опуская бинокль, произнёс капитан Барулин. – Кроме этого, можно контролировать и опушки «нашего» леса, подступающие к трассе. Рукотворная стратегическая высота, словно созданная для обороны мамедовской ресторации.

– Саня прав – хорошо бы здесь поставить блокпост из бетонных балок и плит, – согласился с пулемётчиком Руденко. – Отличная позиция с хорошим сектором обстрела.

– Доложим Жерару – пусть у него голова и болит, – отмахнулся я от обсуждения идей по постройке блокпоста. – Сань, давай садись, ехать пора. Влад, вы выдвигаетесь по команде, а пока прикрывай нас.

Аккуратно, притормаживая, я повёл «мерс» по наклонённому пролёту, больше всего сейчас опасаясь неожиданного прыжка какого-нибудь леозавра из-за кустов. Однако бог миловал, и мой джип благополучно оказался на красноватой земле нового мира. Проехав ещё метров десять, я остановился, и мы покинули машину, чтобы определиться с дальнейшим маршрутом. Держа автоматы наготове, мы с Русланом продвинулись ещё на пару десятков метров, рассматривая примятую траву и отпечатки протектора. Барулин прикрывал нас, взяв на прицел вероятное направление появления хищников, а мой напарник решил глянуть вблизи край пролёта моста.

– Здесь не столь частый лес, как тот, что между полигоном и забегаловкой, – быстро заметил кое-какие отличия ландшафта Руденко. – Там мы с трудом протискивались между деревьями, много петляли, а здесь следы шин идут почти по прямой.

– Угу, думаю, надо просто ехать по ним и не париться, – проследив взглядом направление, куда укатила тройка парней, я достал рацию. – Всё, Влад, езжайте следом за нами. Пошли, Рус.

– Мужики, там бетон словно лазером срезало, – заняв место в машине, поделился увиденным слегка потрясённый Ковалёв. – Не шучу, ровный срез, чуть ли ни зеркальный.

– Миша, да хрен с ним, с мостом, давай держи свой сектор, – отозвался Руслан. – Я ещё молодой, я жениться хочу, а не быть съеденным леозаврами.

Я улыбнулся, сидевший рядом Александр Барулин откровенно заржал, не прекращая, впрочем, внимательно следить за дорогой. Точнее, не за дорогой, а за направлением движения, так как дорогой как таковой здесь и не пахло. Мы ехали по чужому лесу, придерживаясь следов, оставленных чёрным джипом, – отпечатков протектора и примятой колёсами травы.

Редколесье вскоре закончилось, и следы стали петлять, иногда возвращаясь на одно и то же место. В такие моменты приходилось спешиваться, покидать относительно безопасный салон джипа, чтобы разобраться с дальнейшим маршрутом. К счастью, лесные великаны нигде не вставали сплошной стеной, отсутствовали и неприятные холмы, на которых, как мы уже знали, любят устраивать свои засады леозавры. В общем, мы продвигались вперёд, попутно изучая флору и фауну и дивясь разнообразию и количеству небольших ящериц, сновавших по стволам деревьев туда-сюда. Иногда попадались крупные зелёные пресмыкающиеся, уже знакомого нам по окрестностям полигона вида, похоже, питавшиеся своими более мелкими собратьями.

Часика через два, когда мы в очередной раз спешились, чтобы уточнить направление, Руденко неожиданно стал к чему-то принюхиваться. Зная поистине звериный нюх Руслана, я решил не проявлять любопытства раньше, чем следует, и принюхался сам. Увы, мой нос не уловил никаких посторонних запахов, кроме экзотических ароматов здешнего леса.

– Командир, а ведь дымком дыхнуло, – почему-то шёпотом произнёс капитан Руденко. – Вот, снова потянуло.

– Дым от костра? – продолжая втягивать в себя воздух, поинтересовался я.

– В том то и дело, что на костёр не похоже, – пояснил Руслан. – Ощущение, что где-то недалеко топят плиту или печь, и дым от неё стелется по лесу.

Я по-прежнему ничего не чувствовал, как, впрочем, и остальные парни, но в подобных делах капитан практически никогда не ошибался. Поэтому мы продолжили путь, свернув по указанному Руденко направлению, оставляя в стороне следы колёс чёрного джипа. Проехали, может, около сотни метров, когда мой нос наконец-то уловил чужеродный для этого леса запах. Руслан не ошибся – где-то рядом явно топили плиту, следовательно, там же имелись шансы найти людей.

– Володя, стоп, моторы, – неожиданно произнёс сидевший рядом с пулемётом наготове Барулин. – На два часа сломанная берёза.

Действительно, в просвете между здешними «эвкалиптами» хорошо просматривалась рухнувшее дерево из нашего мира, солидная такая берёза. Мы вновь тронулись в путь и буквально через минуту подъехали к месту соприкосновения двух ландшафтов – здешнего и земного. Сразу же бросилось в глаза то, что эту границу можно пересечь без упражнений с лопатой на свежем воздухе – перепад между почвой «нашего» и «чужого» миров составлял сантиметров тридцать, не более. Количество поваленных катаклизмом деревьев измерялось единицами, практически отсутствовал вездесущий кустарник, что позволяло хорошо просматривать местность «нашего» мира.

В который уже раз мы спешили и, держа наготове оружие, осторожно крались вперёд, прячась за берёзами. Метров через двадцать залегли и уже ползком достигли опушки леса. Вооружившись биноклями, стали вести наблюдение за округой.

– Поле, похоже, используется под покос, – сразу же сделал вывод Барулин. – Отсутствует старая трава, многолетний сухостой.

– Угу, а вон и огородик за покосом виднеется, – отозвался Руслан, у которого в тот момент был бинокль. – Столбики старые, потемневшие...

– Рус, за сараем смотри, – я привлёк внимание капитана Руденко к бревенчатому зданию с крышей из шифера.

– Это не сарай, а хлев, – уточнил важную деталь Александр. – А если есть хлев, то рядом должен быть и жилой дом.

– Дом стоит за хлевом, я вижу верхушку кирпичной трубы, – произнёс Ковалёв. – Едва дымит.

– Всё ясно: низкое давление прибывает дым книзу, дым стелется по земле, поэтому мы его и учуяли ещё на подходе, – Руслан мигом сложил два и два. – И ветер в сторону леса.

– Меня другое волнует – есть ли у хозяев собака? – я перевернулся на бок, доставая рацию. – Влад, давайте помаленьку к нам.

– Даже если у хозяев есть кабысдох, то он нас не почует – ветер не в нашу сторону, – отозвался Руденко. – А вообще, Володя, ты прав – нам лучше подъехать, а не подходить. Не хотелось бы стрелять в ни чем неповинного лохматого сторожа.

Лохматый сторож подал свой голос, когда услышал шум двигателей приближающихся машин. Мы не стали ломиться напрямик, через недавно отпаханный огород, а сделали небольшой крюк вправо, после чего и услышали собачий лай. Спустя пару-тройку секунд из-за зарослей красной смородины нам навстречу выскочил собакин – обыкновенная дворняга, явно смесь нескольких пород. Пёс злобно залаял, заплясал возле джипа, так и норовя хватануть зубами переднее колесо моего «мерса», но мы продолжали безостановочно ехать в сторону обыкновенного деревенского дома.

– А вот и хозяйка, – увидев появившуюся из-за угла дома старушку, произнёс Саша Барулин. – Эй, хозяйшечка, добрый день! Уберите собачку, будьте любезны! Уж больно зло ваш пёсик гавкает, как бы не поранился, если решит нас куснуть.

– Полкан, марш домой! Полкан, в будку! – неожиданно звонким голосом скомандовала бабулька. – Полкан, домой!

Услышав команду хозяйки, лохматый сторож нехотя подчинился, гавкнув для порядка несколько раз, а затем, гордо подняв хвост, исчез за углом дома. Мы перевели дух, так как не хотелось бы начинать знакомство со старушкой со стрельбы по её собаке. Собакин честно исполнял свой собачий долг по охране и защите и не был виноват в том, что произошёл мировой катаклизм.

– Добрый день ещё раз! Позвольте представиться: майор полиции Владимир Иванников, начальник СКП, – покинув машину, я закинул на плечо автомат и, улыбаясь, подошёл к женщине. – Со мной мои подчинённые, тоже полицейские, оперативники.

– Уж не знаю, добрый ли день али нет, – внимательно рассматривая меня, произнесла старушка. – Авдотья Степановна Рогозина, пенсионерка. Живу одна, без богатств, на одну пенсию. Коли грабить приехали – берите, чего хотите, только собаку и коз не трогайте. И кошку не обижайте.

– Авдотья Степановна, да мы не собираемся никого грабить, – я буквально остолбенел от сказанного хозяйкой. – Мы – полицейские, а не грабители.

– Да кто тебя знает, милоч, кто ты такой, – прищурилась бабулька. – Форма на тебе военная, каска специальная, а у твоего друга большой пулемёт в руках. Полицейские так не одеваются и с пулемётами не ходють.

– Марина! Марина, иди сюда, выручай нас! – свое-образная логика старушки загнала меня в тупик, и я просто не нашёл, что возразить. Можно было, конечно, предъявить старушке удостоверение, но вдруг она прицепится ещё и к тому, что мы из Питера, что мы не местные. Кстати, о птичках. – Авдотья Степановна, а подскажите, как называется ваша деревенька, и, вообще, что это за район?

– Борисовка это, милоч, Смоленщина это, – пенсионерка перевела взгляд мне за спину, увидев нашу переводчицу в камуфляже. – Эвон, и девка с вами в цветные штаны вынаряженная. Тоже полицейская будет?

– Это Марина, наша переводчица, – представил я девушку. – Авдотья Степановна, а в последние дни вы здесь никаких чужаков не видели? Ну, не местных.

– Почему не видела, видела. Третьего дня приезжали трое, на большой чёрной машине, похожей на твою, – бабулька отвлеклась от созерцания нашей переводчицы. – Молодые, хамоватые, наглые. Всех пять курей у меня забрали, а потом по округе поехали, соседок моих пограбили, да и укатали прочь.

– Молодые, хамоватые, наглые, раскатывают на чёрном джипе. Командир, стопудово, наши клиенты, – сразу же определил Руслан. – А у вас, Авдотья Степановна, значит, соседи имеются? И много их?

– Много, милоч, у меня соседей: Васильевна, Михеевна да Степановна, которая Наталья будет, – усмехнувшись, саркастически отозвалась пенсионерка. – Целых четыре бабки на всю округу.

– Неужели бандиты на чёрном джипе их всех ограбили? – искренне и по-детски изумилась Марина. – Володя, как же так можно – грабить беззащитных старушек? Тех троих надо найти.

– Хорошо, если только ограбили и никого не убили, – поморщился я. – Найдём, если получится. По крайней мере, обязательно постараемся их найти.

– Да, никого они не убили, попугали лишь ножиком, курей половили, словно немцы в войну, и отбыли восвояси, – бабулька уточнила размер ущерба своих соседок. – Вот что, полицейские, пошли-ка в дом, угощу вас козьим молоком, заодно и за жизнь поговорим.

В сам дом, однако, мы не пошли, по причине сильного задымления кухни из-за низкого атмосферного давления. Вместо этого чинно расселись на открытой веранде, угостились козьим молоком, побеседовали с Авдотьей Степановной, можно сказать, о мировой политике. Как оказалось, с самого начала пенсионерка прекрасно поняла, что «мир перевернулся», и, похоже, наступил настоящий конец света.

Деревенька Борисовка и в лучшие времена представляла собой дальнейшее захолустье, до которого добирались лишь те, кому это было очень надо, а сейчас вообще оказалась чёрт знает где. Исчезло электричество, с которым и ранее возникали перебои, бесполезным ящиком стал старенький телевизор, умолк даже радиоприёмник, хотя он работал на батарейках. Подарен-

ный внучкой из Москвы – кстати, ею же и оплачиваемый – сотовый превратился в ненужную импортную игрушку. Аналогичная картина с бытовой техникой наблюдалась и у соседей, точнее соседок, у всех троих доживавших в глухомани свой век бабулек.

Впрочем, самое страшное было не это, а то, что деревенька оказалась в прямом смысле этого слова у чёрта на куличках, и старушки остались одни-одинёшеньки посреди чуждого им мира. Сие открытие пенсионерки сделали уже на следующий же день после катаклизма, поднявшись на самый большой холм в окрестностях Борисовки. Вокруг, насколько хватало взору, сплошной стеной простирался чужой лес, зайти в который не рискнула ни одна бабулька. Ближе всего, кстати, чужой лес подступал к дому Авдотьи Степановны, и та буквально поминутно ожидала смерти от когтей и зубов неведомых чудовищ, которые должны были обитать там, в чащобах. Дома остальных немногочисленных обитателей Борисовки были разбросаны то тут, то сям, по нескольким небольшим холмам, чередуясь с пустыми и заколоченными избами, которых насчитывалось с десятков штук. Мда, знакомая до боли картина – практически вымершая деревенька в самом сердце России, и четыре одинокие женщины в ней.

Неожиданное появление троицы молодых парней на чёрной машине поначалу обрадовало Авдотью Степановну. Но затем незваные гости горько разочаровали пенсионерку – бесцеремонно вломились в дом, обыскали его, неизвестно зачем. Потом все трое сели в машину и поехали дальше, навестив всех без исключения обитательниц Борисовки. Незнакомцы покрутились по кластеру в поисках путей-дорог из него, заночевали в одном из пустующих домов, а на следующий день вновь возникли на пороге у Авдотьи Степановны. Пригрозив расправой, визитёры похитили у бабульки всех её куриц и покинули кластер в неизвестном направлении. Как позднее выяснилось, жертвами незваных гостей стали все куры в деревеньке, плюс грабители подчистили у пенсионерок погреба, украв немногочисленные после зимы припасы. Поэтому неудивительно, что хозяйка поначалу приняла нас за таких же налётчиков, промышляющих по округе с оружием в руках, да ещё и под видом полиции.

После беседы с Авдотьей Степановной я неожиданно почувствовал себя в роли Раскольникова. Нет, не заметался в поисках топора, прикидывая, сколько потребуется уконтропупить старушек ради идеи личного обогащения. Просто я прекрасно осознал, что необходимо оставить хотя бы пару бойцов во вновь открытом кластере, иначе четыре одинокие пенсионерки могут и не дожить до нашего следующего визита. А кого выделить? Со мной и так оставался самый минимум бойцов, и дальнейшее дробление небольшого отряда могло привести к печальным последствиям для всех нас. Не люблю я такие дилеммы, когда на одной чаше весов жизни незащищенных гражданских, а на другой – жизни моих людей. Теоретически можно было вооружить бабушек хотя бы пистолетами, но такое решение не приведёт ни к чему хорошему – наши старушки живут не в Техасах, а на Смоленщине. Точнее, жили до недавнего времени. Поэтому мне пришлось скрепя сердце отказаться от рискованной мысли разделить отряд, чтобы оставить в кластере хоть какой-нибудь гарнизон.

Глянув на часы, мы поблагодарили Авдотью Степановну за гостеприимство и стали собираться в дальнейший путь. Следующий час мы потратили на объезд кластера как такового, поднялись на несколько высоких холмов, сфотографировали окрестности. В ситуации, когда время не резиновое, пришлось отказаться от идеи прокатиться с визитами по подворьям всех обитателей Борисовки и от осмотра жилого фонда. Местность, надо признать, пришлась нам по душе: невысокие холмы, по которым разбросаны деревенские дома, три-четыре берёзовых рощицы вокруг, плюс энное количество давно непаханной земли из нашего мира. Если подойти к обустройству данного анклава с умом, то есть шанс организовать здесь отличное хозяйство.

Именно так я и сообщил ван Клейсту, в очередной раз выйдя на связь с командиром наёмников. Надо же было как-нибудь поторопить бельгийца с решением о выделении сил для защиты вновь открытых кластеров. В ответ на мои предложения Жерар напомнил, что полоса чужого леса между анклавом амишей и полузаброшенной деревенькой полностью непрохо-

дима. Причём непроходима не только для колёсной техники, но и для танков. Сунувшихся было в чащобы чужого леса наёмников встретил глубокий овраг, тянувшийся от самой реки, и, потеряв в поисках прохода почти целый день, бойцы Жерара повернули свою БМП обратно. Более того, ван Клейст высказал мысль, что тот чёртов овраг тянется чуть ли не на десяток километров, отсекая от базы наёмников и ещё не обследованный земной лесной кластер, и Борисовку.

Прикинув по карте, что и как, я ответил бельгийцу, что намерен лично разобраться с данным вопросом прямо на месте – мы просто возьмём и возвратимся в Данилово напрямик, не делая лишний крюк к азербайджанцам. Оставшегося светлого времени суток, по идее, должно было хватить для того, чтобы форсировать примерно десятикилометровую полосу чужого леса, разделявшую пару кластеров.

Глянув на карту, мои парни в целом поддержали идею сокращения маршрута, как в целях экономии времени, так и топлива. Запасы солярки, увы, безвозвратно улетучивались с каждым днём, и недалёк был тот час, когда нам придётся передвигаться на своих двоих. Поэтому лучше провести разведку, пока есть возможность, сидя в машине, чем шариться по чужому лесу пешочком, с риском остаться в нём навсегда.

В общем, взяв курс на Данилово, мы вновь углубились в местный лес, в готовности к новым незабываемым встречам с потрясающей здешней фауной. Вскоре нам действительно стала встречаться здешняя фауна, различные там ящерицы и здоровенные вараны, в изобилии водившиеся вокруг. Ни те, ни другие не проявляли никакой агрессии, наоборот, старались сразу же уступить дорогу изрыгающим смрадный выхлоп стальным монстрам. Зелёные вараны – так мы окрестили двухметровых ящериц – действительно охотились на своих более мелких собратьев, похоже, не гнушаясь и каннибализмом. Более мелкие ящерицы питались кем-то, жившим высоко на деревьях, может быть, здешними белками или птицами. По крайней мере, мы не заметили, чтобы ящерицы малых размеров находили свою добычу на земле.

Уж не знаю, кому больше повезло – нам или леозаврам, но лично мы были искренне рады, что во время поездки удалось избежать встреч с этими хищниками. Учитывая отсутствие на моём «мерсе» лобового стекла, такая встреча могла завершиться и не в нашу пользу. А подобный результат никого из нас не устраивал.

Потратив на неизбежные петляния и поиск оптимального маршрута часа полтора, наша небольшая колонна выехала к линии пересечения двух миров. Граница между мирами оказалась хорошо отмечена целым валом рухнувших деревьев, поэтому нам вновь пришлось прибегнуть к помощи финской мотопилы. Затем немного поработали лопатами, подрыв примерно метровой высоты обрывчик, и вновь принялись пропиливать себе дорогу.

Неожиданно захрипела одна из «моторол», и мы услышали переговоры между Никитиным и кем-то из даниловских мужиков. Чей-то взволнованный голос сообщал главе, что кто-то ломится в их сторону прямо из чащи чужого леса, слышится шум, словно дело происходит на лесоповале. Глава администрации принялся уточнять, что это за шум такой, словно на лесоповале, а затем обложил недотёпу матом.

Спустя секунду Василий запросил по рации наш позывной, и мне пришлось нарушить радиомолчание. С явным облегчением Никитин задал мне несколько дежурных вопросов, уточнил, что он сильно занят до самого вечера, после чего вновь вызвал давешнего мужика, запретив тому даже думать о стрельбе в нашу сторону. Как позднее выяснилось, нас и строительно-ремонтную бригаду даниловцев разделяло примерно с полкилометра, и мы малость ошиблись с направлением. Зря, в общем, пропиливались сквозь сотню метров земных кустов и молодых деревьев, так как могли взять в сторону и выехать прямо к заброшенному яблоневому саду.

Строительно-ремонтная бригада даниловцев насчитывала полтора десятка человек, располагала бульдозером и тремя грузовиками, имела на вооружении пять единиц огнестрела, в

том числе пару «ксюх». Ночевали мужики в одном вагончике и двух уже отремонтированных хатах, в поте лица работали буквально от зари до зари. Даниловцам предстояло восстановить до нормального состояния ещё четыре жилых дома, а затем заняться подсобными постройками – хлевами и сараями.

Переговорив по-быстрому с мужиками о том, о сём, мы покатали на свою базу. Путь лежал через хозяйства фермеров Савченкова и Доренко, которые с некоторых пор считались очень влиятельными в анклав людьми. В общем, неудивительно, так как у одного из них имелся собственный коровник, а у второго – процветающая свиноферма.

После катаклизма оба фермера частично лишились кормовой базы для своего скота, и, не желая пускать под нож большую часть поголовья, активно поддерживали союз даниловцев с наёмниками в надежде на сочные луга в других кластерах. Насколько я успел услышать краем уха, поляки не возражали против импорта из Данилово десятка хрюшек, но исключительно для кулинарных нужд. Экспорт крупного рогатого скота «завис», ибо у всех наших соседей имелась своя собственная домашняя скотина, для прокорма которой едва хватало площадей с земной растительностью. В данной ситуации два открытых нами кластера позволяли раз и навсегда разрешить угрозу голода для коров и давали неплохой шанс на увеличение поголовья свиней.

– Ух ты, интересно девки пляшут, – с неподдельным удивлением нарушил молчание капитан Руденко, пока мы осмысливали увиденное. – Это где же они такое откопали?

– Сейчас выясним, – произнёс я, останавливая «мерс». – Сдаётся мне, что мы давеча видели эти «коробочки» в амеровском ангаре.

Дорога на нашу базу шла рядом с хозяйством Савченкова, и, проезжая мимо его навеса для техники, мы увидели под крышей пару БТРов советского производства. Причём без вооружения, прямо как те машины, которые достались наёмникам по соглашению с ворюгой Глейманом. Но откуда БТРы взялись здесь, у Савченкова? Неужели, пока нас не было, произошёл конфликт между даниловцами и бойцами ван Клейста?

– О, мужики, гляди, кто к нам пожаловал! – обернувшись на шум моторов, воскликнул Доценко. – Никак сам товарищ майор, со своим спецназом.

– Доброго дня всем, товарищи, здравствуй, Александр Матвеевич, – подойдя, я вежливо и культурно поприветствовал человек восемь ополченцев, собравшихся у бронетранспортёров. – Откуда у нас взялось такое богатство?

– И тебе не хворать, товарищ майор, – с неким странным подтекстом отозвался Доценко. – А сие богатство не ваше, а наше. Решением администрации посёлка приобретённая военная техника поступила на вооружение нашего ополчения. Верно, мужики?

– Стоп, стоп. Ты объясни, Александр Матвеевич, откуда вообще взялась эта техника? – подождав, пока утих небольшой шум «одобрямсов», спросил я. – Вы, случаем, не вступили в конфликт с парнями Жерара, а?

– Да что мы, малахольные, что ли? С чего бы нам вступать в конфликт с нашим главным союзником? – Доценко посмотрел на меня так, словно я надел костюм розового фламинго на детский утренник. – Бронетранспортёры перешли в собственность ополчения в результате сделки между законной властью Данилово и господином ван Клейстом.

– Чего это такое ценное вы махнули на бэтээры? – поинтересовался стоявший рядом Руслан. – Неужели запасы солярки?

– Да ты, капитан, нас совсем уж лапотными считаешь? – похоже, зам Никитина был не прочь прилюдно полаяться. – Солярка – стратегическое сырьё, на сделки с которым наложено эмбарго администрации. Ишь, чего напридумывают, а ещё полицейские. Вам что, голова нужна только для того, чтобы носить фуражку?

– Тихо, тихо, не кипятись, Александр Матвеевич, лучше объясни всё толком, – я уже догадался, что Доценко зачем-то провоцирует нас на конфликт. – Что именно обменял анклав на два бэтээра?

– Совет отдал наёмникам одну фуру, точнее, её груз, и вездеход, – ответил один из мужиков, которого я раньше постоянно видел рядом с Никитиным. – Фуру нам пригонят обратно.

– А что за груз был в той фуре? – доброжелательным и нейтральным тоном поинтересовался капитан Ковалёв.

– Да ерунда, компьютеры всякие и прочее барахло, – махнул рукой Доценко. – Электричества в ближайшем будущем у нас не появится, поэтому нам не нужны никакие компьютеры. А вот оружие и «броня» нужны. Когда интендант-американец предложил нам выгодный бартер, мы поначалу не поверили своим ушам. Чудак человек – обменял бэтр на бесполезный хлам.

– Евпатий-Коловратий, вы что, отдали Глейману целую фуру компьютерной техники? – услышав упоминание об американском интенданте, я мигом сообразил, что выгодный бартер обошёлся без участия хитрозадого мастер-сержанта. – Да вы хоть понимаете, что америкос вас надул? Неужели до вас не дошло, что этот груз намного ценнее, чем за него дают? Вы что, не понимаете, что каждая высокотехнологичная вещь из старого мира скоро станет на вес золота?

– Да мы поболее твоего понимаем, майор, – очень нехорошо прищурился собеседник. – У всех деревенских семьи, которые нам надо как-то кормить. Кто будет кормить бабу с детишками, если её мужик, не дай бог, сгинет в джунглях? Ты, майор, со своими ментами? Уж извини, но ты – пришлый, как и твои люди. Мы знаем вас без году неделю, и ещё не решили, что вы за людишки такие.

Вот те раз! Признаюсь, у меня имелись подозрения, что деревенские мужики нас не особо жалуют. И я, и мои парни частенько подмечали косые взгляды, брошенные в нашу сторону, чувствовали скрытое напряжение в разговорах с некоторыми местными товарищами. Но мы списывали весь этот негатив на общую обстановку после катаклизма и, признаюсь, не обращали на скрытые намёки никакого внимания. Как оказалось – зря!

– Ты уж не стесняйся, Александр Матвеевич, давай, выкладывай всё, что накопилось за пазухой, – я решил сразу же, не откладывая дело в долгий ящик, «провести разведку боем», чтобы иметь большую конкретику по ситуации. – Говори, какие у тебя и у остальных к нам претензии. Делай предъяву, если уверен.

– Предъяву, говоришь, – похоже, Доценко ждал именно такой возможности, готовился к ней заранее. – Пришли вы, никогда не жили в Данилово, и никто вас не знает. Кроме Еремеева. Еремеев, конечно, авторитет, но он здесь такой же пришлый, как и вы. Времена изменились, майор, и старые авторитеты перестали диктовать нам свои условия.

– Вот оно что – всё дело в Еремееве, – протянул я. – А ты в курсе, Александр Матвеевич, что я не виделся с Ерёмой туеву хучу лет? А здесь, в Данилово, мы оказались случайно, как и многие другие.

– Слышь, Матвеич, не будь нас – вы бы уже пахали на Белоусова и на дочурку Быстрова, – вновь вступил в разговор Руслан, и интонация его слов мне весьма не понравились. Обычно капитан говорил таким тоном, когда готовился схлестнуться со всяким отребьем. – Над вами уже бы стояли надсмотрщики из тех бандитов, что мы завалили на площади у правления.

– Нет, капитан, не будь вас – не было бы и никаких бандитов, и были бы живы Антонов с Федосеевым, – наш оппонент, похоже, закусил удила. Хорошо хоть не потянулся к оружию. Мда, а автомат-то у Доценко уже другой – явно из той партии, что мы привезли с полигона. – Вы спровоцировали бандитов на нападение, и вы несёте за это ответственность.

– Все так думают? – я взгляделся в лица топтавшихся под навесом мужиков. Никто из них не рискнул встретиться со мной взглядом, кто-то отводил глаза, кто-то пялился в землю. Как говорится: ни ответа, ни привета. – Ладно, парни, поехали.

– Минутку, Володя, – остановил меня Михаил. – Мужики, а что за вездеход вы отдали наёмникам на обмен?

– «Витязя» обменяли, того, что парень из эмчээс в самолёте вёз, – нехотя пробурчал в ответ давешний мужик. – Мы покумекали и решили, что от двух бэтээров будет больше пользы, чем от одного вездехода.

Полный абзац! Я дёрнул за рукав Руденко, открывшего было рот, чтобы высказать, хм, товарищам, что он думает об их коммерческих талантах. Посмотрел на обычно невозмутимого Саню Барулина, качнул головой, предупреждая капитана, что не нужно говорить мужикам резкостей. Переглянулся с Ковалёвым, который ответил мне всепонимающим взглядом тибетского мудреца. Действительно, какой смысл спорить с Доценко и группировкой его единомышленников? Особенно если учесть, что из нас стали создавать образ врага. Заметьте, из нас, из своих, российских ментов, а не из интернационала вообще чужих всем наёмников, не из кучки депутатов-кровососов, организовавших недавнее кровопролитие.

– Как думаете, бэтээры у них на ходу? – обернулся к нам всем капитан Барулин, едва я тронул джип с места. – Если на ходу, то их надо брать этой же ночью.

– Успокойся, Саня, этой «броней» сто лет в обед, – отозвался из-за моей спины Ковалёв. – Даже если машины достались Доценко и его подпевалам без серьёзных поломок, то пока они доведут их до ума, пройдёт уйма времени.

– Да за неделю управятся – разберут, почистят, соберут, – поёрзал на сиденье Руслан. – А потом вооружат пулемётами, которые мы сами им же и подарили. Не, ну на фига мы отдали этим козлам целых два пэкаэма, а?

– Мы отдавали оружие не козлам, а ополченцам, – уточнил я. – Видимо, среди даниловских идёт закулисная борьба за власть, и Доценко срочно понадобился образ врага.

– Угу, а так как отряд бельгийца доценковским не по зубам, то он решился на очень рискованную игру, – заметил мой напарник. – Володя, как думаешь: если бы Николай был в строю, Матвейч попёр бы против нас или нет?

– А чёрт его знает, Миша, – честно ответил я. – Походу, мы слишком добры к местным придуркам, и нас перестают уважать. Надо будет проучить Доценко так, чтобы ни у кого не возникло соблазна.

– Интересно, а Марк знает, что даниловцы похерили «витязя», или нет? – вспомнил один важный момент Александр. – А если не знает, то что он скажет по этому поводу?

Марк сказал. Сказал вечером. Сказал достаточно много, с помощью великого и могучего русского языка расписал в красках умственные способности мужиков, прошёлся и по Доценко и по Никитину, не забыл и американского мастер-сержанта. Последний, на мой взгляд, пострадал за компанию – Глейман всего лишь подтвердил свою репутацию ушлого дельца, совершив весьма выгодный для наёмников бартер. Можно сказать, отлично исполнил свой служебный долг, отхватив у недалёких деревенских дядек дефицитный товар. За что же винить этого хитрого еврея?

По приезду на базу, в особняк Николая, мы столкнулись с неожиданным сюрпризом – отсутствием, можно сказать, на рабочем месте обоих охранников Еремеева. Витёк и Володька бесследно исчезли, словно их никогда там и не было. Причём исчезли с оружием, что наводило на очень нехорошие мысли. На всякий случай мы прочесали особняк, очень опасаясь обнаружить где-нибудь в укромном месте бездыханные тела или следы кровавой разборки. Нигде ничего.

Признаюсь, в какой-то момент это происшествие поставило нас в тупик. По всему выходило, что если охранников никто не похищал насильно, то они сами, добровольно оставили свой пост. Забрав, по словам Леонида, кое-какие личные вещи, так, мелочи.

Наскоро перекусив, чем бог послал, мы решили, что для начала следует порасспросить оперативного дежурного в комендатуре, а затем поискать Никитина. Разговор с главой администрации предстоял серьёзный, и на всякий случай мы стали готовить усадьбу к обороне. За этим занятием нас и застал вызов по рации из Замятино.

Семён Семёныч, командир тамошнего гарнизона, предложил нам приехать вечером в деревеньку, переночевать там, а утром обещал показать офигенно большой сюрприз. Сюрпризы нам, честно говоря, порядком поднадоели, поэтому мы попытались с ходу расколоть отставного военного. Однако Семён Семёныч «стоял насмерть» – говорил, что «это» надо видеть своими собственными глазами, иначе мы не ощутим радости и не осознаем открывшихся перед даниловцами перспектив. Пришлось пообещать заядлому охотнику, что мы пожалуем в Замятино с гостевым визитом.

Ещё возвращаясь из разведки, мы обратили внимание, что на улицах посёлка стало на порядок меньше народа. Оперативный дежурный подтвердил, что колонна наёмников забрала практически всех иностранцев, за исключением двух-трёх мужиков. Глядя на наши удивлённые лица, дядька пояснил, что, находясь под впечатлением от бюста некой Светланы Корякиной, один из французских граждан наотрез отказался ехать хрен знает куда. И никто из соотечественников так и не смог уговорить строптивого француза переселиться в «более цивилизованное место».

Самое интересное, что постоянно дававшая от ворот поворот местным мужикам дамочка буквально за пару дней нашла общие точки соприкосновения с этим чёртовым пройдохой Пьером. Не особо обременённого работой дежурного дико занимали причины такого поступка мадемуазель Корякиной, он страстно желал обсудить размер мужского достоинства месье Пьера, и чем оно отличается от его собственного, ну, вы поняли, чего. Данная тема была нам монописуальна, и, узнав, что Никитин обещал появиться примерно через час, мы поехали проводить Еремеева.

В импровизированном госпитале нас поджидал ответ на один из вопросов. Даниловские старушки, откуда-то прознавшие, что молодая докторша отлично разбирается во всяких там болячках, потянулись на приём к красавице-брюнетке. Загруженная работой с ног до головы, Диана просто сунула мне в руку клочок бумаги, а затем вытащила из-за зелёной занавески два «калаша», плюс две заполненные запасными магазинами разгрузки.

На несколько секунд в комнате возникла немая сцена, пока я не пробежал глазами записку. Ну что же, всё становилось на свои места – охранники Николая покинули своего бывшего большого босса и присоединились к наёмникам ван Клейста. Выданное им оружие решили с собой не брать, так как не желали вконец портить отношения со своим бывшим работодателем. Интересно, что такого Жерар смог предложить двум прошедшим горячие точки парням?

– Что-что, адреналиновые приключения на одно место, – буркнул Ковалёв. Оказывается, последнюю мысль я произнёс вслух. – Хорошо хоть оружие не прихватили. Ты, Володя, не обижайся, но бандиты служат своим хозяевам, пока те им платят. А как только бабла нема – идут искать новых.

– А чего мне обижаться, Миша? Я не бандит и не их хозяин, – ответил я, передавая автоматы Руслану. – Как думаешь, Леонид тоже уйдёт от нас?

– Да, пофигу, пусть хоть сейчас уходит, – пожал плечами мой напарник. – Главное, чтобы не забрал стволы.

Мой бывший однополчанин выглядел значительно лучше, чем во время нашего прошлого посещения. По словам Дианы, пациент шёл на поправку, и она уже не опасалась, что в одну весёлую ночь Еремеев возьмёт да и отдаст богу душу. На поправку шла и раненая в грудь девушка, за которой присматривали сиделки-добровольцы из местных женщин пенсионного возраста. Самоназначенные медсёстры начинали потихоньку жалеть дуру-девку, которая должна была отправиться с больничной койки прямиком на принудительные работы. Диана считала, что в скором будущем сердобольные даниловские бабы потребуют пересмотреть решение трибунала в отношении раненой, дабы смягчить её участь.

Николай уже был в курсе о дезертирстве пары его охранников. Те зашли днём поставить босса в известность, попрощаться и сдали оружие нашей докторше. Почему Диане? Всё просто – парни не доверяли даниловским ополченцам, а те, как мы уже выяснили, не испытывали особой любви к людям бывшего серого кардинала всей здешней округи. Времена действительно изменились, старые авторитеты рушились прямо на глазах.

Решив, что не стоит излишне волновать Ерёму, я сознательно умолчал о нашем конфликте с доценковской группировкой. Вместо этого вкратце рассказал о нашей поездке, об обнаруженных анклавах с российскими гражданами, о грядущей воздушной разведке нового мира. Николай жадно впитывал новости и просил не бросать его одного надолго среди клизм и шприцов, приезжать почаще, делиться свежими новостями. Заметив, что мы оставляем товарища в самых надёжных руках, которым можно доверить абсолютно всё, мы распрощались с Николаем. Нас ждала весьма серьёзная беседа с главой администрации, и мы готовились к ней, как к давешнему разговору у самолётов с господином ван Клейстом.

Вопреки ожиданиям, Никитина на месте не оказалось. По словам дежурного, глава администрации уехал в ремонтно-строительную бригаду по какому-то весьма срочному делу. Ага, на ночь глядя и покатил, как будто взрослые мужики не справятся с ремонтом жилого фонда без пристального присмотра со стороны. До сих пор как-то справлялись. Было очевидно, что дежурный нам нагло врал, делая честные глаза, выгораживая главу, как умел. Учитывая, что на вызовы по рации Никитин не отвечал, становилось ясно, что он старательно избегает встречи и серьёзного разговора с нами. Сей факт как-то не вязался с образом Василия, с образом жёсткого и прямого мужика, поэтому я предложил парням повременить с выводами. Ковалёв молча пожал плечами, Руденко скривил мне недовольную физиономию, а затем высказался эзоповым языком насчёт новой даниловской власти.

Саня Барулин в отместку за наглый обман красочно поведал дежурному, как мы сцепились с леозаврами, после чего показал мужику несколько фоток со своего айфона. Дежурный, поначалу с недоверием отнёсшийся к рассказу капитана, похоже, впечатлился по самое немогу. А нефиг столь откровенно врать операм, которые и не таких гусей раскалывали.

По возвращении на базу нас ожидал сюрприз. На скамеечке у мостика через ручей сидели два типчика, в которых без труда угадывались иностранные граждане. Рядом с визитёрами стояли две современные сумки на колёсиках, средних размеров, ничем не приметные среди миллионов аналогичных экземпляров по всему миру. По всему старому миру. Визитёры сидели молча, изредка обмениваясь короткими фразами на немецком.

– Кто это? – коротко спросил я Костю Григорьева, скучавшего в одиночестве в караулке. – Чего им надо?

– Докладываю: граждане Германии – Вольфганг Нидеррайтер и Гельмут Нидеррайтер. Попросили о встрече с господином майором Иванниковым, – сухим казённым языком отбарабанил Костя. – Зеленцов велел впустить и приглядеть, пока ждут начальство.

– Хм, ну, если Влад велел, – задумчиво произнёс я, рассматривая подозрительных немецких граждан. Какого, интересно, чёрта они не убрались прочь вместе с остальными фрицами. – Ладно, сейчас разберёмся.

Припарковав «мерс» рядом со вторым нашим джипом, я выбрался из машины, и пошёл знакомиться с гостями. Увидев меня, оба немца поднялись со скамеечки, и... встали по стойке «смирно». При этом старший, коротко стриженный мужик лет сорока пяти – пятидесяти, ещё и прищёлкнул каблуками, выдавая военную выправку.

– Здравствуйте, господа. Майор Владимир Иванников, – представился я. – Чем могу быть полезен?

– Господин майор, разрешите представиться: Вольфганг Нидеррайтер, лейтенант «штази» в отставке, – произнёс старший из немцев по-русски, с сильным акцентом, который

возникает, когда редко используешь выученный язык. – Рядом мой сын Гельмут. Мы просим вас взять нас в свой отряд.

– Вот как, – я ожидал чего угодно, но только не подобного. – Господин Нидеррайтер, а почему вы с сыном не уехали вместе с остальными соотечественниками?

– Я родился и вырос в ГДР, мой сын родился в Восточной Германии, – ответил Вольфганг. – Мы всегда были чужими для бюргеров с Запада. Мы больше не хотим жить среди чужих, господин майор.

– Можно просто «товарищ майор», – машинально поправил я, полностью сбитый с толку свалившимися, словно с неба, немцами. Мда, а ведь, если разобраться, то именно с неба они и свалились, в прямом смысле этого слова. – Герр Нидеррайтер, извините за прямоту, но и мы, русские, вам не родственники.

– Товарищ майор, мы видели, как вы и ваши полицейские подавили бунт русских олигархов, – собеседник старательно подбирал слова, компенсируя отсутствие практики разговорной речи. – Мы видели справедливый суд народа над капиталистами, мы знаем, что вы и ваши люди были готовы идти с автоматами против танков. Мы знаем, что капитан ван Клейст заключил союз с деревней благодаря вам. Мы хотим остаться здесь, служить в вашем отряде.

– Герр Нидеррайтер, извините, а сколько вы знаете языков? – осенённый одной догадкой, я не совсем тактично перебил немца. – Кроме родного, немецкого?

– Я с акцентом говорю на русском, английском, польском, чешском, – в голосе немца зазвучала профессиональная гордость бойца невидимого фронта, пусть и бывшего. А бывших, как известно, не бывает. – Выучил во время службы в «штази», но потом имел мало практики. Мой сын Гельмут свободно владеет английским, французским, голландским, фламандским. По-русски не говорит, понимает очень мало.

– Солидно для юноши его возраста, – констатировал я, с любопытством рассматривая Нидеррайтера-младшего. – А сколько лет вашему сыну?

– Ему двадцать лет, товарищ майор, – теперь в голосе Вольфганга прозвучала гордость за своего сына. – Гельмут прекрасно знает любую электронику, компьютеры, умеет пользоваться оружием, имеет коричневый пояс по карате.

– Пользоваться оружием вы научили? – поинтересовался я.

– Да, я старался научить сына постоять за себя, – немец подтвердил мою догадку. – Товарищ майор, мы готовы предложить вашему отряду все свои профессиональные знания, все умения.

Первоначально у меня промелькнула шальная мысль, что эта парочка немцев является засланными казачками со стороны бельгийца. Затем я отмёл данную идею, как абсолютно бредовую – Жерару, имевшему танки и БТРы, не было никакой необходимости шпионить за нашей малочисленной группой. Кроме того, ван Клейст вряд ли стал бы разбрасываться столь ценными кадрами, какими являлись бывший офицер «штази» и его сын-полиглот. Кстати, о птичках – немец только что обмолвился об очень интересных моментах. Насколько я помню, мы не проводили брифинг с иностранными гражданами, чтобы похвастаться собственной храбростью.

– Хорошо, герр Нидеррайтер, вы и ваш сын приняты в наш отряд, – с этими словами я протянул немцам руку, обменялся рукопожатиями с обоими. – Берите сумки, и пойдём знакомиться с новыми коллегами.

– Просто Вольфганг, товарищ майор, – с заметным облегчением вздохнул старший из Нидеррайтеров. – Без «герров».

Я кивнул, принимая предложение нашего нового немецкого товарища. Мы пошли в дом, где я собрал всех, кто в этот момент находился на базе, и представил парням выходцев из бывшей ГДР. Как и ожидалось, мои опера достаточно тепло приняли немцев, несмотря на то что Гельмут практически не говорил по-русски. Как заметил Руденко, с такими учителями, как

бравые питерские менты, молодой человек заговорит по-русски через пару недель максимум. Вопрос вооружения вновь прибывших решился сам по себе – Нидеррайтеры получили оружие и амуницию дезертировавших охранников Еремеева.

На этом моменте, впрочем, стоит остановиться подробнее. Нет, не на паре «калашей» с магазинами и разгрузками, а на уходе Витька с Володькой. Как Вольфганг и говорил, его сын хорошо знал языки, а кроме того, обладал талантом слушать, подслушивать и делать логические выводы. Шныряя вокруг конвоя наёмников, когда те грузили иностранцев в прибывший автотранспорт, Гельмут слышал много чего интересного.

В частности, узнал, что «солдаты удачи» держат сильные гарнизоны во всех трёх открытых ими кластерах, кроме Данилово. Причём на вооружении тех отрядов состояли танки и бронетранспортёры, а технические специалисты ван Клейста пахали без продыху, чтобы поскорее ввести в строй три советских МТЛБ. Те самые, трофейные, которые обнаружили в ангаре американцев. Американских морпехов, кстати, сразу же распихали по разным подразделениям, оставив при штабе лишь медперсонал во главе с Коллинзом. Настроение у наёмников бодрое, несмотря на некоторое количество пострадавших при знакомстве с местной фауной, бойцы верили командирам и были готовы продолжать исследование нового мира.

Жерар упоминал, что среди его многонационального войска затесался какой-то парень с Украины, русский по национальности. Этот самый парень, Андрей, прибыл в Данилово вместе с конвоем, поосмотрелся вокруг, переговорил с местными, и... сманил в «солдаты удачи» обоих еремеевских охранников. Как полагал Нидеррайтер-старший, секьюрити Николая не желали оставаться под началом заезжих ментов и сразу же использовали предоставленную возможность влиться в отряд «диких гусей». Благо такой шанс им дал уже упомянутый Андрей, явно соглядатай самого ван Клейста. Что же, бельгиец понимал, что его относительно многочисленный отряд является каплей в море нового неисследованного мира, и начал сманивать под свои знамёна подготовленных бойцов у своих соседей. С другой стороны, хорошо, что потенциальные дезертиры слиняли сейчас, а не предали тебя в бою, что было бы куда страшнее.

Между тем Вольфганг рассказал, как приехавший с конвоем американский мастер-сержант морской пехоты шушукался с кем-то из даниловских мужиков. С помощью переводчика, конечно, всё того же вездесущего Андрея. После тех переговоров с местными американец долго трещал с кем-то по рации, а затем наёмники включили в состав конвоя одну из тех фур, что случайно оказались в Данилово. Глейман – судя по описаниям немца, это был именно он – самолично залез в кузов, проверил груз, после чего с довольной мордой порыскал к своему «хамви». Сформированный конвой проторчал в посёлке лишний час, пока ополченцы не пригнали на площадь двухзвенный гусеничный вездеход и не передали его наёмникам. Лишь после этого головной «ратель» тронулся с места.

А ближе к вечеру через Данилово проследовал второй конвой наёмников, возвращавшийся с полигона. Два грузовика из четырёх буксировали на жёстких сцепках пару БТРов советского производства, сопровождаемые трёхосным британским броневиком. Ну да, всё сошлось: вторая пара БТРов не доехала до посёлка, оказавшись под навесом на ферме Савченкова. Заключив тайную сделку, обе стороны обошлись без оркестра и толп восторженных зевак в процессе передачи друг другу техники. Всё шито-крыто, и все довольны. Кроме тех, кто изначально владел «витязем».

Тут, словно по заказу, появился Марк, прикативший на «гелендвагене». Мы познакомили нашего товарища с новыми бойцами отряда, ввели его в курс всех последних событий, ну, а про реакцию Мышкина на коммерческую деятельность даниловских аборигенов повторяться не буду. Замечу лишь, что Нидеррайтер-младший внимательно слушал произносимые Марком обороты речи, обучаясь, как говорится, на лету.

Дав эмчезнику выговориться, мы обсудили с ним наши дальнейшие планы, планы на ночь и на завтра. Марк поостыл и сообщил, что объединённая бригада лётчиков с помощью

местных трактористов освободила шоссе от самолёта «Люфтганзы», а заодно и спишила два с половиной десятка деревьев, способных помешать взлётно-посадочным операциям. Аварийный «боинг» аккуратно припарковали на примыкающем к трассе поле, соорудив для его шасси целых три бетонных дорожки. Вызывавшая опасения носовая стойка шасси выдержала испытание нагрузками, но всё равно оставались опасения, что она подломится в любой момент, и самолёт «клюнет носом».

Пилотский интернационал решил, что проще переночевать в «боинге», чем тратить время на походы туда и обратно к гостевому домику в усадьбе Еремеева. Если начать работу с утра пораньше, то уже к полудню «ил» будет проверен от и до, и готов к взлёту. Похоже, лётчикам двух стран не терпелось поскорее подняться в воздух, чтобы с высоты познакомиться с новым миром. Поэтому они послали Марка за едой, точнее, за продуктами на ужин и завтрак.

Заметив, что пилотам придётся завтракать в основном консервами, мы погрузили в «гелендваген» несколько наскоро собранных коробок с продовольствием. Строго-настрого наказав Мышкину смотреть ночью в оба, информировали, что сами выезжаем в Замятино. На базе останутся наши женщины с парой новых бойцов немецкой национальности, плюс Леонид, охранник Еремеева. Новые бойцы – люди надёжные, если что, вместе с Лёней прыгнут в «хаммер» и примчатся на помощь. Марк хмыкнул в ответ, скептически глянул в сторону «надёжных людей» и, пожелав всем удачи, укатил на «аэродром Данилово».

Долив в баки топлива из стремительно таявших запасов моего бывшего однополчанина, мы поехали с визитом к Семён Семёнычу. Пенсионеры Замятино радушно встретили нас, засыпали массой вопросов буквально обо всём, вплоть до внешней политики. Отставному военному даже пришлось осадить старушек, после чего нам наконец-то позволили сесть за стол.

Во время ужина мы обстоятельно обсудили с Семён Семёнычем и его бойцами все последние события в анклав и вокруг него. Охотник внимательно выслушал повествование о проведённом разведрейде, поддержал идею немедленного присоединения к Данилово двух новых кластеров. Узнав, что у нас возникла напряжённость с Доценко, посоветовал не спешить с выводами о роли Никитина в этом деле. Доценко, по словам Семён Семёныча, и раньше частенько ставил в неудобное положение любое начальство, вплоть до покойного Федосеева. Уж очень высокого мнения этот мужик о самом себе и своей роли в жизни посёлка. А местные фермеры, типа того же Савченкова, зачастую слепо идут на поводу у Доценко, так как они все знают друг друга с детства. Поэтому нам не стоит держать зла на Никитина, который, скорее всего, оказался поставлен перед фактом коммерческой сделки ополченцев с Глейманом, когда самих наёмников уже и след простыл.

За ужином мы попытались вытащить из Семён Семёныча, за каким лешим ему потребовалось поиздеваться над нами подъёмом в половине пятого ночи, чтобы мы что-то там такое увидели. Неужели нельзя организовать сюрприз как-то иначе, и дать выспаться уставшим за день ментам хотя бы до шести утра?

– Не, мужики, иначе никак, – с улыбкой на лице развёл руками отставной военный. – Но, обещаю, что сюрприз вам понравится.

Учитывая, что Наталья Ивановна вела себя, словно партизан на допросе в гестапо, делая вид, что не понимает, о чём речь, нам пришлось поверить Семён Семёнычу на слово. Ночь прошла спокойно, и моим парням удалось более-менее нормально отдохнуть. Ополченцы строго по графику добросовестно тянули лямку опасных ночных дежурств, и нам не пришлось никого подменять.

Конечно, неприятно, когда приходится вставать ни свет ни заря, но опера – люди закалённые, привычные к постоянному недосыпанию. В общем, в четыре сорок пять мы топали за отставным военным на окраину села, позёывая на ходу, спросонья таращась на каждую подозрительную тень.

– Тихо, парни, не шумите, – обернулся Семён Семёныч, когда Руденко чертыхнулся сквозь зубы. – Они не любят, когда ругаются.

– Да ёшкин кот, что за «они» такие? – прошипел сквозь зубы Руслан, потирая ушибленную голень. – Развели сухостой какой-то, прямо под ногами...

– Тсс-с, замрите, – поднял руку наш проводник. – Видите, ветки зашевелились?

– Ну, видим, – шёпотом отозвался я, прикидывая, успею ли вскинуть автомат, если из подлеска выпрыгнет желающий позавтракать леозавр. Пожалуй, не успею. – Семён Семёныч, твою дивизию, колись, нафиг, немедленно!

– Да не шипи, майор, смотри, лучше, – с этими словами охотник приподнял с земли захваченный с собой мешок и шагнул вперёд, обернулся ко мне. – Не вздумай стрелять, майор, не надо.

– Мать божья, – пару минут спустя прошептал Руденко, помотав головой. – Ущипните меня, может, я сплю?

– Нет, Руслик, ты не спишь, – произнёс не менее обалдевший Барулин. – Это всё наяву.

Вероятно, со стороны в тот момент мы выглядели, как кучка идиотов – стояли, пораскрывав рты, глядя, как Семён Семёныч с рук кормит яблоками семейку шерстистых слонов. Или сильно облысевших мамонтов, уж не знаю, как их звать-величать. Слоны, похоже, не в первый раз вкушали чужеземное угощение и делали это очень деликатно. Аккуратно беря хоботом с ладони человека каждый плод, отправляли его в рот, прикрывали глаза, долго-долго двигая челюстями. Угощались строго по ранжиру – сначала самец с более массивными бивнями, затем самка и лишь потом их малыш, размерами схожий с крупным быком. На нас вроде бы не обращали никакого внимания и, похоже, нисколько не опасались.

Не знаю, сколько времени мы проторчали, наблюдая за процессом кормёжки слонов с рук, но мешок с яблоками в конце концов полностью опустел. Впрочем, он и изначально не был полон, так, может, на треть. После того как был съеден последний плод, самец изогнул свой хобот так, словно приглашал на нём посидеть, будто на лавочке. Семён Семёныч не заставил себя ждать – минута, и он уже с гордым видом восседает на широченной спине слона, ласково поглаживая протянутый ему хобот.

Затем умное животное сделало несколько десятков шагов по направлению к лесной опушке, неся нашего охотника на своей спине, и остановилось возле дерева. Видимо, слон давал человеку понять, что прогулка подошла к концу, и пора бы тому спешиваться. На прощанье Семён Семёныч погладил слона по огромной голове и, кряхтя, перебрался на берёзовый сук. Спуск на землю не занял много времени, и вскоре отставной военный предстал прямо перед нашими изумлёнными глазами.

– Ну, как вам сюрприз, мужики, понравился? – Семён Семёныча прямо-таки распирало от гордости и счастья. – Мохнатые слоны, скажу я вам, страшно умны, и словно самой природой созданы для того, чтобы их одомашнить. Чем не лошади? Лучше лошадей, намного лучше.

– А потянут ли они плуги и бороны? – с сомнением произнёс Барулин. – Ведь не каждая лошадь годится для подобной работы. А здесь – слоны, с которыми никто из деревенских не знаком.

– Ничего, солярка закончится, придут и познакомятся как миленькие, – ответил отставной военный. – Другого выхода у мужиков нет – лошадей у нас раз-два и обчёлся.

– Семён Семёныч, а как вам удалось наладить контакт с животными? – задал я ключевой вопрос. – Это же...

– «Невский», «Невский», ответьте «Шпилю», – неожиданно прохрипела рация. – «Невский», «Невский»...

– Да, «Шпиль», «Невский» на связи, – вызов в неурочное время мгновенно мобилизовал меня. – Говори, что случилось?

– Мы наблюдаем приближение неизвестного корабля, который идёт вдоль побережья, – доложил наблюдатель с колокольни. – Ещё слышим шум вертолётного двигателя... Откуда-то с запада, со стороны пиндостанского полигона.

– Что за корабль, гражданский или военный? – поинтересовался я, предположив, что американцы с наёмниками вновь играют в какие-то свои, непонятные нам игры.

– ...Военный, – ответил наблюдатель. – На корабле вроде спускают шлюпки, а в сторону берега идут ещё два катера...

– Что за фигня? – удивился Ковалёв, в тревожном ожидании прислушивавшийся к разговору. В этот момент до нас донёсся глухой вздох орудийного выстрела, мигом слившийся со звуком разрыва. – Вов, уточни – катера с десантом?

– Корабль открыл огонь! – закричал наблюдатель. – Он стреляет прямо по деревне!

– «Шпиль», отвечай: катера идут к берегу с десантом? – я почти перешёл на крик. Снова послышался звук отдалённого орудийного выстрела, и сразу же гроыхнул разрыв. – «Шпиль», приём...

– Мужики, что происходит? – разволновался Семён Семёныч. – Судя по гулу, по Данилово работают крупным калибром. Я артиллерист, знаю, о чём говорю... С кем это вы так поссорились, а?

– А чего сразу мы? – вспыхнул Руслан. – Может, это ваш Доценко решил поиграть в войнушку?

– Капитан Руденко, отставить свару! – я напустил в свой голос как можно больше металла. – Сейчас сами поедем и на месте всё выясним.

После третьего залпа и последовавшего за ним очередного взрыва мы насчитали ещё два выстрела из корабельного орудия. Затем мой обострившийся слух уловил едва слышимые отзвуки далёкой перестрелки из стрелкового оружия. Судя по непрерывности стрекотания, стреляли сразу из нескольких автоматических стволов, стреляли, не жалея патронов.

– ...«Невский», я «Аврора», ведём бой с неизвестным противником, – прохрипела рация, и я узнал голос Марка. Сквозь эфир донёсся треск автоматной очереди. – Всем: пост на трассе атакован двумя десятками хорошо вооружённых врагов... Андреич, меняй позицию!

– Марк, Марк! Кто атакует?! – заорал я в ответ, плюнув на конспирацию. – Марк, отвечай!

– Говорит «Колпино»! – вместо Мышкина в эфир ворвался голос какого-то ополченца. – Мы под обстрелом!

– «Колпино», кто конкретно вас атакует?! – уже на бегу я попытался прояснить хоть что-нибудь конкретное.

– Черномазы какие-то, выскочили, словно черти, из-за поворота! – с испугом в голосе отозвался боец. – Ёшкин кот, вертолёт! Колька, бежим!!

Ополченец исчез из эфира, дав нам понять, что какие-то черномазые черти захватили блокпост ополчения в бывшем магазине Еремеева. Кроме того, стало известно, что у неизвестного противника имеется вертолёт. Вкупе с артиллерийским обстрелом с моря это означало, что Данилово подверглось атаке весьма серьёзных сил – скорее всего, чьей-то регулярной армией, как и мы, очутившейся в новом мире. Термин «черномазые» вполне можно было применить и к янкесам, и к латиноамериканцам, и ещё к массе народов – чернокожие служили во множестве земных армий. А если нас атаковали не земляне, а местные?

Мы, словно спринтеры, добежали до дома Натальи Ивановны и мгновенно очутились в машинах. Под гавканье четвероногих сторожей наши джипы пронеслись по Замятино, напугав пару-тройку старушек, высунувшихся было на улицу. Деревенька пробуждалась, видимо, пенсионерки услышали гул отдалённой канонады и интуитивно почувствовали, что в анклав происходит что-то страшное.

В эфире царила полная неразбериха – позабыв позывные, посты ополченцев вызывали друг друга, забивая канал связи. Наша группа на трассе больше не выходила на связь, что,

похоже, свидетельствовало о непоправимом. В глубине души, конечно, теплилась надежда, что у парней просто накрылась рация, а сами они – опытные вояки – живы-здоровы, и никакие черномазые черти их не возьмут. Даже если у этих чертей есть артиллерия и вертолёт.

...Сидевший за моей спиной Ковалёв наконец-то докричался до Никитина. Сквозь треск помех глава сообщил, что ополченцы стягивают силы к южной окраине Данилово, а крайние дома, похоже, уже захвачены, как и бывший магазин Ерёмы. О ситуации на шоссе Василий ничего не знал, зато сумел уточнить, что у врага в наличии один-единственный вертолёт, вооружённый пулемётами. Насчёт национальности нападавших Василий не имел никакой информации, как и о боевом корабле у берега. По причине того, что наблюдательного поста на колокольне церкви более не существует – прямое попадание снаряда снесло всю площадку вместе с бойцами. Враг продолжал вести редкий артобстрел, видимо, корректируя огонь с борта «вертушки».

– Рус, что с рацией? – я на мгновение обернулся назад, в сторону капитана Руденко, пытавшегося выйти на связь с отрядом ван Клейста. – Работает?

– Рация в порядке! – проорал в ответ Руслан, перекрывая шум двигателя и шелест шин. Напомню, что мой «мерс» лишился лобового стекла. – А вот на связь с нами никто не выходит!

– Вонючий случай, парни, боюсь, что бельгиец нас крупно надул! – услышав ответ, покачал головой капитан Барулин. – Не исключено, что это его уроды и напали на Данилово.

– Да, если это бойцы Жерара, то это полный анус, – согласился я. – С другой стороны – нет логики! Зачем ему нападать, предварительно дав нам ство... Саня, «вертушка», млин!

– Вижу! – закричал Барулин, поворачивая в сторону вертолёта пулемёт. – Мужики, готовьтесь на ходу прыгать вон!

Мы доехали практически до того места, где произошла наша первая встреча с ван Клейстом. Едва джип выскочил из-за поворота, я сразу же увидел летящую нам навстречу винтокрылую машину. Думаю, если бы вертолёт был вооружён ракетами или автоматическими скорострельными пушками, нам бы пришёл конец прямо на том же месте. Или кирдык, или капут, кому как нравится. Но противник не имел на вооружении ни ракет, ни скорострельных «металлорезок».

«Вертушка» слегка повернулась правым боком и словно засверкала сваркой из дверного проёма – пулемётная очередь хлестнула по грунтовке прямо впереди нас, приближаясь к моему «мерсу» со скоростью... Да хрен знает, с какой скоростью, но очень быстро. Я резко крутанул туда-сюда руль, одновременно давя на газ и вновь выворачивая рулевое колесо. Успел краем глаза заметить, как мгновенно исчезло боковое зеркало заднего обзора, словно его корова языком слизнула. Что-то хрустнуло за спиной, а мой напарник завернул на таком матерном сленге, что обзавидовался бы любой боцман старой закалки.

– Бегом, врассыпную! – срывая голос, я рванул дверцу, выскакивая из машины. – Быстрее!

Не знаю, как у кого, а у меня не было никакого желания нестись на джипе под обстрелом крупнокалиберного пулемёта. Это только в кино главный герой шутя уворачивается от пулёмётных очередей, да ещё успевает целовать смазливую тёлку, которая визжит рядом, на пассажирском сиденье. В жизни же подобное трюкачество под огнём быстро закончится смертью храброго каскадёра. А умирать нам ещё рановато, ещё не всё в этой жизни сделано...

...Как уже говорилось выше, капитан Зеленцов мастерски водил машину. Любую машину. Вот и сейчас Влад в долю секунды умудрился развернуть «крузак» так, что пулемётная очередь наискось прошла по задней части «японца», не задев ни самого капитана, ни лейтенанта Григорьева. Джип Зеленцова всё-таки слетел с дороги, протаранив ближайший куст, но оба его пассажира, живые и невредимые, выскочили вон из машины. Вражеский вертолёт по дуге прошёл над нами, закладывая вираж вправо, видимо, пулемётчик захотел окончательно расстрелять две неподвижные цели. Цели, может, и неподвижные, но кусачие...

...Установив ПКМ на капот моего «мерса», Александр поймал на прицел вражескую «вертушку». Мы помогали Сашке изо всех пяти «калашей», длинными очередями, не жалея патронов, опустошали магазины. Град свинца забарабанил по обшивке вертолѐта, и пулемѣтчик противника обвис на турели, удерживаемый от падения вниз страховочным ремнѣм. «Вертушка» тотчас взмыла вверх, одновременно закладывая вираж влево. Из левого проѐма заработал второй «крупняк», пытаясь подавить нашу пулемѣтную точку. Пули просвистели прямо над головой Барулина, и тот нырнул вниз, прячась за капотом джипа. Следующая очередь исковеркала переднее колесо моего многострадального «мерса», а затем враг переключился на неподвижный «лэндкрузер». Видимо, пулемѣтчик посчитал, что Александр убит и больше не представляет никакой угрозы для винтокрылой машины, а пытаться подстрелить пятѣрку мечущихся по кустарнику пехотинцев занятие бесперспективное. Между тем вертолѣт был уже на расстоянии более километра от нас, и эффективность нашего огня снизилась...

...Расстрелянный полудюймовым калибром «крузак» горел ярким пламенем и наконец-то взорвался. В тот же момент капитан Барулин вскочил на ноги, подхватил ПКМ и изо всех сил чесанул к кустарнику. Мы постарались отвлечь вражеского пулемѣтчика, усилив огонь и выскакивая на открытое пространство. В результате Сашка успел добежать до спасительной зелѣнки, провожаемый фонтанчиками песка, выбитыми крупнокалиберными пулями из дорожного покрытия. Затем произошло небольшое чудо: вертолѣт резко набрал высоту, левым виражом уходя в сторону Замятино. Мы постарались всадить в брюхо «вертушки» как можно больше свинца, но, видимо, безрезультатно...

– Мишка, Рус! Бегом за мной! – следовало сполна использовать шанс, данный врагом, чтобы забрать из обречѣнного «мерса» рацию и цинки с боекомплектom. У меня оставалось примерно с полмагазина патронов, и я не сомневался, что вертолѣтчики обязательно подожгут джип. – Хватай рацию, а мы патроны!

– Руслан, кинь мне корob с лентой! – проорал Ковалѣв Руслану. – Вовка, а по кому он палит?

Действительно, вражеский пулемѣтчик вновь открыл огонь, расстреливая какую-то цель за поворотом дороги. Стало ясно, что этот кто-то отвлѣк противника на себя, тем самым спасая наши подпаленные шкуры. Благодаря неожиданной передышке, мы смогли спасти и наш скромный запас боеприпасов, и подаренную наѣмниками рацию.

...Парни лихорадочно набивали патронами магазины, прислушиваясь к рѣву вертолѣтных движков. Вражеский пулемѣт замолчал, едва на земле произошёл взрыв, и за полосой леса в небо поднялся столб густого чѣрного дыма. Это рванул бензobак машины, на которую и отвлѣкся противник. Мы уже догадались, что это была машина с ополченцами Семѣн Семѣныча, ринувшимися в Данилово следом за нами. Оставалось лишь надеяться, что никто из мужиков не пострадал.

Мы приготовились встретить «вертушку» изо всех стволов, но та прошла стороной, быстро промелькнув над осинником. Враг, похоже, не рискнул устроить повторную дуэль с шестью хорошо вооружѣнными ментами. Между тем артиллерийский обстрел посѣлка не прекращался. К редкому буханью корабельного орудия, похоже, присоединился миномѣт, хлопки выстрелов из которого чередовались с разрывами мин. Перестрелка из стрелкового оружия не прекращалась, периодически вспыхивая то в одном конце населѣнного пункта, то в другом. Судя по всему, в Данилово велись уличные бои, и ополченцы не собирались так просто сдавать посѣлок. Никитин не выходил на связь, как, впрочем, и командиры других групп самообороны.

– Так, по дороге лучше не рисковать, пойдѣм через зелѣнку, – сунув в разгрузку последний набитый магазин, решил я. – Вскрывают последний цинк, парни, патроны рассуйте по карманам.

– Командир, кто-то ломится по кустам! – Зеленцов неожиданно вскинул автомат. – На «два часа»!

– Чёрт подери, зашли с тыла! – выругался Руденко, приседая на одно колено и наводя «калашников» в указанном направлении. Звякнув лентой, Александр споро пристроил ПКМ на каком-то бугорке, остальные рассыпались цепью, прячась за деревьями.

– Отбой! Это – свои! – скомандовал Ковалёв после нескольких секунд томительного ожидания сшибки. – Семён Семёныч, мы здесь!

Спустя минуту к нам присоединились отставной военный с тремя ополченцами, вооружёнными автоматами и карабинами. Один из ополченцев слегка прихрамывал, а лоб Семён Семёныча украшал глубокий порез, сильно кровоточащий. Охотник чертыхался, машинально размазывая по лицу кровь, от чего всё больше и больше походил на персонаж из фильмов ужасов.

– Осколком стекла шандарахнуло, когда наш «уазик» рванул, – пока Михаил бинтовал голову Семён Семёныча, тот, охая, прояснил происхождение пореза. – Володя, что же за ироды такие на нас напали?

– А хрен их знает, мы не рассмотрели на «вертушке» никаких опознавательных знаков, – зло сплюнул Руслан. – Эй, что у тебя с ногой?

– Ушибся малость, когда мы тикали из машины в лес, – отозвался ополченец, потирая колено. – Ничего страшного.

В этот момент недалеко от нас вспыхнула перестрелка из нескольких автоматических стволов сразу. Короткие очереди чередовались с частой стрельбой одиночными, затем к автоматам присоединился пулемёт, зашедшейся длинной очередью. Стреляли где-то поблизости от усадьбы Еремеева, там, где располагалась наша база. Спустя минуту корабль врага дал очередной орудийный залп, и одновременно с грохотом разрыва над верхушками берёзок взметнулся столб дыма и пламени. Всё стало ясно – противник атаковал нашу базу, обороняемую всего тремя бойцами.

Мы неслись по зелёнке как угорелые, задыхаясь, спеша на звуки перестрелки. Враг, несмотря на поддержку корабельной артиллерии, никак не мог взять особняк Ерёмы. Похоже, Вольфганг не врал нам, когда представлялся бывшим офицером «штази». Пока немцы сдерживали противника, но рано или поздно враг либо сомнёт защитников базы числом, либо перемешает их с землёй огнём орудий и миномётов.

– Чёрт, такой красивый особняк был, – вырвалось у меня, когда я увидел результат прямого попадания снаряда в дом Николая.

– Угу, разнесли весь второй этаж, уроды, – со злостью в голосе процедил Ковалёв. – Пожара, похоже, не видать.

Прячась за редкими берёзками, где ползком, где перебежками, мы вышли во фланг нападавшим, которых оказалось на удивление мало. Нашу базу обстреливали с полдюжину чернокожих парней в камуфляже, не рискнувших, впрочем, атаковать через примыкающий к забору луг. Забор, кстати, был в нескольких местах аккуратно разрушен – кто-то изнутри двора повалил штуки три бетонных плиты, словно приглашая врага атаковать через образовавшиеся проломы.

Чернокожие агрессоры производили впечатление опытных бойцов – после двух-трёх очередей грамотно меняли позиции, не высовывали сдуру головы из-за укрытий. Обороняющиеся вели огонь одиночными, каким-то образом умудряясь не подпускать негров на расстояние броска гранаты. Сколько я ни всматривался в особняк, мне так и не удалось засечь позиции наших немцев. Видимо, и чернокожие бандиты оказались в подобном тактическом тупике, так как были вынуждены запросить сначала поддержку артиллерией, а чуть позднее и миномёта.

Прямо на наших глазах первая мина взорвалась у въездных ворот, вторая угодила прямо в караульное помещение, а следующие четыре штуки поразили двор усадьбы. Во дворе сразу же что-то рвануло, вверх взметнулось облако чёрного дыма, и Зеленцов беззвучно зашевелил губами – не исключено, что вражеская мина только что уничтожила «бэxu» Владислава. Напа-

давшие тотчас попытались атаковать, и... угодили под перекрёстный огонь со стороны немцев и нашей группы. Плотность огня была такова, что не уцелел ни один чернокожий...

– Рад вас видеть, товарищ майор, – криво улыбаясь, произнёс выбравшийся из-под бетонной плиты Нидеррайтер-старший. – Честно говоря, я уже готовился предстать перед нашим Создателем.

– Вольфганг, где Марина?! – сразу же закричал я. – Что случилось с нашими женщинами?

– С женщинами всё хорошо, – вытирая со лба пот, ответил немец. – Они спрятались в подвале, здесь очень глубокий подвал.

– Диана там же? – подскочил к нам капитан Руденко. – А почему вас только двое, где Лёнька?

– Как только началась стрельба, Леонид побежал в посёлок, – бывший офицер «штази» заменил опустевший магазин полным. – Мы с Гельмутом больше его не видели.

– Вовка, надо атаковать вдоль окраины, пока они не опомнились! – во двор вбежал Ковалёв, с трофейным ручным пулемётом наперевес. – Быстрее, парни, быстрее!

– Вольфганг, на ходу расскажешь! – Михаил был совершенно прав – нам следовало немедленно развить успех, накостылять негритосам по самые помидоры. Восемь опытных ментов могли серьёзно осложнить чернокожим уродам жизнь и повлиять на общую обстановку. – Семён Семёныч, ты со своими бойцами остаёшься оборонять базу! Не спорь – так надо!

В тот момент мы даже не подозревали, насколько сильно нам повезло. Вражеский вертолёт, доминировавший над полем боя и корректировавший действия агрессоров, возвратился на корабль, чтобы заменить погибшего пулемётчика и ещё одного раненого. Если бы «вертушка» продолжала висеть над нами, то чёрта с два мы деблокировали бы усадьбу Еремеева. Нас просто расстреляли бы из крупнокалиберных в чистом поле, а чернокожие в конце концов выкурили бы обоих Нидеррайтеров из-под бетонных плит. Скорее всего, забросали бы немцев гранатами. Страшно представить, что потом бы случилось с нашими женщинами.

Нападавшие оказались сплошь вооружены оружием советского образца – «калашами», плюс одним ПКМом. Прихватив трофейные боеприпасы, мы разделились на две четвёрки и двинули в посёлок. Тактическая ситуация в Данилово к этому времени существенно не изменилась – в нескольких местах продолжались спорадические перестрелки, полыхало несколько подожжённых артогнём строений, то тут, то там валялись тела людей и трупы собак. Похоже, агрессоры по каким-то причинам люто ненавидели данных животных.

...Добежав до крайнего дома, мы притормозили, переводя дух. Вновь послышался шум вертолётных двигателей, и я мысленно выругался – если враг начнёт наседать на группу с воздуха, то ни о какой зачистке посёлка от бандитов не может быть и речи. «Вертушка» просто начнёт гонять нас пулемётным огнём, словно зайцев, либо того хуже – начнёт корректировать залпы миномётчиков и корабельной пушки.

Пытаясь найти решение, я глянул на своих парней – большинство залегли вдоль забора, наблюдая за переулком и соседним домом. Зеленцов с Григорьевым сунулись осмотреть хату, проверить, чтобы никто не саданул очередью нам в спину. Послышался тихий женский вскрик, затем чьи-то сдавленные рыдания, на пороге появился Костя, дав нам условный знак. Так, здесь чисто, противник отсутствовал.

Из-за угла дома на миг высунулся Гельмут, обозрел окрестности, выискивая взглядом вертолёт, и тотчас спрятался обратно. Затем, выскочив из-за дома, оба немца чесанули к поленнице дров, и я буквально впился в них взглядом – Нидеррайтер-старший тащил на плече РПГ-7. Где же он взял гранатомёт?

– Миша, прикрой, – хлопнув Ковалёва по плечу, я вскочил и стрелой помчался к укрытию наших немцев. – Вольфганг, ты где взял «граник»???

– В самом начале атаки на особняк мой сын застрелил негра-гранатомётчика, – отозвался бывший офицер «штази». – Мы не могли сразу подобрать трофей, поэтому немного задержались и догнали вас здесь.

– Ты сможешь завалить из него «вертушку»? – я кивнул на трубу РПГ.

– Да, я смогу попасть в вертолёт, – после секундной паузы ответил немец. – Лучше всего, если мы организуем комбинированную засаду на пару с пулемётчиком. Так будет больше шансов сбить.

– Хорошо, Вольфганг, будешь взаимодействовать с Саней Барулиным и Русланом, – решил я. – Давай, побежали к ним, объяснишь парням, что и как.

Спустя пару минут мы двумя четвёрками двинулись дальше, на звуки стрельбы, возобновившейся где-то неподалёку. Вновь захлопал вражеский миномёт, посылая мину за миной по целям в центре посёлка. «Вертушка» противника куда-то удалилась, исчезнув из поля зрения, словно пилоты врага почуяли, что их ждёт при встрече с нами...

...Следующие два дома мы проверили минут за пять, обнаружив во второй хате тяжело раненую бабульку и пристреленную собаку во дворе у калитки. Старушку ударили ножом, но, видимо, сделали это второпях, поэтому она ещё не покинула сей бранный мир. Пострадавшую требовалось как можно скорее доставить на операционный стол, но где он, этот операционный стол в расстреливаемой из орудий деревне? Максимум, что смогли сделать мои парни – наложить повязку, приостановив кровотечение. А дальше – как карта ляжет, авось, и дотянет пенсционерка до эвакуации.

В переулке возле третьего дома лежали два окровавленных тела – женщины лет сорока и подростка лет четырнадцати. Во дворе злополучного дома обнаружился труп ополченца, рядом с которым валялся «укорот» с пустым магазином. Судя по разбитым очередями окнам в доме и россыпи гильз на полу под ними, мужик отстреливался до последнего. До последнего патрона, надеясь выиграть время для спасения своей семьи, тех, кого бандиты всё же настигли в переулке.

– Суки, – прошипел Руслан, закрывая ополченцу глаза. – Убить всех надо, всех!

– Спокойно, Рус, спокойно, – пришлось в прямом смысле придержать капитана Руденко, чтобы тот не наделал глупостей. – Мы замочим их всех, я обещаю...

...Своё обещание я начал воплощать буквально через минуту, когда у следующего дома мы столкнулись с группой противника. Столкнулись неожиданно, практически нос к носу, на полсекунды опередив врага с открытием огня. Не знаю, может, агрессора смутила наша чёрная форма, «сферы» или что-нибудь ещё, но противник промедлил, и это решило исход скоротечной сшибки.

Приседая на одно колено, я с десятка метров всадил короткую очередь в грудь мужика в экзотическом камуфляже и сразу же перенёс огонь на следующего. Тот дёрнулся, пытаясь удрать за угол дома, откуда они только что выбежали, одновременно стреляя в нашу сторону. Очередь из штурмовой винтовки прошла выше моей головы, одна из пуль даже чиркнула по шлему, и по спине пробежался неприятный холодок. Можно сколько угодно быть мысленно подготовленным к подобным ситуациям, но физическое тело, тварь такая, очень не любит, когда его ставят на грань гибели. Само осознание близости этой невидимой границы с иным миром происходит чуть позднее, когда завершается пьянящий адреналиновый кайф.

Третий противник успел юркнуть за угол дома и открыл огонь на секунду позднее, дав мне возможность перекатом уйти в сторону. В этот момент в бой вступил Ковалёв, чуть замешкавшийся с трофейным пулемётом – казалось длительное отсутствие опыта стрельбы из ПКМа. словно отбойный молоток, пулемётная очередь прошла по углу дома, вышибая щепки из брёвен, и вражеский солдат завалился наземь лицом вперёд.

Долю секунды спустя из-за угла выкатился ещё один урод в экзотическом камуфляже и засадил в Мишку короткую очередь. Мой напарник упал, сбитый с ног, я дал ответную очередь,

целясь в меткого агрессора, но тот успел юркнуть обратно. Этим воспользовались Зеленцов с Григорьевым, подхватили Ковалёва за шиворот и вместе с пулемётом втянули его за угол дома. Я же так и остался лежать на открытом месте, обрабатывая одиночными «вражеский» угол дома, не давая никому высунуться оттуда...

...Как уже говорилось, мы разделились на две четвёрки, действовавшие параллельно друг другу. Пока мы вели скоротечную схватку у фасада дома, Руденко с Барулиным сориентировались в деревенских закоулках, обошли двор задом и ударили по врагу с тыла. Видимо, агрессоры в чистеньком камуфляже ранее не имели возможности ознакомиться с особенностями российской провинциальной архитектуры, иначе бы предусмотрели вероятность обстрела из зелёнки за благоухающим коровьим навозом хлебом. Кроме этого, наши немцы проникли во двор дома, готовясь тепло встретить тех, кто в попытке спастись кинется внутрь двора через калитку...

– Шеф, не стреляй! – послышался голос Руслана, и он чуть высунулся из-за угла злополучного дома. – Здесь мы с немцами всё зачистили!

– Внимание за переулком! – вообще, парни обошлись бы и без моего ценного указания. Я же бросился к Ковалёву. – Влад, что с ним?!

– Стреляли почти в упор, «броник» не удержал, наверное, ещё и рёбра сломаны, – быстро доложил Зеленцов. – Надо эвакуировать.

– Миша, Миша, ну, как же тебя, так угораздило? – меня не на шутку испугала гримаса боли на бледном лице Ковалёва. – Чёрт, я виноват! Надо было сначала проверить двор!

– Не... терзай... себя, – с трудом выдавил из себя мой напарник. – Дышать... нечем... Должно... отпустить... скоро...

– Три пули вошли в тело, но, скорее всего, не добрались до жизненно важных органов, – ответил на мой немой вопрос Владислав. – Попытаюсь остановить кровь.

– Осторожней поворачивай, чтобы не проткнуть рёбрами лёгкие, – напомнил я, хотя капитан и без меня знал, как надо действовать в подобных случаях. – Влад, Костя, останетесь с раненым. Мы попробуем раздобыть транспорт.

– Иди, иди, командир, мы всё сделаем, – Зеленцов уже приготовил шприц-тюбик, чтобы облегчить Михаилу страдания. – Пулемёт заberi, он вам нужнее будет.

Прихватив трофейный ПКМ, я поспешил через двор на противоположную сторону дома. Сразу же услышал громкий голос Руденко, который осматривал дом внутри – судя по всему, хозяева успели убежать, либо спрятаться в укромном месте. Лучше, конечно, первое.

– Это арабы, товарищ майор, – сразу же доложил Нидеррайтер-старший, едва я появился из калитки. – То ли саудиты, то ли из Эмиратов, точно не скажу, но гарантирую, что это арабские военные моряки.

– Какого чёрта им от нас надо? – мой риторический вопрос повис в воздухе без ответа. – Вы все целы?

– Да, никто не пострадал, – кивнул немец, и на родном языке бросил короткую отрывистую фразу своему сыну. Последний тотчас вскочил, рысью добежал до соседнего забора и залёг, взяв на прицел проход между дворами. Именно оттуда появилась группа арабских мореманов в количестве шести бородатых рыл. Мда, наше счастье, что обрезанцы не устроили засаду – мчались куда-то словно угорелые. Интересно, куда же они бежали? – У арабов австрийские штурмовые винтовки «штайр» под стандартный натовский патрон пять, пятьдесят шесть, лёгкие бронежилеты, не способные удержать русские пули с близкой дистанции.

– Наши «броники» также не держат их пули, – уточнил я. – Ковалёв ранен, надеюсь, что выживет.

В этот момент зашипела портативная рация, закреплённая на плече одного из убитых врагов. Мужской голос с характерной вопросительной интонацией принял что-то талдычить по-арабски, вновь и вновь повторяя одну ту же фразу. У меня сразу же возникло ощущение, что

неизвестный араб вызывает расстрелянную нами группу. Либо погибших у особняка Еремеева чернокожих ребят.

– Мы видели пару похожих «уоки-токи» у негров, – словно прочитал мои мысли Вольфганг. – Этот араб, с рацией, наверное, их командир.

– Давай-ка убираться отсюда, пока не поздно, – закинув «калаш» на спину, я поудобнее подхватил пулемёт. Чёрт, тяжелоат будет, с ним не крутанёшься так же быстро, как с привычным мне автоматом. Сразу же стало ясно, почему замешкался мой напарник, обычно подвижный и шустрый во время скоротечных стычек. – Саня, прикрывай нас!

Следующий дом оказались пустым, если не считать бездыханного тела застреленной пенсионерки и очередной убитой собаки во дворе покойной. У этого дома нападавшие, похоже, получили отпор, так как мы обнаружили на земле россыпь стреляных гильз от «калашникова», пятна крови и следы волочения тела. Скорее всего, здесь произошло столкновение даниловских ополченцев с арабами, либо с неграми, завершившееся отходом первых. Отходом с потерями, так как следы на земле ясно указывали на волочение раненого в ногу человека. Ополченцы отошли к соседнему дому, а затем их следы терялись у полосы кустарника, куда мы благоразумно решили не лезть ни в коем случае. А ну как прошьют зелёнку из крупняка? Где нам прятаться на незнакомой местности?

Словно по заказу, послышался нарастающий гул вертолётных двигателей, и спустя пару десятков секунд мы вновь увидели вражескую «вертушку». Вертолёт летел стороной, примерно над примыкавшими к окраинам посёлка огородами, прямо по направлению к нашей базе. До последней, впрочем, не долетел – набирая высоту, сделал крутой вираж вправо, уходя из-под возможного обстрела с земли.

Нам не составило особого труда сообразить, что лётчики ведут поиск двух пропавших с концами боевых групп – негров и арабских военных моряков. Ополченцы под командованием Семён Семёныча заранее попрятались куда подальше, едва увидев приближение винтокрылой машины, и с высоты усадьба Еремеева смотрелась полностью безжизненной зоной. А если учесть, что во дворе Николая весело полыхает гостевой дом и густо дымит, догорая, «хаммер», то чёрта с два вертолётчики там что-нибудь разглядят. А вот валяющиеся за забором чернокожие тела в светлом камуфляже увидят обязательно. И вновь начнётся обстрел артиллерией, если, конечно, на корабле агрессоров бездонные погреба, а миномётчики притащили с собой фургон, набитый ящиками с минами.

Мой взгляд упал на пару бетонных колец, сиротливо поставленных друг на друга у края недавно вспаханного огорода. Видимо, их привезли, чтобы соорудить колодец, подобный тому, что я видел недалеко отсюда. А что, если...

Секунду спустя я бросился к покосившемуся забору и принялся спешно выламывать потемневшие от времени доски. Руденко с Барулиным поначалу остолбенели, глядя, как их командир с энтузиазмом лупит забор ногами, с хэканьем, изо всех сил. Затем мои парни переглянулись друг с другом и кинулись мне помогать – смекнули, что я придумал нечто неординарное, и не имею времени посвящать их во все детали своего плана. Если нужен вдребезги разваленный забор, то получите и распишитесь, товарищ майор.

Наши же немцы буквально впали в ступор, глядя, как трое русских ментов ногами демонстрируют абсолютно безвредное сооружение из ветхих досок. Первым опомнился Нидеррайтер-младший, подскочил к забору и присоединился к вандалам-заборофобам. Я обратил внимание, что у Гельмута хорошие удары ногой – сильные и точные, доски он вышибал с одного одного-двух ударов. Отец молодого человека не врал, когда упоминал о занятиях сына боевыми искусствами. На долю бывшего лейтенанта «штази» досталось всего лишь несколько досок в самом конце забора, которые немец, поднатужась, попросту выломал руками.

– Мужики, расклад простой – либо мы его, либо он нас, – без лишних вступлений я объяснил, как нам избавиться от вездесущего винтокрылого врага. – Всё ясно?

– Ты полный псих, командир, а мы – ещё большие психи, коли согласны с твоим планом, – засмеялся Руслан. – Вольфганг, ты готов поиграть в русскую рулетку с «вертушкой»?

– План пахнет самоубийством, но у нас нет особого выбора, – Нидеррайтер-старший почесал свой гладко выбритый подбородок. – Я объясню сыну, что он должен делать.

– Потом объяснишь, хватайте доски и за мной, – приказал я, подхватывая три доски и припуская к бетонным кольцам. На демонтаж забора ушла минута, пара минут истрачено на изложение моей задумки, ещё пара минут уйдёт на сооружение укрытий. Лишь бы этот чёртов вертолёт не нагрянул раньше времени, а в этом углу села не объявилась бы очередная группа арабов с неграми...

...Пролетев высоко над нами – и думать нечего, чтобы попытаться сбить – «вертушка» развернулась где-то над трассой и вновь пошла в сторону полуразрушенного еремеевского дворца. Вновь трижды хлопнул залпами вражеский миномёт, накрыв нашу базу очередной порцией взрывчатого железа. Где-то в центре села снова застучал пулемёт, чередуясь с короткими очередями и одиночными выстрелами из какого-то карабина. Я невольно вспомнил о Новичонкове с Соловьёвым и о Марке, который был вооружён СКС с оптикой. В душе всё ещё теплилась надежда, что наши парни живы, что они всего лишь отступили, спрятались, и через какое-то время мы вновь с ними увидимся...

– Метров пятьсот, вроде приближается, гад, – почти шёпотом произнёс Александр, словно боялся, что вертолётчики могут его услышать. – Скоро заметит дохлых арабов...

– Главное, чтобы не увидел нас, – отозвался я, прижимая к лицу ствол потёртого трофейного пулемёта. – Млин, у Вольфганга же всего один выстрел. Вдруг – промажет?

– Ничего, Володя, даже если старый фриц и промажет, Руслан выведет вертолёт на нас, – с уверенностью в голосе ответил капитан. – Ага, точно, летит к нам...

Я припик к щели, пытаюсь что-либо рассмотреть, но тщетно. Мы с Барулиным сидели лицом к лицу, в тесном бетонном кольце, обложенном на манер индейского вигвама выдранными из забора досками. Здесь, наверное, «диванные спецназеры» и прочие шибко умные интернет-вояки зайдутся истеричным смехом, ибо в их представлениях главный герой сшибает «вертушки» одной левой, метко укладывая пули прямо в башку пилота, а враг мажет ракетами и скорострелками и мажет.

Мало кто понимает, что вертолёт – наиболее опасный враг для пехоты, коей, по сути, мы и являлись. Пехотинец не может убежать от «вертушки», и уж тем более не способен догнать её на своих двоих. Пехотинец может использовать естественные и рукотворные укрытия и спрятаться, если сие позволяет тактическая обстановка. А если не позволяет, как это случилось в Данилово? В общем, если под рукой у пехоты нет пресловутой «иглы» либо какого-нибудь иного «стингера», то противостояние с винтокрылом может запросто обернуться полным комплектом «двухсотых». Даже если у врага нет скорострельных пушек с ракетами, и всё вооружение вертолёта составляет пара крупнокалиберных пулемётов. Поэтому единственным нашим шансом завалить «вертушку» было заманить вражеских пилотов в хитроумную засаду, сконцентрировав на цели максимально возможную огневую мощь. Иначе, в конце концов, нас рассеют, зажмут и попросту расстреляют с моря, земли и воздуха.

Мой, не стану скрывать, придуманный от безнадёги план заключался в следующем: я с капитаном Барулиным спрятались внутри бетонных колец, которые прикрывались со всех сторон досками на манер пресловутого индейского вигвама. Сверху подобное сооружение напоминало нечто смахивающее на деревенский колодец, один из тех, что виднелся в двухстах метрах от нашей засады. Колодцев, кстати, в Данилово было множество, самых разнообразных по внешнему виду, и враг не должен был заподозрить что-то неладное. А дальше всё зависело от Руденко и Нидеррайтеров, задачей которых стало любой ценой вывести вертолёт на директрису огня из нашей засады. Ещё оставался шанс, что Вольфганг собьёт «вертушку» из РПГ,

но немец давно не практиковался в стрельбе, и я не обольщался надеждами насчёт бывшего офицера «штази».

– Началось, – прошептал Сашка, прислушиваясь к автоматным очередям. – Что-то не похоже на «калаши», тебе не кажется?

– Рус обещал, что использует трофеи, «штайры», или как их там называют, – отозвался я, всматриваясь в узкую щель между досками. – Ага, а вот и ответили из «крупняка».

Как позднее нам рассказал Руденко, первым вступил в бой Гельмут, ведя огонь из австрийских винтовок с двух рук сразу, благо их конструкция позволяла повернуть подобный трюк. Особой меткости от такой стрельбы, прямо скажем, ожидать не приходилось, но вертолётчики углядели стрелявшего, и попытались его накрыть из «браунинга». Как и следовало ожидать, промахнулись по шустрой цели, получили несколько очередей от Руслана, и постепенно разозлились. Крупнокалиберный стал долбить, не переставая поливая длинными очередями окрестные дома и постройки, где прятались наши парни. Видимо, к этому моменту пилоты заметили и тела арабских моряков в камуфляжной форме и стали действовать на эмоциях.

...Вертолёт заложил вираж, уходя из-под обстрела, на секунду мелькнув в нашем поле зрения. Застучал второй «браунинг», вряд ли прицельно, скорее, для острастки, чтобы предотвратить обстрел с земли. Однако с земли ответили, и ответили минимум из трёх-четырёх стволов, после чего вражеский пулемёт замолчал. Вряд ли парни попали, видимо, цели вышли из зоны обстрела из «крупняка». Спустя полминуты «вертушка» понеслась обратно, закладывая дугу над краем посёлка, практически прямо над нашими головами. Вновь произошла короткая перестрелка между моими парнями и вертолётчиками, в конце которой мы слышали выстрел из гранатомёта, а мгновение спустя и сильный взрыв. Вольфганг применил РПГ, но почему-то не по воздушной цели. После взрыва гранаты раздалось несколько автоматных очередей, стреляли и из «калашей», и из «штайров», стреляли, не жалея патронов...

– Возвращается, тварь, – прошипел Барулин, примериваясь встать в полный рост. – Вовка, тебе придётся стрелять с разворота.

– Хорошо, командуй, – повернув голову, я видел, что вертолёт собирается совершить новый заход и пролетит аккуратно мимо нашей позиции. Метрах в двухстах, если нам повезёт. – На счёт «три».

– ...Два, три! – мы с Александром мгновенно вскочили, развалив локтями и плечами «индейский вигвам». Одна из досок каким-то образом оказалась в бетонном кольце, но нам уже было не до этого. – А-а-а!!!

Барулин стоял слева от меня, раскрыв рот, орал во всё горло, одной длинной очередью высаживая во врага весь короб. Я также старался изо всех сил, целясь по пилотской кабине, страстно желая лишь одного – попасть! «Вертушка» угодила под наш обстрел секунд на пять, не более, но этого хватило, чтобы Сашка попал в двигатель, а я всё-таки вывел из строя одного из лётчиков. Совокупность этих двух факторов привела к тому, что вертолёт сначала шарахнулся влево, пытаясь уйти из-под огня, а затем неожиданно с потерей высоты резко повернул в противоположную сторону.

Мы проводили врага дымящимися стволами двух безмолвных пулемётов, машинально продолжая жать на спуск – патроны закончились, а запасных лент у нас не было. Впрочем, даже если бы у нас и имелось в запасе по коробу, мы бы всё равно не успели вставить в ПКМы новые ленты. «Вертушка» быстро исчезла за крышами деревенских домов, оставив за собой шлейф густого чёрного дыма.

Пулемётчик противника, с опозданием открывший огонь, так и не попал в нас, но сумел чиркнуть очередью по нижнему бетонному кругу. Хотя большая часть крупнокалиберных пуль ушла в рикошет, пара штук прошили и раскрошили бетон, лишь каким-то чудом не зацепив

мои ноги. Признаться честно, нам дико повезло, что саудит оказался очень плохим пулемётчиком, иначе два питерских опера вмиг бы очутились на том свете.

– Сань, хватай пэкаэм, и ходу, – враз севшим голосом приказал я. – Надо идти воевать дальше.

Покинув укрытие, мы побежали к парням, ориентируясь на звук стрельбы «калашей». Нам не составило труда найти своих, точнее, одного из наших: Нидеррайтер-старший оборонялся в ближайшей хате, постреливая из окон вдоль переулка. Сын бывшего лейтенанта «штази» засел за углом хлева, прикрывая тылы Руденко. Руслан с Гельмутом частично перешли на трофейное оружие, экономя боеприпасы к «родным» автоматам. У Вольфганга также имелся трофейный «штайр», но немец почему-то предпочёл «калашников».

– Мужик, ты куда запулил из «граника»? – опередил меня с вопросом Барулин. – Говорил же, что постараешься.

– За-пу-лил вон по тем арабским собакам, – медленно произнёс Нидеррайтер-старший, ткнув стволом «штайра» в сторону соседского забора. Точнее, в сторону остатков забора, смешанных с тремя-четырьмя телами в экзотическом камуфляже. – Если бы они обошли с фланга, то мне бы настал конец. И вам тоже.

– Извини, был не прав, – капитан протянул немцу руку. В подобных случаях Александр сразу же признавал свою неправоту. – Стволом поделись, пожалуйста, а то у меня патронов в ноль – как-то неудобно так воевать.

Вооружившись трофейной винтовкой, Сашка занял позицию в другой комнате, а я стал пробираться к Руденко. Два рывка от укрытия к укрытию через открытое пространство, чья-то запоздалая очередь по моим следам, и я влетел в соседний дом, прилично иссечённый из крупнокалиберного. Руслан дёрнулся было в мою сторону, но, слава богу, машинально не нажал спусковой крючок.

– Уходить надо, Володя, – усталым голосом произнёс капитан. – Патронов осталось с гулькин нос, да и трофейные уже заканчиваются.

– Согласен, Рус, надо линять, пока не поздно, – я осторожно выглянул в оконный проём, затем перевёл взгляд на своего товарища – разгрузка Руслана выглядела так, словно её кто-то изжевал огромными зубами. – Да ты никак ранен?!

– Всего лишь морально, – усмехнулся Руденко. – Прикинь: впритирку прошло, карманы и магазины в хлам, австрийскую железку напополам, а на мне ни царапины. У тебя выпить есть?

– Держи, – я протянул капитану фляжку. – Странно, почему они не обошли нас по кустам, с фланга?

– Так Влад с Костиком сменили позицию и перекрыли подход, – Руденко мигом выдул остатки коньяка и с сожалением потряс ёмкость. – Меня другое волнует: сбили вы вертолёт или нет?

– А хрен его знает, – честно признался я, прислушиваясь к звукам редкой перестрелки. – Вроде не слышать «вертушки», да и миномёт замолчал.

– Да, миномёт нам не одолеть, – с сожалением в голосе отозвался Руслан. – Вот, гадство, и связи нет никакой.

– А где наша крутая рация? – вспомнив про подарок ван Клейста, поинтересовался я. – Неужели разбили?

– Да целая она, что ей станется, – зло сплюнул мой товарищ. – Я возле Мишки её сбросил, чтобы не мешала скакать под пулями. Всё равно наёмники молчат, словно воды в рот набрали.

Вертолёт больше не появлялся, и, пользуясь передышкой, мы стали отходить обратно, к нашей разгромленной артогнём базе. Патронов, действительно, оставалось совсем немного, связь с ополчением отсутствовала напрочь, а тактическая обстановка вертела перед нами своим огромным жирным задом.

Отходили тем же маршрутом, что и вошли в посёлок, по максимуму нагрузившись трофеями, плюс, вытаскивая одного «трёхсотого». Хотя Ковалёв и уверял, что может идти самостоятельно, мы решили не рисковать – кто знает, какие у Михаила внутренние повреждения, и сможет ли Диана спасти его, если произойдёт ещё какая-нибудь неприятность. На удивление, нас никто не обстрелял, не накрыл минами или снарядами, хотя группа бойцов с раненым на руках представляла собой весьма лакомую цель.

Как я и предполагал, ополченцы использовали созданные нашими немцами укрытия. Едва мы выскочили из зелёнки и, оглядываясь, порысили к усадьбе, из-под одной из бетонных плит всунулся мужик, помахав кому-то рукой. Быстро выяснилось, что ополченец дал знак Семён Семёнычу и ещё одному дядьке – те устроились на... разгромленном втором этаже еремеевского дворца. Как говорится: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Вражеский снаряд создал такой неопиcуемый хаос обломков, что отставной военный сразу же сообразил – вот оно, место для наблюдателя. Ну, а заодно и для снайпера, если наблюдатель способен совместить и то, и другое. Поначалу паре наблюдателей сильно мешал дым от горящей во дворе машины, но спустя какое-то время «хаммер» повыгорел, а ветер стал относить дым в сторону.

Мы занесли нашего пострадавшего товарища на первый этаж, позвали из подвала доктор и Марину. Последняя с криком и рыданиями бросилась мне на шею, так, что даже стало неудобно перед парнями. Впрочем, и Диана не отставала от переводчицы, повиснув на шее Руденко, осыпая его лицо поцелуями. Пришлось подождать, пока женщины придут в себя, и лишь затем предъявить им раненого.

Кроме того, во время отхода выяснилось, что по касательной зацепило и Нидеррайтера-младшего. Гельмут перевязал себя сам, сцепив зубы, бежал наравне со всеми, прихрамывая на одну ногу, терпел боль, ни словом не обмолвившись о ранении. С одной стороны, мальчишка – молодец, истинный ариец, характер нордический, стойкий. А с другой – дурак, потому что промолчал о своём ранении. Если бы рана оказалась более серьёзной, то нам бы пришлось тащить сразу двух «трёхсотых», а это уже не шуточки. В общем, в процессе перевязки и осмотра раны Вольфганг провёл с сыном профилактическую головомойку, объяснив тому, что и как на войне.

– Как успехи в снайперском ремесле? – покончив с первоочередными делами, я поднялся на второй этаж с целью разведать тактическую обстановку. – Шлёпнули кого-нибудь?

– Далековато для наших стволов, – с тяжёлым вздохом ответил Семён Семёныч. – Тут из крупнокалиберной надо, да и то без гарантии.

– Увы, «зверобоев» у нас нема, – констатировал я, пробираясь через лабиринт обломков. – Дайте хоть глянуть, что и как.

– Смотри, Володенька, смотри, – забрав карабин, отставной военный уступил мне местечко у дыры в завале конструкций.

– Интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд, – я не смог удержать своих эмоций. – И каким, скажите мне, макарон, нам утопить это корыто, а?

Зрелище, открывшееся со второго этажа еремеевского дома, завораживало и убивало одновременно. Завораживало красотой воплощённого в металл совершенства форм и пропорций, а убивало осознанием того, что сие совершенство осыпало Данилово градом смертоносного металла, убив и искалечив массу людей. Просто так, только потому, что так захотелось тем, кто управлял этим военным кораблём, кто имел возможность вести безнаказанный арт-обстрел, сам находясь вне зоны поражения из наших автоматов и винтовок.

– Разрешите, товарищ майор? – прозвучало у меня за спиной, и я отодвинулся чуть в сторону, уступая место бывшему лейтенанту «штази». – Французская постройка, развитие удачного типа «Лафайетт», флага нет, но я гарантирую, что это саудовский фрегат – в том районе подобные корабли есть только у их нефтяной монархии.

Я молча слушал, рассматривая корабль противника. В голову лезли разные мысли, в основном фантастического характера. Как ни крути, а нам не совладать с таким грозным врагом, как фрегат. Единственный вариант – отступление вглубь анклава, туда, где мы будем иметь хоть какое-то преимущество в знании местности и манёвре. На крайняк – отход в недавно найденную Борисовку, куда, надеюсь, не долетят вражеские снаряды.

– Фрегат вооружён стомиллиметровым орудием, противокорабельными и зенитными ракетами, торпедами, малокалиберными скорострелками, – словно по тексту продолжал вещать Вольфганг. – На борту корабля имеется многоцелевой вертолёт типа «Пантер», скорее всего, в противолодочном варианте. Это объясняет, почему у «вертушки» нет ни ракет, ни автоматической пушки.

– Во чешет немец, – невольно восхитился Семён Семёныч. – А о втором корабле что скажешь, о том, что стоит вдалеке от берега?

– Типичный танкер. Примерно в двадцать тысяч тонн водоизмещением, – едва найдя цель, сразу же определил Нидеррайтер-старший. – Полностью загружен. Чем – не могу знать.

– Как думаешь, сколько до него будет? – поинтересовался я. – В километрах, а не в милях.

– Километра четыре, – после небольшой паузы ответил немец. – А до фрегата – два – два с половиной.

– Пушек у нас нема, – с сожалением констатировал я, переводя взгляд на более мелкие плавсредства агрессоров. – Лодки какие-то странные, не похожие на шлюпки с военного корабля.

– Да, они не с фрегата, – подтвердил мои мысли Вольфганг. – Думаю, лодки принадлежат пиратам, типа сомалийцев, или каким-то другим африканцам.

– Хм, очень даже вероятно, – согласился я. – Военные моряки и пираты могли объединить свои силы, если у них есть что-то общее. А общего у них одно – одна религия. Исламский фактор, яти его.

– И что же теперь делать? – спросил удручённый нашим открытием начальник замаятинского гарнизона. Извечный русский вопрос повис в воздухе, ибо ни я, ни немец не имели идей, как пустить ко дну этот чёртов саудовский фрегат. Хорошо ещё, что удалось на какое-то время избавиться от вражеского вертолёта, в результате чего агрессоры прекратили сыпать по посёлку минами и снарядами. Над Данилово повисла относительная тишина, прерываемая редкими очередями и одиночными выстрелами. В нескольких местах продолжались пожары, которые, похоже, никто не тушил.

– Командир, к нам прибежал связной! – голос Руслана отвлёк меня от разглядывания обстановки в деревне. – Говорит, от самого Никитина!

– Сейчас спущусь! – ответил я, переводя взгляд на местный «аэропорт», явно захваченный противником. – Семён Семёныч, вы наших лётчиков не видали? Или джип с группой Соловьёва?

– Кхм, Володя, глянь чуть правее «боинга» и ближе к нам, – с тяжёлым вздохом ответил отставной военный. – Видишь, там горит что-то? Очень похоже на машину.

– Вижу, – сквозь зубы процедил я, узнав в обгорелом остове силуэт «гелендвагена». – Суки! Всех замочу, уродов зелёномордых.

Связным от Никитина оказался младший сын Василия, посланный главой с целью организовать совместную контратаку, чтобы выбить врага из центра посёлка. Юрий – так звали отпрыска главы администрации – во время всего боя постоянно находился при отце, поэтому владел более-менее достоверной информацией о происходящем. Мои парни быстро вывели из Никитина-младшего всё, что тот знал, расспросили и сопровождавшего его ополченца. Постепенно вырисовывалась картина нападения на наш кластер, примерный состав сил агрессоров, их тактика, их боевые возможности.

Вражеские корабли подкрались к анклаву ночью, идя вдоль берега с западного направления. Наблюдатели на колокольне, похоже, проспали приближение чужаков в прямом смысле этого слова, забив тревогу лишь после того, когда фрегат жажнул из пушки. Скорее всего, насквозь сухопутные местные мужики просто не представляли себе, что на Данилово могут напасть с моря, и визуально не контролировали южный сектор. Так ли это было, или не так, узнать не представлялось возможным – все наблюдатели погибли на своём боевом посту, снесённые вражеским снарядами вместе с колокольней.

Чернокожие – основные сухопутные силы нападавших – незамеченными высадились на берег ещё до первого оружейного залпа. Скрытно пересекли полосу чужого леса, подкрались к шоссе, а затем атаковали наш пост с первым же выстрелом корабельного орудия. В отличие от наблюдателей с колокольни, наши парни не спали и встретили врага из всех стволов. На помощь неграм пришёл вертолёт, и после короткого ожесточённого боя агрессоры провалились дальше... С ходу атаковали ближайший блокпост ополчения. Мужики не выдержали обстрела с воздуха и стали отступать к центру посёлка. Чернокожие наседали и вошли в Данилово, попутно расстреливая попавшееся под руку мирное население.

Следом за выходцами из Африки в посёлок вошло подразделение саудовской морской пехоты, либо просто вооружённые моряки с фрегата. Арабы в красивом камуфляже держались во втором эшелоне, закрепляя захваченную неграми территорию. Судя по всему, саудовские моряки не умели воевать на суше, иначе сложно объяснить их провал и большие потери в первом же столкновении с нашей группой. Впрочем, и чернокожие не показались нам особо выдающимися бойцами – за бетонным забором валялось восемь тушек «двухсотых», погибших при атаке на нашу базу.

По мнению штаба ополчения, изначально у нападавших было около полусотни бойцов. Численность подкрепления из арабов оценивалась в два-три десятка человек, плюс миномётный расчёт, засевший в кустарнике за трассой. В бою на шоссе негры потеряли с десятков солдат, ещё полтора десятка в самом посёлке, если считать с теми, кого завалила моя группа. Учитывая, что мы исключили из игры «вертушку» и уполовинили отряд саудовских моряков, враг утратил первоначальное численное превосходство над даниловским ополчением. Поэтому Никитин хотел немедленно атаковать, чтобы выбить агрессора из посёлка, пока с корабля не прислали новое подкрепление.

За время хаотичного утреннего боя и отступления к северной окраине ополчение потеряло почти три десятка дружинников убитыми и ранеными, да ещё примерно столько же гражданских, попавших под огонь с моря и с воздуха. Плюс оставалась неизвестной судьба почти сотни мирных жителей, не успевших сбежать с временно занятой врагом территории. Противник наверняка захватил бы и северную часть посёлка, но на помощь Никитину подоспела бригада строителей, а наша группа неожиданно смяла весь правый фланг нападавших.

Лишившись поддержки с моря и с воздуха, чернокожие откатились, прекратив напирать на ополченцев, а арабские моряки, как уже говорилось выше, не были должным образом подготовлены, чтобы грамотно воевать на суше. Особенно в условиях северо-запада России. Кроме того, у деревенских мужиков не принято в массовом порядке «косить» от армии, плюс они наскребли буквально с миру по нитке оружия – вот у обрезанцев и нашла коса на камень.

– Первое: в особняке останутся Семён Семёныч со своими бойцами, оба немца и Мишка с женщинами, – после недолгого обсуждения предложенного Никитиным плана контратаки я решил, что следует поступить по-своему. – Второе: Юра, передай отцу, что нет смысла лезть всей толпой напролом в мешанину уличных боёв. Мы увязнем в перестрелках с неграми и арабами, которые уже поджидают нас в засадах.

– Но вы же удержали особняк, сбили вертолёт и без потерь накрошили кучу врагов! – перебив меня, выкрикнул сын Никитина, вскочил, заходил туда-сюда по комнате. Мда, сдали у

парня нервы, молод он ещё всё-таки, впечатлителен. – У врага в заложниках сотня баб и детей, и мы должны их освободить! Обязаны, понимаете?

– Кто это тебе сказал, что пропавших без вести баб и детей держат в заложниках, а? – прищурился я, глядя Юрию прямо в глаза. – Мы не видели в крайних домах никаких заложников – там лишь тела убитых. Наш враг – исламисты. А им не нужны никакие заложники – им нужны трупы христиан. Понятно?

Никитин-младший кивнул, краснея, и присел на край роскошного кожаного дивана. Второй даниловский ополченец тяжело вздохнул, перетаптываясь на месте, чуть улыбнулся виновато, мол, извини, майор. Улыбка у мужика вышла кривая, кислая, словно недозревший лимон. Мои парни не произнесли ни слова, деловито набивая магазины и хмуро поглядывая на Юрия.

– Далее: мы впятером совершим фланговый маневр с выходом во вражеский тыл, – продолжил я. – Постараемся найти и уничтожить миномёт, а если повезёт – захватим его. После чего ударим исламистам в тыл. И вот тогда вы, мужики, перейдёте в атаку по фронту. Всё ясно?

– Товарищ майор, сколько времени вам понадобится на обход фланга? – задал важный вопрос второй ополченец. – Я спрашиваю потому, что мы потеряли почти все рации, которые вы выдали на блокпосты, и надо как-то скоординировать взаимодействие.

– Командир, может, попользуемся трофейными? – Руслан кивнул в сторону нескольких «уоки-токи», взятых с убитых арабов и негров.

– Нет, никаких трофеев. Нельзя быть уверенным, что среди исламистов нет знающих русский, – я отрицательно покачал головой. – По времени: я не знаю, сколько его понадобится. Вы нас услышите в любом случае. Ясно?

Больше не последовало никаких вопросов и возражений, и мы отправили связных восвояси. К этому времени стрельба в посёлке практически утихла – обе стороны совершали перегруппировку сил и сэкономили боеприпасы. Корабельный вертолёт исчез, как говорится, с концами, вражеский миномёт молчал, а фрегат, как сообщил сверху Семён Семёныч, лёг в дрейф в паре километров от берега. Что же, вполне логичное решение командиров противника, ибо запасы жидкого топлива имеют свойство заканчиваться, а ближайший арсенал остался в старом мире.

Чтобы зайти в тыл врага, нам предстояло совершить обходной маневр, а затем стрелой пересечь трассу. Либо совершить более глубокий обходной маневр и обойти трассу примерно в том месте, где мы впервые ступили на землю нового мира. То есть скрытно прошагать пару километров в одну сторону, после чего преодолеть такое же расстояние по чужому лесу до места стоянки самолётов – «боинга» и «ила». Именно там, в районе «аэропорта Данилово» расположились миномётчики противника, грамотно оборудовавшие огневую позицию за штабелем бетонных плит, что остались после укладки дорожек под шасси «немца».

Для тренированного человека прошагать пару километров – это суший пустяк. Если захотеть и поторопиться, то можно уложиться в полчаса, даже не особо вспотев. Сложнее, когда на улице плюс тридцатник по старику Цельсию, на тебе надет бронежилет, на голове сидит тяжёлая «сфера», спину оттягивает набитый боеприпасами рюкзак, выюк с трубами «граников», да ещё и пулемёт в руках... Мечты, мечты. Из всего вышеописанного богатства у нас присутствовали лишь бронежилеты со «сферами», а оба ПКМа пришлось оставить в усадьбе из-за банального отсутствия патронов к этим славным машинкам. В общем, всё наше вооружение состояло из традиционных «калашниковых» и по три-четыре магазина к ним у каждого. Ещё мне удалось уговорить парней захватить с собой наёмниковскую рацию, которую мы несли по очереди.

Спустя три четверти часа после выхода с базы подошли к морской глади, где решили чуток передохнуть, а заодно рассмотреть поближе саудовский фрегат. Благо тот отлично просматривался из прибрежных зарослей чужого леса. Впереди нас ждал марш-бросок по границе пересечения двух миров до самого «даниловского аэропорта».

– Эх, пушечку бы нам сейчас, хотя бы «ЗиС-третью», – с ноткой грусти и сожаления в голосе произнёс Руденко. – Как думаете, они нас видят?

– Нет, Руслан, с такого расстояния нас не рассмотреть, – отозвался Владислав. – Даже если они знают, что на берегу кто-то прячется...

– ...«Шерлок Холмс», ответьте «Лестрейду», «Шерлок Холмс», мы вас видим, ответьте «Лестрейду». – Я чуть не подскочил от неожиданности, когда услышал вызов по подаренной бельгийцем радиостанции. Парни мигом обернулись назад, рассредоточились по фронту, готовясь отразить нападение с тыла. Дело в том, что позывной «Лестрейд» мог использовать лишь один человек – капитан Жерар ван Клейст собственной персоной. «Шерлок Холмс», соответственно, являлся позывным вашего покорного слуги. При этом существовало одно маленькое «но» – командир наёмников не знал языка Пушкина и Гоголя, а вызывавший нас сейчас человек говорил на чистейшем русском. – «Шерлок Холмс», ответьте «Лестрейду»...

– Вовка, тебе придётся отвечать, чёрт подери, – сверкая глазами, громким шёпотом зашепел Саня Барулин. – Нам некуда здесь спрятаться – позади море, туды его в качель.

– «Холмс» слушает, – я постарался, чтобы мой голос звучал естественно и не выдал бы охватившее меня волнение. – Чего тебе надо, «Лестрейд»?

– «Холмс», я сейчас выйду, и пойду к вам, а вы, пожалуйста, постарайтесь меня сдуру не подстрелить, – отозвался наш таинственный собеседник. – Внимание: я выхожу!

Метрах в семидесяти от нас и правее – а мы уже лежали спиной к воде – зашевелились ветки местного кустарника, и показалась фигура человека в тропическом камуфляже. В таком же, в котором щеголяли наёмники ван Клейста, в том числе и он сам лично. Приблизившийся к нам боец старался держать руки на виду, при этом у него на плече стволом вниз висел автомат. Мы нисколько не сомневались, что сей товарищ здесь не один, а вокруг нас, быть может, уже затянута петля окружения. Чёрт, а ведь мы сами себя прижили к морю, решив передохнуть перед вторым этапом операции.

– Здорово, мужики, меня зовут Андрей, – между тем незнакомец представился, остановившись в десятке метров от меня и Руслана. – Ван Клейст просил передать, что вы – молодцы, продержались до подхода «брони» и подкрепления.

– Что-то я не вижу здесь ни «брони», ни подкрепления, – Руденко продолжал держать наёмника на прицеле. – А не тот ли ты Андрей, который... ну, ты понял, о чём речь?

– А, да, это я посоветовал тем двум секьюрити поговорить с Жераром, – чем-чем, а тугодумством Андрей не страдал, и почти сразу же сообразил, о чём идёт речь. Мы же немного расслабились, поняв, что вновь пересеклись с «дикими гусями». – Нам в отряде нужны люди с боевым опытом, умеющие водить тяжёлую технику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.